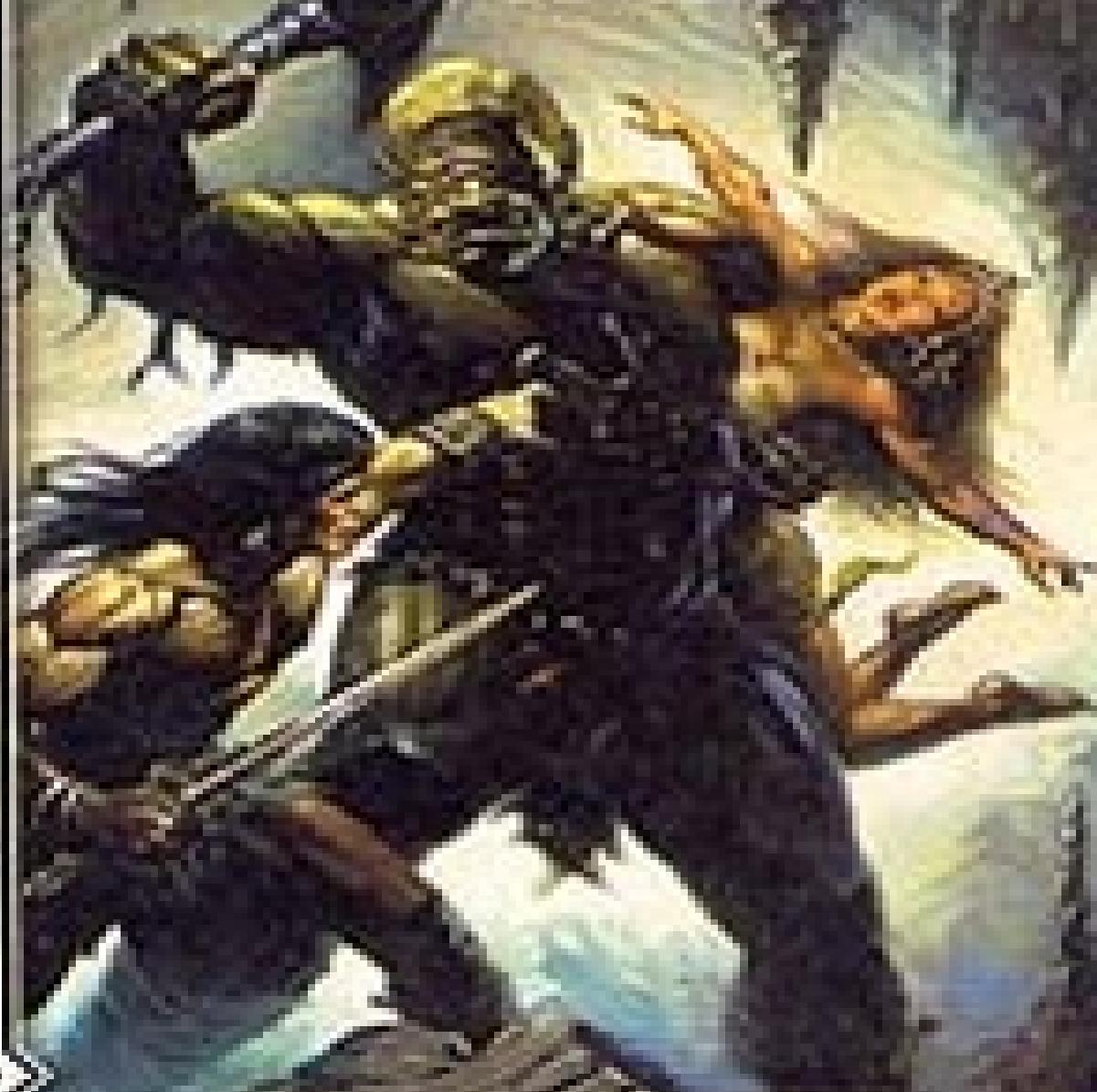

Секрет

КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРЫЖ

Северо-Запад

Annotation

Образ прекрасной пиратки Белит всегда вдохновлял последователей Мастера. Мятежная, не ведающая страха, она была верной спутницей Конана в его странствиях.

Вниманию читателей предлагается роман Т. Рейли, объединенный с новеллой Р. Говарда в единую дилогию.

«Северо-Запад», 1997, том 34 «Конан и ледяной страж»

Томас Рейли. Кормчие судьбы (роман), стр. 37-180

- [Томас Рейли](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава I.](#)
 - [Глава II.](#)
 - [Глава III.](#)
 - [Глава IV.](#)
 - [Глава V.](#)
 - [Глава VI.](#)
-

Томас Рейли
Кормчие судьбы

Пролог

Редкий смельчак осмеливался нарушать покой подземелий, и многие из незваных гостей уже никогда не покидали Город-под-городом. Но сейчас запутанные ходы, которые так давно не тревожил звук человеческих голосов, содрогались от детского крика. Держа в правой руке факел, а в левой корзину, из которой доносились вопли голодного младенца, молодая женщина бежала по коридору. Она задыхалась и сама была готова расплакаться, но неведомая сила заставляла ее ускорять шаги.

Наконец женщина остановилась и, поставив корзину у ног, прислонилась к стене. Она была прекрасна даже для шемитки, красота которых давно вошла в легенду, и едва-едва достигла возраста материинства. Но что-то неуловимое читалось в ее лице, превращая его в холодную маску.

Ждать ей пришлось недолго. Темная фигура вынырнула из ближайшего коридора.

— Хаана,— позвал хриплый мужской голос,— неси ее сюда.

Нянька облегченно вздохнула и заторопилась на зов. На мгновение в свет ее догорающего факела попало лицо пришельца — близко посаженные глаза и необычный для шемита вздернутый нос, выбритая до блеска голова,— однако он тут же постарался уйти в тень.

— Я не знаю, что с ней делать, мудрейший,— затараторила женщина, не переводя дыхание,— она скоро перебудит весь дворец.

— Сегодня ночью никто не проснется. Давай ребенка,— ответил мужчина.

Как только корзинка оказалась в руках мужчины, младенец сразу умолк.

— Ты хорошая женщина, Хаана.— В голосе пришельца звучало сожаление.— Иди к себе, и забудь обо всем, что случилось!

— Да, господин.— Нянька повернулась спиной к собеседнику, и в тот же момент в воздухе что-то блеснуло.

Без единого стона молодая женщина опустилась на землю и осталась неподвижной.

— Ты была хорошей женщиной, Хаана...— Покачивая головой, убийца скрылся в том же коридоре, из которого и появился.

Через несколько минут раздался дробный перестук копыт, а затем тишина вновь опустилась на дворец королей Асгалуна.

В храме Митры тускло горели свечи, озаряя огромный зал и коленопреклоненную фигуру у высокого алтаря.

Гулкий мужской голос отражался от каменных стен, многократно усиливался и перекатывался, подобно рокоту прибоя.

— Я исполнил твою волю, Бог Света, но мне страшно. Теперь у нас нет больше дочери, а королева проклинает мое имя. О Солнцеликий, дай мне знак, что это была действительно твоя воля! Что жрецы истолковали все верно...

— У богов не просят подтверждения, им повинуются, не рассуждая! — Тщедушная фигура жреца вынырнула из какого-то темного закоулка и подошла к алтарю. Он едва доставал до плеча коленопреклоненному мужчине и был вдвое уже в плечах, а большая, гладко выбритая голова на тощей шее придавала ему еще более хрупкий, незащищенный вид. Крючковатый нос и близко посаженные глаза выдавали в нем уроженца Хаурана.

— Прими случившееся и смирись, король шемитов! Твоя дочь избрана богами, и судьба ее предрешена.

С неожиданной для его грузной фигуры легкостью король поднялся на ноги и приблизился к жрецу. Тяжелые руки, привыкшие держать меч и поводья, легли на тощую шею.

— Слушай внимательно и запоминай, жрец. Если до завтра я не получу подтверждения, что такова действительно воля вашего бога богов, я прикажу сжечь тебя и всех твоих прихлебателей на жертвеннике Птеора.

— Птеор не принимает человеческие жертвы! — прохрипел полузадушенный жрец.

— А эту примет, будь уверен. А потом мои люди прочешут город и найдут Белит, где бы ты ее ни прятал!.. Все, поди прочь, пока я не убил тебя до назначенного времени.

Потирая шею, жрец вновь скрылся в тени.

— Услыши меня, Митра,— мужчина тяжело оперся на алтарь,— дай мне знак, молю.

— Не молись чужим богам, король Асгалуна.— К мужчине приблизилась высокая худенькая женщина с огромными, переполненными слезами глазами.— Мы потеряли дочь, а по чьей воле — уже не важно. Поздно, любимый, ты совершил ошибку, и ее уже не исправить. Все, что станется дальше с нами и нашим королевством, будет нам заслуженной карой. Ибо негоже властителю отрекаться от богов предков и внимать божествам инородцев! Это твой грех, любимый, но я готова разделить его с тобой, если только...

Договорить она не успела. Серебристо-серое сияние помнилось на каменных плитах алтаря и, увеличиваясь в размерах, замерцало всеми цветами радуги.

— Не ропщите на небожителей, смертные, и не делайте различий между нами! Все мы, кто стоит на стороне Света, исполняем единую волю,— прозвучал мягкий шепот, заполнивший собою весь необъятный темный зал.— Мне понятна ваша боль, но жизнь вашей дочери слишком много значит для Великого Равновесия, и нарушить предназначение не в моих силах.

— Но что с ней будет? Она такая маленькая, беззащитна»...— Слезы струились по лицу гордой королевы.— Как она проживет без нас?

— Много испытаний выпадет на ее пути, и страдание очистит ее душу, но в предназначенный час она встретит моего избранника, понесет от него дитя и станет королевой в далекой западной стране. А ваш внук подарит знание и силу обитателям той не ведомой земли, о королева. А теперь утешьтесь. Вскоре у вас будет еще дитя — сын и достойный наследник трона Шема.

Сияние померкло так же внезапно, как и появилось, а двое, так неожиданно получившие надежду, остались в храме вместе со своей бедой и новорожденной радостью.

— Шаафи, вот и она.— Высокий мужчина с окладистой черной бородой и улыбчивыми темно-карими глазами внес в комнату большую плетеную корзину, прикрытую тонким белым покрывалом.

— Бедняжка,— хрупкая изящная шемитка поднялась с постели и поспешила навстречу мужу,— сколько же ей пришлось вынести!

— Ничего, мы будем любить маленькую королеву, как родную дочь, — Хоаким из Дан-Марки с любовью посмотрел на жену.— Корабль уже загружен, когда ты будешь готова к отъезду?

— Мне нужно совсем немного времени, только покормлю ее и переодену,— ответила Шаафи.

— Хорошо, когда солнце поднимется, мы тронемся в путь.

Так маленькая Белит, дочь короля Асгалуна, обрела новых родителей — Шаафи и Хоакима, брата Джихана, двумя годами старше ее, и с новообретенной семьей отправилась в Субу, на Черное Побережье, которому было суждено стать ее второй родиной.

— Отстань, Румунга, отстань, — смеясь, повторяла чернокожая красотка, делая слабые попытки вырваться из объятий огромного негра.

— Здесь никого нет, Самди, и мы уже не дети, чтобы играть в игры, — хриплым от страсти голосом говорил мужчина. — Я дам тебе все, только согласись.

Они шли обнявшись вдоль полосы прибоя, и теплые волны океана целовали их босые ноги, но мужчина и женщина не видели, не слышали и не чувствовали ничего, кроме друга.

— Я служу Богу Света и не должна знать мужчин, я поклялась.

— Козье деръмо! Твои сестры тоже служат ему, но у ость семьи и дети. Тебе минуло тридцать весен, а ты еще одна.

Рука мужчины сжала пышную обнаженную грудь Самди, и женщина почувствовала незнакомое ей раньше, еще смутное, но нарастающее желание.

— Такова его воля... — начала было она, но вторая рука Румунги скользнула вверх по ее бедру, и, отбросив последние сомнения, жрица засмеялась. — Но я так люблю тебя, черный наглец, что вряд ли смогу отказать еще раз. Я буду женой тебе и матерью твоим детям.

Не грянул гром, и молния не поразила отступницу. Их счастье длилось целых два часа. Когда они возвращались через джунгли в крааль, Румунга наступил босой ногой на крошечную, не больше пальца длиной, змейку, переползвшую через тропу. Вечером того же дня он умер.

Самди не плакала, когда омывала его тело, не плакала, Когда зажгли погребальный костер, не плакала, когда старейшины опустили пояс Румунги в море. То, что было в ней от женщины, словно умерло. Осталась оболочка, способная двигаться и говорить, но чувствовать она уже не могла.

Жрица не роптала, она знала свою вину и покорилась заслуженной каре. Она принадлежала Великому Богу и Должна была выполнить его волю. Ослушавшийся умирает, не телом, то душой. Тело Самди будет жить столько, сколько потребуется для того, чтобы помочь избраннице Митры выполнить свой долг. А затем душа Самди соединится с душой Румунги в светлом мире, где Митра всегда благостен.

Глава I.

— Мама,— звонко крикнула Белит,— можно, я пойду с Кримом в джунгли, за кокосом.

— Хорошо, только возвращайтесь к темноте, чтобы я не беспокоилась.— Шаафи готовила лепешки и не слишком вслушивалась в слова дочери.

Обрадованная Белит с диким воплем вылетела на улицу. Ее широкое, длинное платье развевалось на ветру, густые черные волосы, заплетенные в десяток косичек, рассыпались по плечам, а карие глаза горели решительным, непреклонным огнем,— словом, маленькая шемитка была готова к самым необыкновенным подвигам и приключениям.

Крим — главный помощник Белит во всех затеях и шалостях — особой красотой не отличался. Он был несколькими годами старше Белит и уже считал себя настоящим мужчиной. Но неуклюжесть, свойственная подросткам, и взрывы эмоций, прорывавшиеся сквозь напускную солидность, говорили о том, что детство еще не выпустило его из своих рук.

Дети кивнули друг другу и, взявшись за руки, пустились бежать через поле по направлению к джунглям.

— У меня есть нож,— на ходу сообщила Белит с чувством законной гордости.

— Подумаешь,— ответил мальчик,— а я спрятал на опушке копье.

Девочка не нашла, что ответить, и дальнейший путь до границы леса они проделали в молчании. Когда зеленая стена деревьев сомкнулась за их спинами, путешественники остановились. Крим отправился на поиски своего спрятанного оружия, а Белит пристроилась на огромном валуне, лежавшем в центре поляны.

— Скоро ты там? — нетерпеливо позвала она.

Женщина, когда мужчина занят, его нельзя торопить. Чернокожий воспитатель погрозил ей пальцем.— И чему тебя только учат родители?

— Вот уж не вашим дурацким обычаям! — Девочка гордо задрала нос,— Будешь воспитывать свою черную жену, а меня не смей.

А может быть, я когда-нибудь выберу в жены тебя,— спокойно возразил Крим.

Родители не разрешат. Ты — черный, а я — белая, и вообще кровь шемитов нельзя смешивать с кровью всяких других людей.

— Странные у вас обычай...— Крим приготовился произнести целую обличительную речь.

— Слушай, Крим, мы пришли охотиться или болтать цепкую глупость? Копье ты нашел, кинжал у тебя есть тоже, у меня — нож. Так что пора идти.

Белит слезла с камня и подошла к мальчику.

— Слушаюсь, о моя госпожа.— Крим склонился в глубоком поклоне,— Пошли.

Девочка пошла впереди, повинувшись редким указаниям Крина, который по известным только ему приметам находил нужные повороты тропы. Они шли совершенно бесшумно — сказывались привычки детей, выросших в джунглях,— и не произносили ни единого слова. Наконец дети вышли на огромную поляну, поросшую густой высокой травой.

— Это круг ведьм,— сказал Крим,— здесь они танцуют той страшные танцы, а потом сжигают фигурки людей, которым предназначено умереть в этом году.

— Ты-то откуда знаешь? — спросила Белит.

— Я слышал, как Унгеду разговаривал с моей теткой Самди, а она настоящая колдунья.
— Это та, которая живет в джунглях вдали от всех?

— Да, она прогневала великого Митру, и он наслал на нее кару.

— А какую?

— Не знаю, но мама говорила, что это была страшная кара.

— Еще говорят, что Митра самый благостный бог,— покачала головой Белит.

— Знаешь, богам видней, как и кого наказывать.— Крим не любил пустых разговоров.—

Все, что мне сейчас важно,— это то, что именно на эту поляну приходит ужасный однорогий зверь. Сахем видел его сам.

— Да, Сахему можно верить,— подтвердила Белит.

— Если бы мне об этом рассказал не он, то я бы не поверил,— сказал Крим,— но мы должны все увидеть своими глазами.

— Лучшее место для засады — там.— Белит показала на густой кустарник, росший по левому краю поляны.

— Пожалуй, ты права, пойдем по краю — на эту траву нельзя наступать обычным людям.

— Глупости,— Белит не могла лишний раз не утвердить свое превосходство,— вы, черные люди, слишком легко верите во всякие выдумки.

— Выдумка это или нет, но я и шагу не сделаю на эту поляну,— упрямо мотнул головой Крим.— А ты поступай как знаешь.

— Я, наверное, пойду с тобой, а то еще примну траву, и эта однорогая тварь догадается, что здесь кто-то был.

Осторожно обойдя поляну по левому краю, дети добрались до кустов, словно предназначенных для устройства засады. Густые, покрытые острыми длинными колючками ветви переплетались в непроходимую изгородь и отлично скрывали наблюдателей со всех сторон. Лишь только у самой земли оставался небольшой зазор, сквозь который могли прописнуться только дети.

— Я хочу есть,— сказала Белит.— Что у тебя с собой?

— Сушеные ягоды.— Мальчик достал мешочек, прикрепленный к его травяной юбке.— Но много я тебе не дам — надо, чтобы хватило подольше.

— А я много и не прошу.— Белит поудобнее устроилась на корнях.— Чуть-чуть — чтобы не урчало в животе.

Крим высыпал на ладонь несколько ягод и протянул девочке.

— А ты? — набив рот, поинтересовалась Белит.

— Я пока не хочу, может быть, потом.

Перекусив, Белит сразу повеселела.

— Джихан просто лопнет от зависти, когда узнает, что мы поймали однорогого зверя.

— И опять полезет со мной драться,— добавил Крим.

— Точно, но на этот раз я в стороне не останусь,— воинственно тряхнула косичками девочка.— Прошлый раз мне помешала мама, а то бы я ему так надавала...

— Тише, спугнешь зверя, ты так яростно орешь, что ни живность в десяти днях пути отсюда у е разбежалась и попряталась.

— Могу врезать и тебе, если опять начнешь воспитывать. — Девочка нахмурилась.

— Ладно, ладно, успокойся, нам надо делать дело, а не ругаться.

— Уговорил.— Белит улыбнулась.

— Скоро сумерки, приготовься. Солнце склонялось к западу, и тени деревьев удлинялись все больше и больше, застилая поляну серым ковром.

— Посмотри, там в центре что-то шевелится,— шепнул Крим.

В центре поляны появилась серая клякса, сначала почти неразличимая в тени деревьев, она росла, наливалась чернотой, приобретала объем — и вот в центре поляны полнился огромный черный конь. Животное ничем не отличалось от сотен других коней, виденных детьми,— но же ноги, мощное тело, густые грива и хвост,— но на голове, прямо между глаз, рос длинный, в локоть длиной, рог. Удивительный конь поднял голову и издал странный рокочущий зов, и тотчас же со стороны джунглей донесся ответный крик.

— Их здесь много,— восторженно прошептала Белит.— Ох, поймать бы хоть одного...

— Размечталась, посмотри, какой он огромный, тут нужен кто-то постарше, вроде Унгеду.

— Тише, смотри, он встал на задние ноги, обычные лошади так не делают.

На глазах у изумленных ребят конь встал на задние ноги, а передние начали странным образом укорачиваться, превращаясь в руки. Подобное же превращение произошло и с головой. Контуры лошадиной морды стали неясными, размытыми, волны серого сумрака заструились и потекли, а когда туман рассеялся, на поляне стоял высокий худощавый негр в длинном черном одеянии и остроконечной шапке.

— Надо бежать, Белит,— голос Кrima дрожал,— это колдун, и он может в любой момент найти нас.

— Нет,— маленькая, но твердая рука Белит легла на плечо Кrima,— если мы сдвинемся с места, нас заметят еще быстрее. И не забывай, кто-то из леса отвечал ему. Останемся здесь и посмотрим.

Кrim кивнул.

Незнакомец приложил руки ко рту и еще раз повторил зов. На этот раз отзыв прозвучал из нескольких мест, и, к ужасу детей, даже у них из-за спины. Темные фигуры, одетые так же, как и оборотень-конь, стали появляться по краям поляны.

— Их много,— сказал Кrim.

— Даже слишком! Вот уж не думала, что вокруг так много колдунов.

— Угу, говорят, раньше колдоватить умели все, даже дети.

Больше десятка черных фигур сошли в центре поляны.

— Жалко, что нам ничего не слышно.

— Белит, ты в своем уме? Нам грозит страшная опасность, а ты хочешь сунуть нос поглубже в дела колдунов.

— Ничего я не хочу. Отстань.

Белит абсолютно не было страшно: все происходившее напоминало сказки, которые по вечерам любила рассказывать нянька. А у всех ее сказок был хороший конец. Сейчас появятся великие воины, будет битва, и злые силы улетят в ночь, крича и рыдая. И нечего тут бояться. Для Кrima же все было гораздо серьезнее. Выросший среди легенд и древних преданий, мальчик знал, на что способны колдуны, предавшие души тьме. Больше всего на свете он хотел сбежать с этой страшной поляны и навсегда забыть увиденное.

Колдуны развели огонь и уселись в центре поляны. Ожидания Белит явно не оправдывались, и девочка была разочарована — ни кровавых жертв, ни отважных воинов ми предвиделось. Небо потемнело окончательно, но ничего не происходило, и детям наскучило сидеть без дела. Они начали перешептываться — в основном о том, что с ними и сделают

родители за позднее возвращение. Белит об этом не очень-то беспокоилась, но вот Крим уже предвидел жестокую порку: его отец отличался суровым нравом, и за малейшие оплошности мальчику серьезно доставалось.

— Надо что-то придумать,— почти в полный голос говорила Белит.— Иначе отец не оставит на тебе живого места. А может, рассказать все как было?

— Никто тебе не поверит, и еще попадет за вранье.

— А что скажешь ты, Белит?

— Лучше всего сказать, что мы заблудились.

— Тем более никто не поверит.— Мальчик был категоричен.— Чтобы мы заблудились в лесу, который уже исходили вдоль и поперек!

— Тогда лучшее, что можем сейчас сделать, это потихоньку выбраться отсюда и бежать к дому. Если мы

успеем вернуться к полуночи, то нас накажут не так сильно.

— Угу, но надо быть очень осторожными,— сказал Крим.

Белит кивнула. Девочка много раз бывала в лесу днем и в сумерках, но ночного леса еще не видела никогда. Джунгли жили своей удивительной тайной жизнью, в которую так сложно проникнуть человеку. В густом подлеске, посверкивая огоньками глаз, копошилась всякая лесная мелочь. Птицы перелетали с ветки на ветку, громко хлопая крыльями, в воздухе крутились светляки, а под ногами шуршали ожившие в прохладе змеи. То здесь, то там раздавались всхлипы, вскрики, стоны, рычание, а иногда и хруст разгрызаемых костей — это чья-то и без того короткая жизнь оборвалась в зубах хищника... Девочке было страшно, и, чтобы почувствовать себя увереннее, она взяла Крина за руку.

Они обошли поляну, стараясь не потерять тропу, которая привела их в это колдовское место. Сердечки детей оглушительно стучали, потные ладошки похолодели, но по-прежнему крепко стискивали немудреное оружие.

— Тропа должна быть где-то здесь,— сказал Крим.

— А по-моему, мы уже ее прошли,— ответила Белит.— Мы, наверное, скоро сделаем полный круг и опять вернемся к проклятым кустам.

— Нет, нет, не волнуйся, я чувствую, что мы идем правильно.

За спиной у детей раздалось негромкое удовлетворенное урчание, и Белит вздрогнула: так рычит лев, когда уверен, что намеченная добыча уже никуда не денется. Обернувшись, она увидела два светящиеся глаза всего в нескольких шагах от них. Крим закрыл собой Белит и направил копи на огромного хищника.

— Беги, я его задержу.— В голосе мальчика не было страха.— Скорее!

— Я с тобой.

— Не глупи! Я метну копье и постараюсь залезть на дерево. Если лев уйдет, то пойду вслед за тобой.

Белит побежала в направлении, указанном Криром. Тьма, волящая множеством голосов, обступила ее со всех сторон, и девочка мчалась вперед, не разбирая дороги. Ветки и лианы хлестали ее по лицу; деревья, словно стараясь помешать, высаживали из земли корни, но она бежала. И со всего размаха наткнулась на черную фигуру в остроконечной шапке.

...Крим в душе уже простился с жизнью — что может сделать ребенок против гигантского хищника? Он только надеялся задержать льва и дать возможность Белит убежать как можно дальше. Однако нападения не последовало. Огненные глаза пропали так же внезапно, как и появились. Зверь не ушел,— Крим бы услышал звук шагов... и исчез,

растворился, растаял во мгле.

«Колдовство», — молнией пронеслось в голове мальчика.

Крим развернулся и помчался вслед за Белит. Он бежал гораздо быстрее нее, и врожденное чутье помогало ему ориентироваться, так что вскоре он увидел впереди себя маленькую фигурку в длинном белом одеянии, мелькавшую в лунном свете. Мальчик уже почти догнал подружку, когда перед девочкой из ниоткуда возникла черная фигура, и словно бы поглотила ее. Не раздумывая, Крим с диким криком бросился вперед. Он целился копьем в живот колдуны, однако, к его ужасу, копье прошло сквозь незнакомца, не причинив ему никакого вреда, и по инерции Крим налетел прямо на черного мага.

Джунгли исчезли. Вокруг была полная мгла, без единого источника света, а вместо травы под босыми ногами Кrima лежал холодный влажный камень.

— Белит, — испуганно позвал мальчик. — Белит, ты здесь?

— Да, — отозвался дрожащий голосок. — Я натолкнулась на колдуна и попала сюда.

— Иди ко мне, — позвал Крим.

— Я боюсь, — ответила Белит. — Иди лучше ты.

— Хорошо, только ты говори что-нибудь, чтобы я знал, куда идти.

— Угу, ты тоже не молчи, и тогда я попробую пойти навстречу. Так, перекликаясь, дети двинулись навстречу друг другу, ткнувшись, дружно ойкнули. Они сели и, прижавшись плотнее, стали искать выход из сложного положения. Крим обнимал худенькие, вздрагивавшие от рыданий плечи Белит и с ужасом думал о том, что их теперь ждет. Одни, лишенные воды и пищи, заточенные в полной темноте, — сколько они смогут продержаться? Помощи ждать неоткуда, и непроглядная тьма, окружавшая их со всех сторон, ни всего, скрывает угрозу, а не спасение. И все же Крим не сбирался сдаваться без боя.

— Белит, нам надо идти, — мягко сказал мальчик.

— Куда? — всхлипнула Белит.

— По-моему, с той стороны, — Крим показал направо, — идет воздух. Я чувствую какой-то запах.

— А вдруг там кто-то страшный?

— Сидеть и ждать еще страшнее.

И они пошли, вцепившись мертвый хваткой друг в друга. Эхо их шагов гулко отдавалось и множилось, и даже самый негромкий звук усиливался до грохота.

— Свет! — вдруг крикнул Крим. — Я вижу свет впереди. Смотри! Свет, Белит! Там свет!

— Бежим. — Девочка рванулась вперед.

— Нет. — Крим крепко сжал ее руку. — Слишком легко мы нашли выход. Пойдем потихоньку, как и шли.

Очень осторожно они двинулись навстречу неожиданной надежде. Лучик света, сначала едва заметный, становился все ярче, и наконец перед детьми возникла арка бьющего в лицо ослепительного сияния. Глаза, отвыкшие от света, слезились, и почему-то детям захотелось отвернуться и вновь спрятаться в тени.

— Пойдем туда? — спросила Белит.

— Да. — Крим не колебался. — Лучше уж свет, чем тьма.

— Да, ты прав. Лучше идти, чем сидеть и дрожать.

— Ты не хочешь есть?

— Хочу, только совсем чуть-чуть.

Крим вытряхнул на ладонь несколько ягод.

- Возьми.
 - А ты? — Белит нахмурилась.
 - Я не хочу, в горло ничего не лезет.
 - Если не будешь ты, то и мне ничего не надо.
 - Ладно, поедим вместе, — согласился мальчик.
- Перекусив, дети повеселились.
- Крим, я готова.
 - Тогда пошли.

Взявшись за руки, они переступили невысокий порожек арки и оказались в огромном, ярко освещенном зале. Белые каменные колонны поддерживали высокий свод, и ни стенах, полу, потолке горело множество факелов. У дальней стены находился высокий алтарь, засыпанный цветами. Дорожка из цветов вела от арки прямо к алтарю. В воздухе сладкий опьяняющий аромат, звучала негромки музыка. Осторожно ступая по цветочной тропинке, Белит мимо подошли к алтарю.

— Какие странные цветы. — Белит показала на цветок длинным, в руку толщиной стеблем и бутоном, похожим на растянутый в полуулыбке рот.

— Ничего во мне нет странного! — ворчливо прошелестели кроваво-красные лепестки. Белит взвизгнула и плотнее прижалась к Криму.

— И вонить тоже не надо. Спрашивай, что хотела, и дай поспать спокойно.

— Что у тебя можно спросить?

Груда цветов зашевелилась, и оттуда вынырнул еще один забавный цветок. Маленький, хрупкий, он был похож на сомкнутое око с длинными ресницами, окруженное снежно-белыми трепещущими лепестками. Зеленое веко затрепетало, и на путешественников взглянул удивительный глаз — с вертикальной прорезью зрачка и золотистой радужкой, внимательно осмотрев замерших от изумления детей, он пул и подвинулся поближе к цветку-рту.

— Похоже, вы действительно не понимаете, куда попали, — заключил он.

— Я, любимейшее из творений Нергала, могу ответить на любой вопрос. Конечно, не бесплатно.

— А какая плата? — спросил Крим.

— Немножко крови, совсем чуть-чуть. Вам не будет даже больно.

Дети невольно отступили на шаг назад.

— Не надо его ни о чем спрашивать! Бежим отсюда, — предложила Белит.

— Нам некуда отсюда бежать, — безнадежно сказал Крим. — Разве что он знает куда.

— Ты хочешь?

— Выхода у нас нет.

Мальчик подошел к алтарю и сказал:

— Я хочу спросить тебя.

— Зови меня по имени — Клото, а мой смотрящий брат — Лахезис, есть еще один — Атропос, но он сейчас спит. Мы готовы ответить на любой вопрос за глоток твоей или ее крови. — Альые лепестки заулыбались, а глаз несколько раз подмигнул.

— Согласны.

— Протяни руку.

Крим протянул руку, и цветок-рот прижался губами к его локтевой ямке. Цветок-глаз закрыл веко и улегся обратно на груду цветов. Через несколько мгновений жадны губы

оторвались от источника вожделенной пищи и, облизываясь, заулыбались.

— Твой вопрос, мальчик!

— Как отсюда выбраться?

— Сбоку от нашего дома есть завиток в узоре. Дернешь за него, и приоткроется дверь в стене. Там проход.

— И куда он ведет?

— А вот это — другой вопрос. За него тоже надо платить.

Крим не колеблясь протянул руку. Чудовищный цветок вновь припал красными губами к вене и на мгновение застыл в неподвижности. Насосавшись, порождение Нергала ответило:

— Ход ведет через долину теней, в сад волшебных цветов, поющих разными голосами песни древнего времени. Там звери с человеческими головами попытаются напасть на вас, но их можно обмануть.

— Как? — вырвалось у Белит.

— Плати. — Тонкий язычок высунулся сквозь окровавленные губы.

— Достаточно того, что ты уже получил.

— Уговор не меняется: один вопрос — одна плата. Впрочем, платить может и она.

— Нет, — твердо сказал Крим. — Хватит и моей крови.

— Нам все равно, лишь бы кто-то платил.

— Пей. — Крим в третий раз протянул руку жадному чудовищу. Любой из наших братьев может защитить вас от опасности. Возьми с собой букет братьев, и их запах отгонит, человекоголовых зверей и последнего стража.

— А кто такой последний страж? — спросил мальчик. Голова слегка гудела, колени подкашивались и предательски дрожали, но позволить кровожадной твари прикоснуться к Белит он не мог. Порождение порочных желаний Нергала сильно изменилось, его стебель раздулся более, чем в два раза, губы лоснились, а удивительный глаз уже не мог полностью открыться, веко лишь чуть-чуть приподнималось затем вновь опускалось.

— Нет, Крим, сейчас моя очередь. Белит не колеблясь протянула левую руку цветку. Тварь прикоснулась к загорелой детской коже и вдруг отпрянула.

— Твоя кровь не такая, как у него, но она даже слаше! Последний страж, девочка, потому и называется последним, после него тебе уже никогда и ни с кем не встретиться! Третий страж — мой любимый брат Атропос. И похоже, вам пора узнать его поближе!

Гибкие, похожие на змей, зеленые побеги вынырнули из груды цветов, оплели руки и ноги перепуганных детей и подняли их над алтарем.

— Теперь мы все в сборе и можем решить судьбу двоих, пришедших к нам.

— Отпустите! — Крим бился в тугих зеленых щупальцах.

— Клото, Лахезис, Атропос выносят решение! — Чудовище помолчало немного, словно в предвкушении, а затем прошелестело угробно и зловеще: — Нити этих двух жизней длинны, но одна из них золотая, а вторая — кровавая. Мы вправе прервать кровавую нить.

Щупальца разжались, и Крим рухнул на пол. Слабо застонав, он попытался встать, но потеря крови была слишком большой для детского тельца. Мальчик смог только опереться на алтарь, не вставая с колен. Представшая перед его глазами картина заставила содрогнуться.

Сдавленная зелеными щупальцами, Белит не могла даже кричать. Цветок-рот вырос до невероятных размеров, лепестки приоткрылись, из угла рта капала фиолетовая жидкость. Алый, заостренный на конце язык высовывался и трепетал, как у змеи. И к этой чудовищной пасти щупальца несли Белит...

— Вспомни, Крим, вспомни! — В ушах мальчика внезапно зазвучал мягкий женский голос.

«Любой из наших братьев может защитить вас от опасностей пути. Их запах отгонит тени, человекоголовых зверей и даже последнего стражи», — сверкнуло молнией в памяти мальчика.

Крим выхватил из груды цветов у подножия алтаря первый попавшийся, оказавшийся миниатюрным подобием глаза, и бросил его прямо в открытый жадный рот.

Судорога пробежала по толстому стволу. Края лепестков начали чернеть и покрываться белым налетом. Сжимавшие Белит стебли обессиленно разжались, и девочка упала на алтарь.

Покрывавшие его цветы смягчили падение, и Белит, вскочив на ноги, принялась обеими руками швырять цветы в рот Нергаловой твари.

— Вот тебе! Вот! Вот!.. — кричала девочка, расплачиваясь за пережитый ужас.

Цветы увядали, превращаясь в сухие, покрытые беловатым налетом кучи.

— Мы ошиблись, — шепнул Клото посеревшими губами и замолчал уже навсегда.

Свет начал меркнуть.

— Крим, где-то здесь должен быть выход! — крикнула Белит.

— Не торопитесь, дети! — Через арку тьмы в зал прошла высокая темнокожая женщина, одетая в широкую мантию, украшенную серебряными звездами. — Ты подтвердила свое право, Белит, и испытание окончено. Я возвращаю вам свободу, дети.

Черный плащ взметнулся, и наступила тьма. Когда Белит открыла глаза, над ее головой посверкивали звезды, выглядывая сквозь переплетение ветвей. Ароматы ночных джунглей щекотали ноздри, негромко перекликались птицы, в траве шебуршилась мелкая лесная живность. Все было таким, как и обычно, и ничто не напоминало Белит о ночном кошмаре.

— Крим, — негромко позвала она, прикоснувшись ладонью к щеке лежавшего рядом мальчика. Негритенок открыл глаза и, осмотревшись, облегченно вздохнул.

— Мне приснился страшный сон, Белит, — сказал он.

— И мне тоже. Подземелье, злые цветы, а сначала на этой поляне собирались оборотни.

— Но я видел то же самое, — изумленно сказал Крим.

— Значит, это... — вскрикнула девочка.

— Это был не сон, — закончил за Белит ее друг.

— Посмотри, поляна пуста, а мы лежим все в тех же зарослях. Уже перевалило за полночь, может быть, мы все-таки заснули, — а раз место заколдованное, то нам приснился один и тот же сон?

— А как же это? — Крим вытянул вперед левую руку. На локтевом сгибе худой мальчишеской руки был отчетливо виден уродливый рубец — словно множество острых зубов оставили свои метки на коже.

Девочке не хотелось верить в реальность происшедшего, но отрицать она больше не могла — сны не оставляют следов на теле...

— Белит! Крим! — раздалось внезапно во тьме. Кто-то звал их по именам.

— Лежи, не двигайся. — Крим сжал в кулаке нож. — Больше мы им не дадимся.

Им поляне появилась темная фигура. В лунном свете дети разглядели множество посверкивавших украшений на руках и ногах, длинное копье, и наконец к своей величайшей радости они увидели, что в высокую прическу было воткнуто перо — знак племени Кrima.

— Мы здесь! — закричал мальчик, проринаясь сквозь кусты. Белит вторила ему,

совершенно обезумев от радости. Со всех ног бросились они к спасительной фигуре.

— Тетя Самди! — Крим влетел прямо в раскрытые объятия. — Как хорошо, что ты нас нашла!

Белит стояла чуть поодаль, стесняясь приблизиться.

— Ну, иди же сюда, моя принцесса,— мягко позвала негритянка.— Как же я могла не найти вас, когда твоя мама, Крим, прибежала ко мне вся в слезах, оплакивая тебя. И тебя тоже,— кивнула она Белит.

Девочка уткнулась лицом в полотняную тунику Самди и горько плакала.

— Ничего, малыши, ничего, пойдемте ко мне, я вас покормлю, поспите у меня, а родне вашей я пошлю весточку.

— Мне надо домой,— всхлипнула Белит.— Мама очень беспокоится, я знаю.

— Я пошлю весть в дом Хоакима,— твердо сказали Самди.— Пошли.

Словно маленькие дети, они взяли за руки нежданную спасительницу и пошли с ней по ночным джунглям. Пи одна тень не потревожила их путь, даже древесные духи попрятались в свои дупла, чтобы не испугать малышей. Они пришли в соломенную хижину Самди, напились теплого молока, и она уложила их спать на постель из шкур(Усталые Крим и Белит провалились в сладкий сон без сновидений.

Когда солнце позолотило лучами спокойную гладь океана, в дом Самди пришел гость. Был он мал ростом и хрупок, с гладко выбритой головой, крючковатым носом и проницательными глазами — больше всего он напоминал уроженца Хаурана.

— Она прошла испытание, мудрейший,— сказала Самди, когда гость уселся у очага.

— Я уже знаю. Настало твое время, Нарушившая Клятву. Если ты выполнишь свой долг, вина будет снята и прощена.

— Я выполню свой долг. Девочка получит все, щ предсказано. Я начну учить ее с сегодняшнего дня.

— Помни, Хоаким не будет противиться. Он не хочет, чтобы Белит нарушила волю богов и вздумала сама выбирать себе судьбу. Последствия были бы слишком ужасны... Так что рассчитывай на его помощь во всем.

— Хорошо.

Незнакомец встал и подошел к спящим детям. Она очень похожа на мать. Любой, кто хоть раз видел королеву Асгалуна, узнает ее в этом ребенке. Позабочься об этом.

— Да, мудрейший.

— И вообще, будет лучше, если до наступления ее тринадцатой весны девочка поживет у тебя.

— Я постараюсь уговорить Хоакима и Шаафи.

— Постарайся, Самди, от твоих стараний зависит не только ее судьба,— жрец кивнул на Белит,— но и твоя собственная.

Запахнув темный плащ, незнакомец вышел из хижины. Да пребудет с тобой благословение богов, женщина. Самди опустилась на колени и склонила голову.

Когда она поднялась, никого уже не было. Таинственный гость исчез так же загадочно, как и появился. Женщина вернулась в хижину и начала возиться у очага, готовя завтрак.

...Дети проснулись бодрыми и полными сил. Ужасы прошедшей ночи забылись, и они весело переговаривались, поглощая огромное количество молока и вкусных лепешек, то что испеченных Самди.

— Я предупредила ваших родителей, что вы немного поживете у меня.

— Моя мама не согласится,— грустно протянула Белит.

— Она уже согласилась, и твои родители тоже,— улыбнулась она Криму.

— Как же ты смогла послать им весть? — спросил Крим.

— Неужели ночью ты ходила в поселок?

— Конечно, нет, я попросила птиц отнести письмо. Если захотите, то я могу научить этому и вас.

— Хочу, очень хочу! — Глаза Белит загорелись.— Хочу научиться всему!

— Если будет на то воля Митры, ты узнаешь все, что знаю я, — торжественно сказала Самди.

Когда дети вернулись домой, их никто не ругал, словно ничего и не произошло. Но Криму и Белит разрешили бывать у Самди, когда им захочется, а жившая на отшибе женщина всегда с радостью встречала детей.

Высокая, статная, исполненная внутренней силы, Самди казалась Белит удивительной красавицей, и девочка старалась подражать ей во всем. Жрица Митры учила Кrima и Белит говорить с животными, находить их жилища, избегать опасности, которые таят джунгли, и, наконец, она учила их владеть копьем и мечом. Сначала Крим презрительно улыбался при мысли, что его будет учить женщина, но увидев, как легко управляется Самди с тяжеленным клинком, с радостью согласился.

Так прошло три года. Может быть, самые счастливые в жизни Белит — рядом с ней была любящая семья, мудрая наставница и лучший друг.

Но рано или поздно в жизни происходят перемени.

Дочь короля Асгалуна встретила свою тринадцатую весну.

Глава II.

Тринадцатилетие Белит Хоаким праздновал так, что половина селения плясала и пела, а вторая лежала, не в силах пошевелиться, перебрав крепкой настойки на кокосовом молоке. Радовались все, кроме двух человек — Белит и Крима.

— Но ведь вы когда-нибудь вернетесь? — спрашивала Белит.

— Сомневаюсь, — Крим тяжело вздохнул, — Отец купил слишком много земли, чтобы отпустить дармового работника. Он не позволит мне вернуться. Через несколько лун мне исполнится шестнадцать, и, значит, пора брать жену.

— Самди говорила, что твой отец уже кого-то для тебя присмотрел.

— Да, она дочь вождя того племени, куда уходит отец. Но ведь ты меня любишь?! — полуувопросительно прошептала Белит.

— Очень.

Они сидели на берегу океана, рука об руку, — и прощались навсегда. Крим вырос и очень возмужал. Высокий, широкоплечий, он выглядел намного старше своих лет. Было в нем что-то надежное, мужское, и Белит чувствовала себя рядом с ним в полной безопасности.

Девочка тоже изменилась — мальчишеская резкость уступила место плавным, размеренным движениям, грубоватая речь стала более сдержанной, и в угловатом подростке уже проглядывала будущая женщина. Крим любовался подругой.

— Ты стала очень красивой.

— Ты тоже красивый, Крим, — Белит потерлась щекой о широкое плечо друга.

— Я черный, а ты белая, и никогда наши пути не пересекутся. Никогда.

Слезы текли по щекам Белит.

— Мне пора, — странно звенящим голосом сказал юноша.

— Подожди, я хочу, чтобы ты был мне братом.

— Правда? Ты хочешь смешать кровь, как учила Самди?

— Да.

Юноша вытащил из ножен короткий кинжал и полоснул себя по предплечью. Алая струйка крови потекла по руке, и тяжелые капли упали на песок. Белит повторили движения друга и приложила свою руку к его. Черная и белая руки смешали свою кровь, и она заструилась по золотистому песку к океанской воде.

— Пусть вода, земля и джунгли услышат наши голоса, — хором произнесли они слова великой клятвы, по преданию подаренной первым людям самим Митрой, — Клянемся помнить друг о друге, идти друг за другом и положив свою жизнь за друга.

Древние слова звучали на берегу океана, когда солнце ложилось на покой в свое ложе, и солнце, вода, земля и джунгли услышали их и запомнили.

...После отъезда Крима Белит затосковала. Верный надежный друг, с которым столько было пройдено и прожито, уехал навсегда. Подружки, новые друзья, хлопоты но дому не могли заглушить боль. И только задушевные беседы с Самди как-то скрашивали серые будни. Девушка все больше и больше сближалась со жрицей Митры, и Шаафи порой не могла подавить ревность — дочь гораздо больше прислушивалась к словам Самди, чем к уговорам матери.

И наконец Шаафи решилась.

— Хоаким, нам нужно спасать Белит,— сказала она как-то раз, ложась в постель.

Заканчивавший последние подсчеты, Хоаким удивленно посмотрел на жену.

— А что, ей что-то угрожает?

— Подумай сам, молодая девушка целые дни проводит среди черных. После отъезда Крина она никак не утешиться, а в ее возрасте можно натворить глупостей.

— Говори толком, Шаафи! Что тебе не нравится?

— Все! Я боюсь, что она найдет утешение с одним из местных красавцев, ты же знаешь, как они вокруг нее вются.

Хоаким нахмурился.

— Ты уже что-то заметила?

— Пока нет, но знаю, что такое семнадцатая весна и одиночество.

— И что теперь делать?

— Выдать ее замуж, и поскорее.

— Но она предназначена для избранника Митры, и Самди не согласится.

— Да кто она такая, эта Самди! — взорвалась шемитка. — Только и слышишь с утра до ночи: «Самди сказала», «Самди так думает», «Самди разрешила». Она уже когда-то нарушила клятву и может ошибаться, как и все.

— Успокойся.— Хоаким присел на краешек кровати и нежно погладил загрубевшую руку жены.— Она просто любит девочку и желает ей добра.

— Нет.— Шаафи приподнялась на локте.— Она никого не любит, она просто выполняет свой долг.

— И все же я с ней поговорю,— твердо сказал Хоакин. — За судьбу Белит отвечаем мы все, поровну.

К удивлению Шаафи, жрица не стала возражать, лишь попросила повременить до новой луны с поисками достойного избранника.

— Девочка должна закончить обучение, а потом она и может постоять за себя,— сказала Самди, и даже мать Белит не посмела возразить.

Пока старшие обсуждали ее будущее, Белит продолжала жить так же, как и жила, даже не подозревая, какие перемены готовят ей родители. Она превратилась в высокую, полногрудую, статную девушку с правильными чертами лица и роскошными, черными как смоль волосами. Белит знали, что она красива, и, замечая жадные взгляды соседских парней, еще выше поднимала гордую голову. В то же время ее золотисто-карие глаза лучились искренним весельем, пухлые губы никак не могли согнать улыбку. Джихан раз, посмеиваясь, говорил, что в любом городе вокруг сестры собралась бы толпа зевак. Сам же Джихан пользовался большим успехом у чернокожих красавиц и частенько не ночевал дома, потом с восторгом рассказывал Белит о своих подвигах.

Вечерами, оставаясь одна в своей комнате, Белит вспоминала рассказы брата и мечтала о сильном, прекрасном воине, который придет к ней в дом с первыми лучами солнца и умчит далеко-далеко от Черного Побережья. Юная душа томилась и трепетала в предчувствии первой любви, и Шаафи была совершенно права: Белит страстно хотелось поскорее вступить в запретный мир чувств и желаний.

Однажды тихим летним вечером, когда легкий ветерок нежил и ласкал остывающую от дневного зноя землю, служанка позвала Белит в комнату родителей. Удивленная таким церемонным приглашением, девушка поспешила на зов. Нарядные Хоаким и Шаафи сидели за столом, на котором стояли кувшин с вином и три высоких кубка.

— Мама, отец, что случилось? — встревоженно спросила Белит.

— Ничего, дочка, присядь, нам нужно поговорить,— торжественно сказал отец.

Удивленная Белит присела на краешек скамьи.

— Дочка, мы решили, что тебе пора замуж,— сказал Шаафи.

— Мой близкий друг и партнер по торговым делам Харем из Дан-Марки просит твоей руки для своего сына Алала,— добавил отец.

— Но, отец, я его совсем не знаю!

— Никто не будет тебя неволить! — вмешалась мать. Выбор за тобой.

— Завтра утром мы отправимся в Дан-Марку с нашим кораблем. Ты посмотришь на жениха, познакомишься, и, если он тебе понравится, сыграем свадьбу,— сказал отец.

— Но я не могу завтра. Самди...

— Самди ждет тебя сегодня вечером, когда сядет солнце. Но я хочу, чтобы ты знала — она тоже считает, что тебе пора замуж.— Отец улыбнулся.— Выпей за свое будущее счастье, дочка.

Хоаким разлил вино по кубкам.

Рука Белит предательски дрожала, когда подносила кубок, но выучка Самди сказалась — никаких других проявлений обуревавших ее чувств девушка не выказала. Сдержанно простившись с родителями, Белит прошла к себе в комнату и, разом скинув маску спокойствия, схватила с полки кувшин и запустила им в стену. Туда же полетели и чашки с мисками. Когда взрыв ярости прошел, девушка бросилась на постель и разрыдалась. Все, даже Самди, предали ее! Они готовы отдать за какого-то Алала — должно просто вознамерились отделаться от нее! Но она не желает выходить замуж... И дверь тихонько постучали.

— Молодая госпожа,— служанка заглянула в комнату, — ваша матушка говорит, что уже пора идти к Самди.

— Я знаю,— бросила Белит.

Девушка вытерла слезы и подошла к зеркалу. Искусанные губы распухли, глаза покраснели, но — Белит не могла не признать,— даже заплаканная, она была чудо как хороша. Настроение поднялось, и жизнь теперь не казалась такой уж ужасной. Может быть, этот Алал вовсе и не плох, и она сможет его полюбить... Но в одном Белит была уверена — к Самди она не пойдет. Родителям еще можно простить, что сватовство прошло без ведома самой невесты, но то, что жрица все знала, но не предупредила,— этого простить было нельзя.

Взяв тонкий лист пергамента и перо, Белит принялась писать письмо Криму. Завтра, перед отплытием корабля, она попросит лесных птиц отнести грустную весть ее единственному другу. Он один поймет ее горе, и только его сочувствие будет искренним.

...Плавание в Дан-Марку прошло на редкость спокойно) и к назначенному сроку корабль прибыл в гавань. Количество людей, вопящих, кричащих, смеющихся, толпища на улицах, ошеломило и потрясло Белит. Привычная к жизни в маленькой общине, где все друг друга знают, девушка была подавлена суетой и равнодушием большого города. И даже старый дом, в котором, по словам матери, родился Джихан, не произвел на Белит приятного впечатления.

— Сегодня можно спокойно отдыхать,— сказал отец, — а завтра утром к нам придут гости.

Провожаемая многозначительными взглядами родителей, Белит ушла в приготовленную

для нее комнату и горько расплакалась. В течение всего плавания Шаафи подготавливалась Белит к тому, что должно произойти.

С откровенностью опытной женщины мать делилась с дочерью самым сокровенным, наставляя, воспитывая и готова к встрече с будущим мужем. Девушка почти привыкла к этой мысли, но сейчас, когда встреча с женихом была тли близка, горькая тоска сжала сердце. Белит сама не заметила, как задремала, и если бы не мать, поднявшая ее на рассвете, она проспала бы до полудня.

— Вставай, дочка. Вставай! — Мать тряслась Белит за плечо.

Уже пришли? — в ужасе подхватилась девушка.

— Нет, что ты, еще рано. Но нам надо подготовится.

После скромного завтрака лицо невесты окропили ледяной водой, а волосы вымыли в отваре из сорока трав и уложили высокой короной вокруг головы. Разрумянившуюся от холодного умывания и волнения девушку одели в длинное алое платье, туго стягивающее тонкую талию и подчеркивающее бедра и грудь. На ножки впору пришлились аккуратные сандалии из тонкой кожи, и Белит удивлялась, откуда вдруг взялись все эти дорогие и красивые вещи. Но Шаафи только пожала плечами:

— Любая мать готовится выдавать дочку замуж еще до того, как она начнет толком ходить.

Наконец приготовления были окончены, и Белит предстала перед отцом во всей красе.

— Красавица! — Хоаким сиял от удовольствия. — Я всегда знал, что моя дочь самая прекрасная женщина во всем Шеме.

— Отец!.. — Белит обняла отца и спрятала раскрасневшееся лицо у него на груди.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Вот только не знаю, как смогу отдать такую красоту какому-то Алалу — Хоаким подмигнул дочери. — Может, откажем, а, дочка?

— Приехали! — Старший счетовод Хоакима ворвался в комнату. — Скорее встречайте!

— Старуха, пошли. — Хоаким взял жену под руку. Хоаким и Шаафи чинно вышли во двор в сопровождении всех домашних, и только Белит осталась, не в силах сдвинуться с места.

Когда дверь в столовую открылась, девушка встала, приветствуя гостей. Харем и его жена вошли в комнату первыми, и Белит внутренне содрогнулась — оба они были небольшого роста, какие-то сморщеные и съежившиеся, несмотря на то что по возрасту были лишь немногим старше родителей. А множество драгоценных украшений, бренчавших при каждом движении гостей, только подчеркивали их старость. За ними вошли Хоаким и Шаафи, а следующим был высокий широкоплечий юноша с красивым улыбчивым лицом. Он был одного возраста с Белит, но в его движениях уже проглядывала уверенность зрелого чиня, а глубокий шрам на щеке говорил о том, что Алалу случалось бывать в переделках.

Потом родители рассказали девушке, что было много гостей, что она понравилась родным Алала, а он понравился всей ее семье, но это будет много позже... А пока Белит видела только большие карие глаза под изломом черных бровей, тонкогубый рот, большой, четко очерченный подбородок, и чувствовала, что юноша любуется ею так же, как она им любуется им.

К вечеру гости разошлись, в доме наступила тишина. Мать, взволнованная, но счастливая, хлопотала вокруг Белит.

— Пойдем, доченька, тебе надо отдохнуть.

— Да, мама, я так устала, что просто не могу пошевелиться.

— Ничего, ничего, маленькая. Ты мне только скажи понравился тебе Алал?

— Понравился.

— Вот и хорошо. Значит, и мы с отцом согласны.

Оставшись одна, Белит наконец пришла в себя. События дня кружились в памяти ослепительным хороводом, а и самом центре всего был Алал. Она очень понравилась ему, сомнений не было,— достаточно вспомнить его жадные взгляды. А вот нравится ли ей самой будущий муж? Белит улеглась на постель, закинув руки за голову, и задумалась, Конечно, он красив и, наверное, умен. Из богатой достойной семьи... Словом, у него есть все, о чем говорила Шаафи, описывая идеального мужа. Пожалуй, лучшего Белит ужি не найти. В конце концов, даже мать сказала, что, в общем то, все мужчины одинаковы!

Раздумья Белит прервал влетевший в окошко камушек. Девушка подбежала к окну: на крыше сарая, вплотную примыкавшего к женской половине дома, сидел Алал и делал приглашающие знаки руками.

Решившись, Белит подвинула к окну тяжеленный сундук, вылезла на крышу сарая и, нагнувшись, чтобы ее не заметили со двора, подбежала к Алалу.

— Здравствуй. Он широко улыбнулся,— пойдем погуляем, если не возражаешь. А то поженимся, так и не познакомившись!

— Да, так и получится.— Белит звонко засмеялась. — Похоже, нас готовы поженить хоть завтра.

— Давай сбежим, а то здесь поговорить не дадут.

— Бежим.

Алал спрыгнул с крыши прямо на мостовую заднего двора и протянул руку девушке.

— Прягай, я поймаю.

Белит прыгнула и очутилась в крепких объятиях жениха, отнюдь не спешившего ее отпускать.

Мы идем или так и будем обниматься посреди двора? —насмешливо поинтересовалась Белит.

Алал со вздохом разжал руки и виновато улыбнулся.

— Не мог же я упустить возможность обнять самую иную женщину, которую я когда-либо видел.

Он взял Белит за руку и повел к небольшой рощице, видневшейся за разросшимся фруктовым садом. Два оседланных коня уже ждали беглецов.

— Куда теперь? — спросила Белит.

— В сады королей — сейчас там почти никого нет, и мы сможем поговорить.

— Тогда вперед.

Девушка ударила коня пятками, и вышколенный жеребец широким размеренным шагом понес ее по дороге.

— Догоняй! — крикнула Белит. Алал заторопился вслед за невестой.

Сады королей — пожалуй, одно из самых красивых мест в Дан-Марке — были любимым детищем третьего из древних королей Асгалуна, повелевшего посадить там самые прекрасные деревья со всего мира. Красивейшие деревья, кусты и травы из Стигии, Аргоса, Шема, Черных Королевств, Вендии и даже далеких северных стран мирно соседствовали, украшали землю и наполняли ароматами воздух.

Когда Белит и Алал прошли сквозь резные ворота, в парке уже поселились сумерки. В их неверном свете подстриженные кусты и деревья казались невиданными волшебными

зверями, а цветы походили на красочные ковры.

— Какая красота! — восхищенно прошептала Белит.

— Мне здесь тоже нравится. Нам туда.— Алал показал резную беседку возле небольшого озерца.

Вырезанная из дорогого, привезенного издалека сандалового дерева, беседка все еще хранила сладковатый восточный аромат. Усевшись на ажурную скамью, Белит и Алал наконец-то почувствовали себя в безопасности.

— Вообще-то я придумал эту прогулку, чтобы поговорить, Ты же понимаешь, мне не хочется брать в жены девушку, чье сердце не свободно. Ответь мне честно, ты любишь кого-нибудь?

— Нет,— искренне ответила Белит,

Ну разве можно сравнить детскую влюбленность в Крима с тем смутным, но уже взрослым желанием, которое в ней вызывал этот красавец. Да конечно же нет!

— Нет! — еще раз повторила она, убеждая саму себя. — А у тебя есть любимая?

— Нет,— Алал тряхнул кудрявой головой.— В моей жизни были женщины, ну, из этих, которых можно купить на ночь. Но я никогда никого не любил.

— У меня мужчин не было,— сказала Белит. Ей почему-то хотелось быть откровенной с этим юношей.

— Странно, ты так красива...

— Мы же живем в Субе, а там не было ни одного белого мужчины, кроме брата и отца. Так что влюбляться было не в кого.

Они говорили еще долго. Луна уже стояла высоко в небе, а будущие муж и жена все не могли наговориться, Как завороженная слушала Белит рассказы Алала о древнем Асгалуне, загадочной Стигии, Арゴсе, Вендии — всех тех странах, куда судьба заносила торговцев с караванами. Разбойники сменяли страстных восточных красавиц, а на смену им приходили истории о жестоких морских пиратах. Алал умел рассказывать, а Белит умела слушать.

Юноша опомнился первым.

— Послушай, уже глубокая ночь, и тебя, наверное, ужо ищут!

— Точно,— радостно подтвердила Белит.— Переполох, должно быть, ужасный.

— Пожалуй, стоит вернуть домой будущую жену. А то еще обвинят невесть в чем!..

— Вот именно — похитить собственную невесту! Это же верх коварства!

Алал обнял Белит за плечи.

— Ты мне нравишься, Белит. Очень нравишься.

— А ты мне.

Их губы соединились в долгом поцелуе. Алал покрепче сжал тонкую талию девушки.

— Белит, если ты поцелуешь меня еще раз, то домой тебе сегодня точно не вернуться.

— Нет уж, давай-ка подождем до свадьбы! — Уроки Шаафи были живы в памяти Белит. Отдохнувшие кони быстро донесли их до города. Алал подсадил Белит на крышу и помахал на прощание.

— До свадьбы, Белит!

— До свадьбы, Алал!

Пробравшись сквозь узкое окошко, Белит удовлетворенно вздохнула. Ночное приключение прошло удачно, и будущий муж оказался отличным собеседником. А может быть, и ищется еще и настоящим другом? Пожалуй, лучшего Белит но найти, а значит, утром она скажет родителям, что согласна выйти замуж за Алала, сына Халеба из Дан-Марки.

Глава III.

Первая ссора Белит и Алала произошла вскоре поело свадьбы, когда Хоаким предложил молодоженам вернуться в Субу.

— Я не хочу ехать в эту глушь,— кричала Белит. — Мне нравится жить в Дан-Марке: здесь людно, весело, а там даже не с кем поговорить!

— Белит, мой отец хочет, чтобы я узнал, как твой отец ведет дела, научился всему... Словом, чтобы когда дела наших семей соединятся, я знал все секреты и тонкости торговли.

— Пусть отец тебе все расскажет, незачем ехать ид Черное Побережье! Незачем!

— Так надо,— твердо сказал Алал.

— Не хочу! Не хочу! — Белит схватила тонкий хрустальный кубок и швырнула в голову Алалу.

Муж уклонился и одним прыжком оказался возле Белит. Он ударил ее по лицу — резко, наотмашь, без малейшей жалости. Крепкая ладонь тренированного мужчины звонко хлестнула по щеке Белит. Раз. Второй. Третий.

Изумленная, ошарашенная Белит не сразу поняла, что происходит, только горькие слезы обиды затуманили глаза. А затем на смену испугу пришла ярость. Холодная ярость оскорбленной женщины. Белит прекрасно умела постоять за себя — отточенным годами тренировок движением она ударила Алала ногой в колено... впрочем, постаравшись, чтобы любимый муж не очень ушибся и упал на мягкий диван.

— Запомни, Алал,— я не городская девка, способная только пускать слезы. Меня учили драться, и никто не смеет поднимать на меня руку.

Пораженный Алал встал с дивана и ощупал саднящую

— Здорово.— Он улыбнулся своей неотразимой улыбкой, от которой у Белит пока еще не было защиты.— Меня редко кто так учил уму. Я даже не догадывался, какое сокровище моя жена.

— Я не хочу с тобой разговаривать.— Лицо Белит горело после пощечин мужа.— Можешь ехать куда угодно, хоть пасть к Нергалу!

Молодая женщина повернулась к двери, но Алал схватил ее за руку и развернул к себе.

— Я люблю тебя, дикарка!

Склонившись, муж нежно поцеловал руку Белит.

— Прости меня, я виноват. Если хочешь, мы никуда не поедем. Только прости меня!

Смягчить Белит было сложно, но горячие руки мужа, скользнувшие по ее бедрам, несколько поколебали непреклонность молодой женщины.

— Прости! — Алал целовал ее шею, тугие завитки волос ножной щеке, глубокую ложбинку между грудями, а затем подхватил на руки и понес в спальню.

Белит не сопротивлялась. Муж имел над ней огромную, непонятную ей самой власть, и противиться ему, когда он был ласков и нежен, она просто не могла.

Когда молодожены отдыхали после ссоры, драки и любви, Белит прошептала на ухо Алалу:

— Я люблю тебя, муж. Давай вернемся в Субу. Так и впрямь будет лучше для всех.

В дверь постучали, и, засмеявшись, Белит добавила:

— По крайней мере, нам будут реже мешать, когда мы остаемся одни.

Возвращение в Субу прошло без приключений. Шаафи и Хоаким были довольны решением молодых жить с ними, под неусыпным присмотром мудрых родителей. Белит и Алал были довольны, потому что помирились, да и какая разница, где любить друг друга — в деревне на берегу океана или в шумном городе!

Впрочем, в селении произошли большие перемены — Крим вернулся на родину с женой и маленьkim сыном и поселился в старом отцовском доме. Известие о свадьбе Белит он воспринял спокойно, словно бы не его первая любовь навсегда уходила в небытие.

Четыре года очень изменили Кrima — на его плечи лег груз ответственности за жену и ребенка, жесты и головы огрубели, и молодой мужчина предпочитал молча трудиться, нежели болтать языком. Мозолистые руки легко сгибаю железные прутья, на теле буграми вздувались мышцы привыкшего к тяжелой физической работе человека, а в черных глазах тлел недобрый огонек. Время не пощадило верного друга Белит. Может быть, неизменным остался только маленький шрам на предплечье — символ братства и верности.

Когда Белит узнала, что Крим вернулся, она с трудом сдержала желание бросить все дела и побежать к старому другу. Но мысль о том, что Крим теперь не один, что у него есть жена и сын, а значит, наверное, будет не очень-то хорошо являться без приглашения, вовремя пришла ей в голову.

Прошла неделя, но они так и не встретились. Алал часто был занят с Хоакимом, облезая поля, входя в тон кости торговых сделок и договоров, и Белит проводила много времени одна у распахнутого окошка, занимаясь шитьем. Однажды, когда девушка по привычке пристроилась с иглой и недошитым платьем у окошка, на подоконник прямо перед ней опустился лесной голубь. К ноге крупной серой птицы был привязан маленький свиток пергамента. Догадавшись, от кого прилетела нежданная весточка, Белит поблагодарила крылатого посланца и взволнованно развернула письмо.

«Приходи вечером к Самди. Трехголовое дерево — место встречи».

Вихрь чувств поднялся в душе Белит. О том, чтобы предупредить родителей, не могло быть и речи, но и обманывать их она не хотела. Решившись, Белит пошла на половину матери.

— Мама, я хочу сходить к Самди. Мы приехали уже давно, а я еще не зашла к ней ни разу.

— Почему именно сегодня? — удивилась мать. — Лучше бы пошли вместе с Алалом, похвалилась бы красавцем мужем.

— У меня странное предчувствие, мама. Я пойду, не дожидаясь возвращения Алала и отца.

— Хорошо. Когда вернешься?

— К ночи буду дома.

— Может быть, выйти тебя встретить?

— Не надо. Меня проводит Самди.

Всю оставшуюся часть дня Белит провела за двумя занятиями — рылась в сундуках, выискивая платье покрасивее, и придумывая, что бы подарить Криму. Наконец все приготовления были окончены, и Белит удовлетворенно вздохнула — длинное белое платье подчеркивало мягкие и фигуры, волосы уложены тяжелой короной над высоким чистым лбом, чуть насыщенные брови, подкрашенные губки, сияющие глаза — такую красавицу Крим больше не найдет нигде.

Она тихонько выскользнула из дома и, перекинув через спину перметную суму, пошла

по давным-давно изученной тропе. Это было самое любимое время Белит — час, когда день покидает джунгли, но и ночь еще не успела занять владения. Просыпающиеся от жары джунгли словно бы узнавали шемитку — стволы молодых деревьев раздвигались. И в то же время старались подсунуть под ее руку тонкие веточки, прося ласки и внимания. Птицы, которые так часто прилетали к ней раньше, принося вести от Самди, кружились над головой, лесная мелюзга, соскучившись, высовывалась из-за кустов, провожая глазами. Белит удивилась самой себе — неужели она действительно собиралась променять всю эту красоту на сомнительные удовольствия жизни в большом городе.

А вот и место встречи. Гигантская секвойя с изувеченным стволов стояла на перекрестке трех дорог, словно стрит из страшной детской сказки. Три обрубленных гигантских ствола уже засохли, и только из развилики росла тоненький веточка — залог жизни дерева. Белит нежно погладила грубый ствол — сколько долгих часов просидела она здесь, отдыхая по дороге к Самди. Сколько раз они здесь встречались с Кримом! Но тогда друга ждала маленькая девочка, а теперь юная женщина ожидала сама не знала кого.

Крим появился совсем не с той стороны, с которой готовилась его встретить Белит. Он вынырнул прямо из леса и, улыбаясь, направился к дереву широким шагом прирожденного охотника.

— Привет тебе, красавица,— сказал Крим, обнимая Белит.

— Привет, Крим.— Девушка удивленно посмотрела на огрубевшее лицо друга.— Ты очень изменился, даже трудно узнать.

Чернокожий гигант рассмеялся.

— Нос приплюснут, глаза узкие, губы толстые — помнишь, как ты перечисляла недостатки моей внешности? Похоже, они стали еще заметнее?

— Пожалуй, да.— Белит нахмурила брови.— Особенно губы! Наверное, жена постаралась — поцелуями?

— Угу, поэтому и у нее губы такие же. А как дела у тебя?

Белит опустила глаза.

— Все хорошо. Муж любит меня, я люблю его. Родители сделали правильный выбор.

— Мои тоже не ошиблись.— Крим взял Белит за руку и потянул в сторону джунглей.— Пойдем погуляем по лесу, заодно и поговорим.

— Самди ждет — пошли, сначала зайдем к ней. Я не видела ее с самого сватовства.

— Я не видел ее еще дольше. И, честно говоря, даже им хочу ее видеть. А записку послал, чтобы ты пришла сюда, ко мне. Если позову я, ты можешь не прийти, а вот огни зовет сама Самди, то не послушаться невозможно.

— Ну, хорошо, пошли побродим,— согласилась Белит.

Они углубились в лес и рука об руку пошли бродить по заросшим тропинкам, смеясь и болтая, как и много лет назад. Белит рассказывала о своей жизни, о муже, о сказочно красивом городе Дан-Марке, а Крим — о жизни в неосвоенных дебрях, где каждая ладонь вспаханного поля полита потом, а иногда и кровью... Незаметно для самих себя, они свернули на узенькую тропу, которая привела их к маленькой, заросшей густой травой полянке.

— Посидим? — предложил Крим.

— Посидим,—согласилась Белит.

— Вот, садись.— Крим скинул рубаху и расстелил на траве. — А то испачкаешь платье, и тебе попадет.

— Ты совсем забыл, что мама больше надо мной невластна, я ведь замужем. Впрочем, спасибо за заботу.

Изящно подобрав юбку, Белит присела и, покопавшись в кармане, достала широкий кожаный браслет, украшенный вышивкой.

— Возьми, это тебе.— Белит протянула подарок Криму.

— Спасибо.— Негр был растроган.— У меня ничего нет п, Разве что...

Он принял из рук Белит браслет, надел его на руку и, полюбовавшись, хитро прищурился, глядя на Белит.

— Помнится, когда-то тебе очень хотелось иметь такое копье, как у меня, а родители говорили, что девочка должна шить, а не возиться с оружием.

— Помню. Я умирала от зависти.

— Бери.— Огромный негр положил к ногам Белит свое копье.— Оно простое, но я делал его своими руками.

— Спасибо, Крим, я знаю, что значит копье для воина! Ну, что же ты стоишь, садись.

Крим сел рядом с Белит. Какое-то время они молчали.

— Белит,— хрюплю сказал Крим,— я ведь уехал не случайно.

— Что? — удивленно переспросила она.— Как это не случайно?

— Очень просто. Самди уговорила отца уехать, а твой отец дал ему деньги и товары.

— Зачем?

— Чтобы разлучить нас с тобой. Через полгода после переезда Самди приезжала к нам. Я подслушал, как ночью она говорила с отцом.

— Я не знала об этом,— перебила Белит.— Но ведь мы с Самди почти не расставались, и она не могла исчезнуть ни целую луну.

— Ей и не надо было исчезать на целую луну. Она приехала на странной повозке, которая ехала сама по себе, без лошадей. Тихонько приблизилась к нашему дому, а мой старик пошел, ей навстречу. Сначала я очень испугался, но потом вылез через окно и подкрался к ним. Они говорили негромко, но я все слышал.

— Что слышал?

Отец спрашивал, как ты поживаешь, а Самди отвечала, что теперь, когда меня нет рядом, ты учишься гораздо быстрее, а главное, можно не беспокоиться, что вместо избранного воина Света на свет появится полукровка.

— Они боялись, что мы с тобой...

— Да, отец знал, что я люблю тебя гораздо сильнее, чем любят просто подругу или сестру. Я любил тебя больше собственной жизни, и, если бы нас не разлучили, ты бы тоже полюбила меня!

Белит наморщила лобик, силясь осознать, о чем толкует ей названный брат. Какой еще воин Света? Что за странные тайны плелись вокруг нее?!

— Я понимаю, что моим родителям не нравилась наши близость, но при чем тут Самди? Ей-то что до нас?

— Этого я толком не понял. Похоже, тебя готовили для какого-то избранника Митры, от которого ты должна родить воина. Это было три, нет, почти четыре года назад, но я все помню, Белит. Все, до последнего слова!

— Ты хочешь сказать, что мой Алал — избранник Митры? — изумленно спросила Белит.— Но он же самый обыкновенный человек!

— Какой он человек, мы сможем узнать очень скоро — достаточно сходить к Самди и

заставить ее сказать правду.

— Она не скажет,— твердо сказала Белит.— Если Солнцеликий Бог, которому она служит, замешан в этой истории, Самди будет молчать.

— Посмотрим.— Крим недобро усмехнулся.— Если бы это касалось только меня, я бы не волновался, но неужели ты не хочешь узнать, что происходит? И почему твой отец и Самди так оберегают тебя?

— Больше всего на свете мне бы хотелось ответить тебе, что они это делают лишь потому, что любят меня и заботятся обо мне. Но боюсь, я не сумею убедить в этом ни тебя, ни даже себя саму.— Девушка тряхнула головой, словно силясь прогнать наваждение. Только что жизнь казалась так прекрасна — и вот словно черный полог опустился на ее душу. Она вздохнула.— Так не будем же медлить. Пойдем!

Крим поднялся легким плавным движением и протянул руку Белит. Заходящее солнце светило ему в спину, и Белит невольно опустила глаза. На мгновение ее взгляд имел на мускулистых бедрах Крина, полуоткрытых травяной юбкой. Молодая женщина густо покраснела, прогоняя невольные грешные мысли.

Отказавшись от предложенной помощи, Белит вскочила и зашагала впереди Крина, чтобы на него не смотреть. Внезапно на плечо Белит легла тяжелая рука.

— Постой.

— Да?

— Я буду говорить с Самди сам.

— Хорошо.

За всю дорогу ни один из них не проронил ни слова. Погруженные в свои мысли, они шли рука об руку и словно не замечали, что соприкасаются плечами. Более чужие, чем когда-либо раньше...

Хижина Самди вынырнула из-за деревьев, и они ускорили шаги. Негритянка стояла на пороге, словно ожидая гостей.

— Крим! — Самди отнюдь не выглядела удивленной.— Я очень рада, что ты вернулся. А тебя, Белит, я поздравляю со свадьбой. Жаль, что до отъезда ты не зашла ко мне.

— Наверное, я не хотела тебя видеть,— холодно ответила, Белит.

— Не сердись, девочка. Судьба каждого из нас в руках богов, и у меня не было выбора. Пойдемте в дом, там лучше разговаривать.

Хижина Самди была сложена из тонких стволов пальм, переплетенных гибкими лианами. Сквозь щели проглядывали джунгли, а гибкие вьюны оплели ее живым цветущим ковром. Внутри жилище жрицы было таким же простым, как и снаружи — постель из звериных шкур, очаг, сколоченные из грубых брусков скамьи и огромная чаша, выточенная из цельного куска зеленого камня,— единственная ценность и гордость хозяйки.

Белит и Крим уселись рядышком на скамью, а хозяйка засуетилась возле очага.

— Самди, я хочу знать... — Юноша не стал тратить время на пустую болтовню и сразу перешел к делу. Голос его звучал резко и почти угрожающе. — Это правда, что Белит избрана Митрой? И если так, то почему об этом знают кроме нее?

— Лжешь, Крим.— Всегда мягкий негромкий голос Самди теперь резкостью не уступал голосу воина. Чувствовалось, что женщину нимало не смутил его напор.— Ты хотел узнать не об этом. Ты хочешь знать, для кого она предназначена! Так вот, Крим, не для тебя.— Самди сухо рассмеялась, наслаждаясь явным замешательством чернокожего. — Ты мешал, ты отвлекал ее! Ты никогда не доверял мне, и она слушалась тебя... И потом, Крим, об

истинном предназначении Белит знают лишь избранные.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что буду говорить с Белит только наедине. Тебе придется подождать снаружи.

— Не дождешься,— Крим недобро улыбнулся. — Ты смогла убедить отца уехать, а значит, сможешь убедить Белит в чем угодно.

— Нет, брат,— решительно возразила молодая шемитка, решив, что пора наконец и ей вмешаться в этот странный спор, где речь шла о ее жизни, но никто, похоже, и не думал спросить ее собственное мнение на сей счет,— Прежней милой девочки больше нет. И похоже, во многом благодаря Самди.

— Мне уйти?

— Да, Крим. Я потом тебе все расскажу.

Негр поднялся и, не говоря ни слова, вышел из хижины.

— Хочешь чего-нибудь поесть или выпить?

— Нет. Самди, не нужно вести себя так, как будто ничего не произошло. Я все же неплохо разбираюсь в людях, особенно теперь.

— Как скажешь, девочка. Ну, что же ты хочешь узнать?

Очень многое. Первое — зачем ты разлучила нас с Кримом?

— Вопрос, недостойный твоего острого ума! Я думала, ты все уже поняла. Мальчик ведь успел тебе рассказать, как подслушал мой разговор с его отцом.

— Успел. Но я хочу узнать от тебя.

— К сожалению, ничего нового не смогу сказать. Твоя судьба никак не пересекается с его. Такова воля моего бога.

Белит пожала плечами.

— Ты служишь Митре Пресветлому, я поклоняюсь Иштар. Что за дело твоему богу до меня? Я не приносила жертв на его алтари...

— Этого и не требовалось! Но разговор будет долгим, девочка. Не хочешь ли присесть к огню?

— Мне хорошо и здесь! — Зная умение Самди уходить от ответов на неприятные вопросы, Белит старалась ни на что не отвлекаться.

— Еще раз говорю — как скажешь. Если тебе нравится жесткая скамья — сиди на ней.

— Я жду,— нетерпеливо перебила Белит.

Гордая жрица Митры не выносила понуканий — знахарка славилась вспыльчивым нравом. Однако на этот раз Самди сдержалась. Слишком холодна и решительна была эта новая Белит.

— Все началось восемнадцать весен назад, когда королева Асгалуна понесла дитя от своего царственного супруга. Придворный астролог составил ее гороскоп и гороскоп будущего наследника. Изумленный и напуганный, поспешил он к королю, Но не успел. Его укусила змея. Неизвестно как проникшая во дворец. Его последними словами были: «Просите помощи Митры...» Стариk умер, не сказав больше ничего, но повелитель шемитов послушался и отправился к жрецам Пресветлого за советом.

— Он пошел к жрецам Митры? Но почему? В Шеме никогда не чтили Солнцеликого! Иштар и Птеор — наши божества, и сам король поклоняется им. Как мог он довериться чужому богу?

Оскорблена столь непочтительным отношением, жрица поджала губы.

— Да будет тебе известно, несмысленая, что Митра — верховный среди небожителей. И все они покорны его воле!

— Это только жрецы утверждают так! — Девушка дерзко рассмеялась. От былой преданности и любви к обманувшей ее захарке не осталось и следа. Природная горячность взяли верх, и теперь ей хотелось причинить боль Самди.

Должно быть, жрица также поняла это. Неожиданно нежная улыбка смягчила ее сухие губы, и она развела руки в примиряющем жесте.

— Перестань, девочка! Негоже нам спорить, точно престарелым придворным богословам! Давай я лучше расскажу тебе твою историю — она ведь волнует тебя куда больше!

Белит нехотя кивнула, признавая правоту жрицы.

— Так вот, — продолжила та рассказ. — Король сперва просил совета у своих мудрецов, затем у служителей Иштар и Птеора, но они бессильны были истолковать гороскоп малютки. И тогда он явился в храм Митры и был немедленно принят старшим жрецом. Верховный открыл королю судьбу будущего младенца. Вот что поведал он правителю... Девочка, рожденная в день весеннего равноденствия, вырастет в прекрасную женщину и, встретив избранника Митры, подарит ему сына. Судьба разлучит их навсегда, и другое дитя родится в далекой земле за соленой водой. Во всем мире не будет воина, равного внуку короля Асгалуна, и жреца более могущественного, нежели его сводный брат.

— Все это прекрасно — но причем здесь я? — перебила захарку Белит, всеми силами стараясь отогнать закрывающуюся в душу догадку.

— Дочь короля Асгалуна — ты, Белит.

— Я! Но Шаафи, Хоакин?! Кто же тогда они? — Девушка вскочила. — Кто они, Самди!

— Твои приемные родители. Извечный враг добра, Сет-Разрушитель, не мог допустить, чтобы дитя, обладающее столь великой силой, появилось на свет. Причинить зло твоему сыну не сможет ни один бог, ибо судьбу его будет вершить само Великое Равновесие, которому он и будет служить, но уничтожить тебя, особенно в детстве, оказалось бы слишком легко. В королевском дворце ты была бы всегда на виду.

— И меня отдали Хоакиму и Шаафи? Спрятали, чтобы сохранить жизнь?

— Да, несмотря на сопротивление королевы-матери, отец отдал тебя.

— Значит, я, избранница Великого Митры, встречу еще одного избранника и рожу еще третьего? — Белит нервно рассмеялась, настолько невероятным ей казалось все это. Да не сошла ли жрица с ума?! Но та была совершенно спокойна и даже торжественна. Ничто не выдавало безумия ни в голосе, ни в манерах ее.

— Двоих, — поправила ее Самди. — Ты родишь двоих — жреца и воина.

— Что за нелепость! А если я вообще не желаю иметь детей? Может быть, мне нужен только муж!

— Ты сама не знаешь, что говоришь! Твой муж — самый обычный человек, он никогда не был избранником богов, да и твоим избранником сделался случайно. Ничтожная песчинка в прибое времени!.. Как и твой обожаемый друг Крим.

— Не смей! Кто дал тебе право решать чужие судьбы?

— Великий Митра дал мне это право! Нас много, незримых свидетелей твоей жизни. Когда ты пройдешь сквозь все испытания, что тебе предначертаны, ты встретишь его.

— Самца, выбранного жрецами?

— Синеглазого черноволосого воина с далекого Севера. Он будет силен, как

разъяренный лев, и именем Льва нарекут его. Ты легко узнаешь его. Твоя душа, твоё тело, твоё сердце узнают его сразу!

— Посмотрим,—Белит встала, поправила юбку и презрительно скривилась.— Если ты думаешь, что я поверила хоть одному твоему слову, то ты ошибаешься.

— Ну что ж. Ты убедишься во всем сама. Напоследок скажу — ты носишь под сердцем дитя Алала, которому твоя мать даст имя Кедрон.

— А я еще раз повторю тебе — посмотрим.

С гордо поднятой головой Белит вышла из хижины. Крим казался совершенно спокойным, лишь вопросительно посмотрел на нее.

— Пойдем отсюда, брат. Разговор окончен.

Верному другу не нужны долгие объяснения, достаточно только почувствовать, что делается в душе побратима. Белит и Крим шли по лесу молча, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами, избегая говорить о главном, Наконец Белит не выдержала. Скупыми короткими фразами она пересказала Криму пророчество Самди. Рассказали все: от тайны своего рождения до ухода за соленые моря. Огромный негр слушал очень внимательно и лишь изредка задавал вопросы. Когда Белит выдохлась, он задумчиво произнес:

— По-моему, это все правда.

— Нет! Я похожа на Шаафи так же, как Джихан па отца. Они мои родители, моя семья.

— Ты совсем не похожа на мать, а тем более на Хоакима. Ты другая, совсем другая, необыкновенная.

— Спасибо, брат.— Взволнованная Белит не заметили странного взгляда, брошенного на нее Кримом.— У меня есть еще один способ все проверить. Спрошу родителей.

— Не нужно! Нет! Никто из них не скажет тебе правду. Я уверен. А если Самди соврала, твой вопрос оскорбит их.

— Снова ты прав, брат. Нужно придумать какой-нибудь способ узнать истину.

— Белит! — Крим внезапно остановился.— Я хочу, чтобы ты знала, что всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Я знаю.

Белит подошла к чернокожему гиганту и, привстав на цыпочки, поцеловала в щеку. Огромные руки стиснули тонкую талию женщины. Крим целовал ее губы, шею, плечи, туя, что любимая откликается на его ласки.

— Ты хочешь? — шепнул он ей на ухо. Да!

В отличие от Крина, ею двигала не любовь. Признание Самди взорвало, разрушило уютный мир, в котором так счастливо жилось Белит. Загадочные космические силы решали ее судьбу, и их не волновали желания ничтожной женщины с Черного побережья. А у нее были собственные ни и мечты. Например, сейчас она желала Крина...

Они упали на траву, и ветви накрыли их зеленым попом. Черное и белое тела слились в сладостном танце самом древнем и прекрасном танце на свете.

Когда Белит поняла, что беременна, первой ее мыслью был вопрос: чей это ребенок? Больше всего на свете она боялась родить темнокожего малыша. Нет, она никогда не откажется от него, но объяснить всем вокруг цвет его кожи будет весьма непросто...

Долгие восемь лун прошли в волнениях и страхе, и когда дитя запросилось на свет. Боль была страшной и долгой. Мать, сама хорошая знахарка, позвала на помощь колдуна Н'Гону, и только вдвоем сумели они помочь Белит и ее сыну. Измученная женщина потеряла сознание сразу рождения крупного белокожего мальчика.

— Я дала ему имя Кедрон,— сказала Шаафи, когда очнувшаяся Белит попросила принести сына.— Прости, что решили без тебя, но и Алалу, и отцу это имя очень понравилось

В изнеможении Белит откинулась на подушки. Будь проклята Самди и ее боги!..

Этот яркий солнечный день начался для Белит на редкость удачно. Кедрон ни разу не проснулся за ночь, и они прекрасно выспались, а нежность Алала, вернувшегося ранним утром из дальнего поселка, сделала ее окончательно счастливой. Стараясь не разбудить спящего мужа, Белит покормила Кедрона, позавтракала сама и, надев свое самое любимое платье, пошла на половину родителей — узнать, не нужна ли матери ее помощь.

— Здравствуй, девочка,— Хоаким улыбнулся,— ты сегодня сияешь как солнышко.

— Да, отец, мы с солнышком сегодня в очень хорошим настроении.

— Садись, детка.— Мать указала Белит на обтянутую шкурой тигра софу.— Хочешь кокосового молока?

— Очень!

Полными любви глазами следила Белит за движениями матери. Годы состарили Шаафи, но уверенные движения рук опытной знахарки, плавные повороты гордой головы — все осталось тем же. Такой Белит навсегда запомнит мать — хрупкая, изящная, но преисполненная огромной жизненной силы. И память о матери еще не раз заставит Белит выше поднимать голову, усилием воли прогоняя слезы. Впрочем, в тот солнечный день одни лишь боги знали о том, какие испытания выпадут на долю этих женщин.

— А где Алал? — спросила мать.

— Сейчас спит, а потом пойдет проверить, как упаковывают товар. В прошлый раз половина тюков развалилась, не дойдя до Керама.

— Надо бы тебе самой научиться присматривать за работой,— сказал Хоаким,— незачем во всем полагаться на Алала, ведь он все время разъезжает по побережью.

— Я постараюсь, отец, но Кедрон еще очень маленький, и нельзя оставлять его одного...

Белит не успела договорить. Со стороны наружной двери раздался негромкий стук.

— Входи, добрый человек.— Хоаким поднялся и открыл дверь.

Огромный негр, в расшитой бисером широкой набедренной повязке, вошел в комнату, осторожно нагнув голову, чтобы не стукнуться о низкий потолок.

— Присаживайся к нашему столу, Крим.— Шаафи почтительно придинула к гостю скамью.— Для нас большая честь видеть тебя в нашем доме.

— Благодарю, мать.— Аккуратно, словно боясь резким движением сломать хрупкую мебель, негр опустился на скамью.— Бангулу, наблюдатели заметили на горизонте корабль под черным парусом. Он причалит к берегу, когда склонится на запад.

— А ветер?

— Ветер им благоприятствует.

— Хорошо, Крим, скажи Унгеду, что я приду встречать на берег, как и обычно.

— Да, Бангулу.

— Ну а теперь, когда поручение вождя выполнено, выпей и поешь с нами, воин.— Шаафи наполнила кокосовым молоком чашу и протянула гостю.

— Благодарю за гостеприимство, но Унгеду ждет меня в своем доме, и я не могу задерживаться.

— Конечно, конечно, иди, друг мой.

Негр повернулся и, уже переступая порог, бросил последний жадный взгляд на тугую,

полную молока грудь Белит. Перехватив его взгляд, молодая женщина опустила глаза и мнилась яркой краской.

— Иди, воин, иди.— Шаафи резко встала и легонько подтолкнула в спину темнокожего гиганта.— Унгеду, наверное, уже заждался твоего возвращения.

— Я тоже пойду к себе, если тебе не нужна помощь, мама, — сказала Белит.

— Иди, детка, я пойду присмотрю за товаром, помогу Алалу, тогда он пораньше вернется к любимой жене.— Хоаким захотел, радуясь собственной шутке.— Надеюсь, с моей помощью вы подарите мне еще одного внука.

— Не говори глупости, старый бесстыдник.— Шаафи шутливо нахмурила брови.— Иди, дочка, а мы...

— А мы сделаем тебе еще одного братика,— закончил фразу за жену Хоаким.

— Немедленно прекрати! Хвала Иштар...

Белит не стала дожидаться окончания спора между родителями, зная, что вскоре после ее ухода мать и отец обнимутся и нальют себе еще по чашке кокосового молока, окончательно позабыв об утренней перепалке.

Несмотря на то что пиратские суда уже не раз пытались напасть на славившееся богатством Черное побережье, но явление любого корабля вызывало бурную радость — корабли приносили новости со всего мира, новые, невиданные товары, а иногда сулили удивительные встречи. На всю жизнь в памяти Белит остался заезжий аргосский маг, глотавший клинки и горящие факелы. Любопытные детишки гурьбой ходили за волшебником, а потом, после его отъезда, у Шаафи появилось много новых больных — из числа пытающихся повторить фокусы аргосца. С тех пор прошло много лет, но каждый приближавшийся кош вызывал у Белит приятное волнение, волшебное ожидание праздника.

Занимаясь обычными домашними делами, Белит буквально летала по дому, пританцовывая и напевая простенькие субанские песенки. Она проводила Алала, помогла матери ни дому, сбежала к соседке обсудить поведение ее мужа,— словом, ее день был полон напряженной жизни, однако Белит не оставляло странное чувство пустоты. Что-то должно было случиться — внутреннее чутье Белит, выпестованное Самди с особой тщательностью, ошибалось редко.

Предчувствие беды усилилось к вечеру, когда сытый и умиротворенный Кедрон посапывал в колыбельке и усталая от дневных забот Белит прилегла на кушетку. Она лежала закрыв глаза и прислушивалась к своим ощущениям — кому же из ее близких грозит беда?

Жадные губы мужа обожгли ее шею, и Белит задрожала от прикосновения рук, так хорошо знавших, как утешить и успокоить. Близость с Алалом могла вернуть ускользавшее чувство уверенности в себе, но Белит не желала откипать себе в удовольствии пококетничать.

— Не сейчас, милый,— отец ждет нас встречать корабль,— прошептала она, делая слабую попытку отстраниться.

— Времени еще много.— Теплое дыхание щекотало ухо. — Дорога Иштар открыта для влюбленных.

Старый бог субанцев — Техир Сияющий — не менее трех раз перевернул свои песочные часы, прежде чем Белит с мужем вышли на берег.

...Субанский залив был самой природой создан как надежная гавань для кораблей. Две длинные гряды протягивались глубоко в море, ограничивая узкое пространство спокойной воды. Снаружи могли бушевать шторма, дуть ветры, а в заливе царила тишина. Маленькие волны лишь лениво прокатывали камушки, изредка попадавшиеся среди песка. Широкая

дорога вела к огороженному частоколом краалю, по обе стороны от него раскинулись возделанные поля, разделенные живыми изгородями кустов.

Но над всеми трудами рук человеческих царили джунгли, вплотную приближившиеся к полям и готовые поглотить их при малейшей возможности. Субанцы жили в вечной борьбе с зелеными соседями и с огромным трудом отражали их весенние атаки. Белит любила джунгли гораздо больше человеческих поселений, и ощущение их силы было одним из первых уроков Самди. Сейчас, идя с мужем к берегу, Белит не могла не обернуться и не кинуть взгляд в сторону леса.

Почти все население Субы уже собралось на берегу.

Рослые воины выстроились вдоль берега, их единственную одежду составляли пышные травяные юбки и огромное количество украшений из кости, металла, камней, издававших дробный перестук при каждом движении хозяев. Старики, старухи, вечно кричавшие и суетящиеся ребятишки, статные черные женщины — все вышли навстречу неизвестному кораблю.

— Что ты думаешь об этом судне, Алал?

Юноша прищурился, глядя на переливающуюся гладь океана. Корабль приблизился уже на десять полетов копья, и можно было разглядеть черные пузатые бока и несколько рядов весел, дружно вспенивающих воду. Багряный стяг бился на ветру, и принадлежать он мог только одной стране — гордой Стигии, страде тайн, мудрости и древнего зла.

— Судя по цвету и оснастке, корабль может быть только стигийским, — ответил Алал. — Но готов поспорить, — команда сборная. Стигийцы — плохие моряки и нанимают мореходов со всего света.

Странная волна дрожи пробежала по телу Белит. Молодая женщина оглянулась по сторонам, пытаясь определить, что вызывает в ней это ощущение. Алал почувствовал тревогу жены и, осторожно сжав ее локоть, ободряюще улыбнулся.

— Что с тобой, Белит?

— Не знаю, мне почему-то не по себе.

— Тогда иди домой, я скоро приду, — предложил Алал.

— Нет, ничего страшного, я побуду здесь с тобой.

Уже отказавшись, Белит поняла, как ей хочется уйти, но было слишком поздно.

— Что могло здесь понадобиться стигийцам? — удивился Хоаким. — Черное побережье редко удостаивается внимания детей Сета.

— Может быть, они ищут новых знаний? — предположила Шаафи. — Хоть о них и говорят много дурного, но я слыхала, что стигийцы — народ великой мудрости.

Хоаким только покачал в ответ головой, но ничего не сказал.

Корабль быстро приближался.

— Готовьте оружие! На них тяжелые доспехи, — прозвучал вдруг пронзительный крик Унгеду. — Женщины, дети — прочь с берега!

С оглушительным грохотом корабль ударился о деревянную пристань, и стигийцы заметались по палубе, выкатывая и направляя на берег огромные сосуды на ржами треножниках, а затем из странных, похожих на змей приспособлений вырвались струи серого дыма.

Подхваченные дующим с моря ветром, серые облака накатывались на берег густой тошнотворной волной, и те, кого она накрывала, шатаясь, хватались за горло. Воины пытались держать в руках оружие, но оно падало из ослабевших пальцев, а за ним

опускались на песок и его владельцы.

Все произошло слишком быстро, и почти никто не успел покинуть берег, однако перемена ветра спасла женщин и детей, а также семью Белит, стоявших в стороне от воинов.

— Спасительница Иштар,— воскликнул Хоаким, обнажая кривой аргосский клинок,— это охотники за рабами! Они посыпают какой-то яд, и воины не могут сражаться. Уводи женщин в лес!

С криком «Ко мне, воины Субы!» — Хоаким побежал к оставшимся на ногах субанцам.

В отличие от растерявшихся субанцев, стигийцы действовали четко и организованно. По сброшенным сходням на пристань спустились тяжеловооруженные воины. Горстка субанцев по главе с Хоакимом встала на дороге в отчаянной попытке преградить путь охотникам за рабами или хотя бы дать возможность женщинам и детям укрыться в чащे. Быстрее, быстрее!

— Унгеду поторапливал бегущих. Древний старик, он старался помочь, подхватив на руки двоих маленьких ребятишек, которые не поспевали за остальными, но и сам начал безнадежно отставать. Белит с Алалом бежали в первых рядах и первыми заметили всадника на снежно-белой лошади, мчавшегося к пристани.

— Джихан! — отчаянно закричала Белит, но брат даже не взглянул в ее сторону, торопясь на помощь отцу.

Белит остановилась и, не в силах покинуть близких ей людей, повернулась к пристани. Джихан уже подбегал к отцу, когда тяжелое копье,пущенное уверенной рукой, вонзилось Хоакима. Старик зашатался и тяжело опустился на землю.

— Отец! — долетел до Белит дикий крик брата. Слезы застлали ей глаза, и силы покинули онемевшее тело.

— Нам надо уходить,— Алал тряс ее за плечи.— Вспомни о Кедроне! У тебя есть сын, наследник Хоакима! Очнись!

Белит не отвечала. Алал резко, наотмашь ударил ее по лицу. Один раз. Второй.

Словно очнувшись от забытья, Белит повернулась и, даже взглянув на Алала, побежала к селению.

Опередившая их Шаафи уже собрала самые необходимые вещи и ждала их на пороге с Кедроном на руках. Она не видела смерти мужа, но слышала крик Джихаиа, а вид Белит подтвердил ее самые худшие опасения. Но она была матерью и бабушкой, а теперь стала старшей в семье, и никто никогда не увидит ее слез.

— Бежим! — коротко приказала она.

Белит протянула руки к малышу, но старуха покачала головой.

— Я понесу его сама, а вы, молодые, должны защитить нас, если придется.

Белит вихрем влетела в комнату, схватила со стены копье — подарок Кrima — и встала рядом с Алалом.

— Идем, мама.

Они вышли из селения через маленькую дверцу и частоколе, обращенную к джунглям. Большинство жителей бежали в ту же сторону, и их фигуры ярко выделялись на зеленеющих полях. Белит бежала изо всех сил, но то и дело оборачивалась взглянуть на мать. Губы Шаафи посинели, но руки крепко прижимали к груди спящего малыша, а лицо выражало никаких чувств, кроме горькой решимости.

Спасительные джунгли были уже так близко, когда из-за живой изгороди вынырнули четверо стигийцев.

— Скорей! — крикнул Алал и, схватив Белит за руку, потащил за собой.

— Мама! — Молодая женщина вырвалась от мужа и бросилась к матери.— Давай Кедрона, мама, так тебе будет, легче,

— Я больше не могу, дочка,— хрипло выдохнула Шаафи, опускаясь на колени.— Спасайтесь сами! А меня ждет отец...

— Нет, мама, нет! — Слезы текли по лицу Белит.

— Я приказываю тебе, Белит! — собрав остатки сил, твердо отчеканила мать.

Алал снова схватил Белит за руку.

— Бежим, лес уже близко.

Погоня стремительно приближалась. Между воинами и беглецами не больше пятидесяти шагов, и стигийцы бросились наперерез, чтобы отрезать своих жертв от леса.

Шаафи затянула последнюю молитву и вонзила кинжал себе в грудь.

— Я сделаю для тебя то же самое, — пообещал жене Алал.

Расстояние до леса все сокращалось, и Белит была поста, что они успеют скрыться. Но они не успели. Пущенный из пращи шар ударил Алала в затылок. Без единого стона муж Белит рухнул на землю.

И вот тогда-то Белит побежала так, как бегут в последнем порыве отчаяния. Она и сама удивлялась, откуда взялись у нее силы. Не чувствуя усталости, позабыв о страхе... ненависть несла ее на своих черных крыльях.

Оглушительно кричал Кедрон, радостно перекликались стигийцы уверенные в близкой добыче стигийцы, но женщина не слышала ничего, кроме звука глухого удара камня о кость затылка, все еще звучавшего у нее в ушах. Граница леса была совсем близко, спасительные деревья могли скрыть преследователей — как вдруг острая боль пронзила ногу, Белит упала.

Стигийское копье вонзилось неглубоко, и, стиснув зубы, на выдернула его одним рывком и из последних сил ползла к деревьям. Спрятавшись под ветвями невысокой акации, Белит разорвала на груди платье и в последний раз приложила сына к сочащейся молоком груди. В наступившей тишине она слышала голоса перекликавшихся преследователей. Понимая, что ее найдут непременно, женщина поступила так, как может поступить только мать. Когда наевшийся Кедрон заснул, она положила его на землю в густых зарослях и начала отползать в сторону.

Субанцы видели, как они убегали; они знали, что произошло с Шаафи и Алалом, а значит, после смерти Белит кто-нибудь вернется в лес узнать о судьбе Кедрона. Пусть за жизнь мальчика стигийцы возьмут ее жизнь!. Белит подползла к дереву и, привалившись к его шершавому стволу, взяла копье на изготовку и стала ждать охотников за рабами.

Первый из появившихся стигийцев рухнул с копьем в животе. Второй, явно не ожидавший сопротивления, п им тому не успевший защититься, вскоре уже хрипел и захлебывался собственной кровью. Из его горла торчал короткий кинжал.

Но двое других были более осторожны — да и женщины не осталось больше оружия... Одновременно накинувшись на Белит с обеих сторон, стигийцы опутали ее веревками и, закинув на плечи, потащили на корабль.

Глава IV.

Пленников загнали в грязный темный трюм, предварительно надев на ноги тяжелые цепи. Сваленные вповалку люди, среди которых были и раненые, кричали, ругались, стонали, метались в тесном закутке под палубой, призывая и проклиная всех богов.

Один раз в день люк открывался, и рабам бросали несколько краюх черного хлеба, а затем с грохотом опускалось ржаное ведро с привязанным к нему ковшом — скучный запас воды на целые сутки. Запах пота и человеческих нечистот становился все более невыносимым день ото дня, и люди уже начали задыхаться. Любая, даже самая маленькая царапина нагнаивалась. Большая часть раненых уже находилась на границе жизни и смерти, когда корабль работников бросил якорь в гавани Кеми. Субанцы могли гордиться друг другом — в бедственном положении находились все но самые сильные заботились о слабых, здоровые о больных, мужчины о женщинах. Если бы не это, стигийцы бы не довезли живыми даже половины пленников.

За Белит ухаживали с особым вниманием. Большинство негров видели гибель Хоакима, знали о судьбе Шаафи и Алала, а значит, дочь Бангулу нуждалась в утешении. Она была одной из них, и черные люди любили ее.

Когда корабль бросил якорь в бухте Кеми, Белит почти обрадовалась, что страшное путешествие закончилось. Рана на бедре не заживала, и тупая боль не давала спать, а переполненная молоком грудь покраснела и отвечала резкой болью на любое прикосновение. Первые дни пути Белит кормила одного из малышей, захваченных при набеге. Лишившийся матери ребенок надсадно кричал, пока шемитка не приложила его к груди. Ей было легче переносить тяготы плавания, когда рядом был маленький человечек, пусть даже не ее родной сын. Малыш умер на третий день от загноившихся ран, и, когда его крошечное тельце подняли на палубу в том же ведре, в котором пленникам спускали воду, шемитка плакала, как по собственному ребенку.

После его смерти Белит совершенно отчаялась, и продлилось плавание еще хотя бы несколько дней, наверняка бы не выжила. Она потеряла всякий интерес к жизни и перестала бороться. Гноящаяся рана на бедре, молочная лихорадка, а главное — желание умереть привели к тому, что шемитка не смогла самостоятельно подняться на палубу. Субанские женщины, бережно поддерживая под руки, вывели ее из трюма.

Солнечный свет больно ударил в глаза.

— Пошевеливайся! — Резкий удар в спину сбил Белит с ног. Из рассеченного виска заструилась кровь.

— Не смейте ее трогать!

Превозмогая головокружение и боль, Белит подняла голову.

В двух шагах от нее, возле борта корабля, стоял Джихан. Ржавые цепи сковывали его ноги, а руки неподвижно висели вдоль тела.

— Не смейте ее трогать! — повторил он. Оглушительный хохот стигийцев был ему ответом.

Свистнул бич, и свет померк в глазах Белит.

— Какая красавица,— сквозь пелену тьмы донесся до Белит хриплый голос.

— Пожалуй, ты прав, сынок. Эта шемитка стоит возни, которую ты поднял вокруг нее.—

Дребезжащий старушечий голос вторил первому.

- Ты сможешь ее выходить?
- Конечно. Жар от молочной горячки легко излечить — она слишком долго не кормила.
- Ты можешь сделать так, чтобы ее грудь осталась такой же, как сейчас?
- Могу. Я знаю, что нравится моему мальчику. И постараюсь, чтобы шрам не изуродовал гладкую кожу ее ножки.

Старуха захихикала.

- И, Наира, никаких полукровок. Мне не нужны выродки шемитской крови.
- Ты хочешь отдать ее Дэркето?
- Да.
- Как скажешь, сынок. Как скажешь.
- Поторопись, Наира, похоже, она приходит в себя.
- Ничего, у меня есть средство продлить ее сон. Голоса превратились в монотонное жужжание, а затем стихли.

Белит снился сон — странный, необычный сон. Она шла по лесу. Светило солнце, пели птицы, перекликались длиннохвостые обезьяны — ничто не казалось ни опасным, ни угрожающим. На Белит не было никакой одежды, но это ее почему-то не смущало. Белит была уверена, что вокруг никого нет.

Внезапно налетел холодный ветер. Он бил ее, хлестал со всех сторон. Защищаясь, Белит прикрывала руками лицо, но порывы становились все злее и злее. А потом в траве, у самых ног Белит, что-то зашуршало. Холодное как лед прикосновение заставило Белит содрогнуться и посмотреть вниз. У самых ее ног лежала, свернувшись в кольцо, огромная змея.

И тогда шемитка побежала, побежала так, как бегут от самого страшного, смертельного ужаса. Ветер дул ей в лицо, мешая бежать, заставляя зажмуриваться и отступаться. Белит не оборачивалась, но знала, что змея ее догоняет. Деревья, еще недавно дружелюбные и прекрасные, превратились в клубки черных шевелящихся ветвей. Они тянули страшные руки, стонали и скрежетали. Наконец одна из ветвей обвилась вокруг ноги молодой женщины, и со слабым вскриком Белит упала.

Огромная змея приближалась. Белит закричала. Чудовище коснулось голых лодыжек, обвилось вокруг колен скользнуло между бедер. Страшная боль пронзила живот женщины.

— Нет! Нет!

Ответом было только шипение. В отчаянии Белит оглянулась по сторонам в надежде найти хоть какое-то оружие. Все было напрасно. Наконец чудовище ослабило хватку, а потом вообще отпустило жертву.

Белит всхлипнула. Боль не уменьшалась, а, наоборот, усиливалась, пульсируя уже не только в животе, но и по всему телу. Змея медленно уползала.

Сгибаясь от боли, Белит поднялась на ноги. Взгляд упал на траву, и дикий крик вырвался из горла навеки искалеченной женщины. На траве лежал скрюченный, молочно-белый трупик ребенка, а вокруг растекалась алая лужа. Белит не знала, откуда пришла к ней уверенность в том этот младенец — ее еще не рожденный сын. Сын, кок уже никогда не родится.

Белит упала на траву и, не в силах подняться, поползла.

- Я возьму его, — прозвучал негромкий мужской голос. — Я попробую спасти его. Верь!
- Просытайся! — ворвался в сознание Белит визгливый вскрик. — Просытайся, шемитская красотка! Пора принимать работу!

С трудом Белит подняла веки и сразу же вновь закрыла глаза, не желая видеть безобразное старушечье лицо, нависшее над ней.

— Нечего притворяться, красотка,— Старуха хихикнула.— Ты теперь здоровее, чем была.

— Я могу забрать ее? — спросил мужчина.

— Да, забирай.

— Плату пришлю, как обычно.

— Твоя щедрость, сынок, известна всем.— Старуха опт захихикала.— Вставай, красавица.

Крепкие мужские руки рывком заставили Белит Шемитка открыла глаза. Она лежала на высоком узком столе в светлой, залитой солнцем комнате. Кроме стола в ней не было никакой обстановки, и голоса отдавались и гулким эхом.

Рядом с Белит стояли двое: старуха, которую шемитка раньше не видела, и сухопарый стигиец, к которому на корабле все обращались «господин». На их длинных серых тогах были вышиты изображения свернувшихся в кольцо змей, браслеты в виде змей украшали руки и щиколотки ног. С изумлением Белит заметила, что она одета так же, как и стигийцы.

— Господин Рамvas почитил тебя великой милостью.— Гнусное дыхание старухи коснулось лица Белит.

Не сдержавшись, молодая женщина поморщилась,

— Ей не нравится,— прокомментировала ведьма, открыв в улыбке гнилые редкие зубы.

— Придется тебе заняться ею всерьез. Нельзя позволить шемитской шлюхе морщить нос, когда с ней говорят хозяева.

— Где я? Что со мной случилось?

— Ты была больна,— ответил тот, кого старуха назвала Рамвасом.— Но я велел вылечить тебя. Таким, как ты, место в моем гареме, а не на ложе смерти.

Он был очень горд и высокомерен, этот стигийский пес, но он еще не знал, с кем его свела судьба. Белит слегка пошевелила ногой — боли не было, да и жар в груди тоже исчез. Тем лучше, здоровая, она быстро отучит наглеца даже помышлять о своем гареме!

— Вставай иди за мной,— надменно бросил Рамvas.

Белит послушно слезла со стола и, опустив голову, пошла за хозяином. Вслед ей неслось довольноное хихиканье ведьмы.

— Дэркето будет играть на этих струнах! Слышишь, шемитка! Ты принадлежишь ей!

У двери дома Рамваса ждали четыре стражника. Молча они встали по бокам Белит и, взяв ее под руки, куда-то повели. Рамvas шел впереди, и встречные прохожие расступались, кидая испуганные взгляды на серые тоги шемитки и стигийца. Если бы Белит не пребывала в какой-то странной апатии, она бы обратила внимание на прекрасный город вокруг нее. Высокие здания, украшенные шпилями и башенками, огромные невиданные деревья, и всюду, где только можно, недобро посверкивали клыками мозаики, рисунки, статуи Сета.

Зачарованная Белит шла за Рамвасом, не понимая, куда и зачем она идет. Иногда в голове возникали безумные мысли — ударить стражника, бежать, но вновь накатывалась усталость, и женщина шла за маячившим впереди серым пятном.

— В повозку,— приказал хозяин.

Белит подсадили в странный возок. Сколоченный из грубых досок. В каждом углу торчало по высокой жерди, к каждой из них была прикована женщина. Одну из них — Лами — Белит хорошо знала, а две другие были ей незнакомы. Лязгнула цепь, и шея Белит

оказалась в железном ошейнике, таком же, как на ее спутницах.

— Белит... — Лами плакала, размазывая слезы по осунувшемуся лицу.

— Да, Лами, — медленно произнесла шемитка.

— Что они с тобой сделали? Ты на себя не похожа!

— Не знаю, ничего не помню. Я должна спать, Лами. Мне нужно уснуть.

Белит закрыла глаза. Негритянка с ужасом смотрела на постаревшее лицо дочери Бангулу. Глубокая складка легла между бровей, углы рта опустились, сеть морщин появилась вокруг глаз, руки и ноги похудели так, что кожа стала казаться дряблой и старческой. Белит не проснулась, когда повозка тронулась, не шелохнулась, когда надсмотрщиц принес пленницам пищу и воду, и только к вечеру она начала стонать и плакать во сне. Короткая цепь не позволяла ни Лами, ни двум другим девушкам приблизиться к Белит, они могли только смотреть на нее и негромко плакать. Дважды к их повозке подъезжал Рамвас, внимательно смотрел на спящую Белит и снова уезжал.

Вечером девушек расковали и позволили немного походить. Стражник несколько раз пытался разбудить Белит, но шемитка даже не шелохнулась, и он оставил ее спать дальше.

Пока пленницы грелись у костра, Рамвас подозвал к себе троих стражников.

— Можете брать любую. — Холеная рука показали на сбившихся в кучу девушек. — Но на белую даже смотреть не смейте!

Да, хозяин. Благодарим.

Когда Белит наконец очнулась, в повозке никого не было. На жерди были натянуты покрывала, так что дряхлая колымага превратилась в подобие домика на колесах. Память и разум вернулись к Белит вместе со страшными воспоминаниями.

Где же сейчас Кедрон? Что с ним? Как он там без нее? А потом сердце шемитки затопило страшное горе от сознания невосполнимой потери. Мать, отец, Алал ушли навсегда. Джихан потерян в этом чужом непонятном мире. Оставлен на произвол судьбы Кедрон. Прикусив губу, женщина застонала.

Будь проклят тот день, когда стигийский корабль вошел устье Субы! Будь проклят Рамвас и пришедшие с ним!

Холодной ночью в стигийской пустыне произнесла Белит слова древней клятвы мести. Единожды произнесенные, они становились законом, и для исполнения клятвы можно было принести в жертву все.

Осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, Белит отодвинула край покрывала. Повозки стояли полукругом вокруг огня. Шемитка удивленно приподняла брови — их было не меньше двух десятков, а значит, восемь десятков пленников. Стражей она сначала не заметила: ее взгляд был прикован к женщине, отбивавшейся от нападавшего на нее мужчины. Наконец ему на помощь из темноты выбежал еще один стигиец, и вдвоем они преодолели отчаянное сопротивление женщины. Один из них держал ее руки, а второй улегся сверху. Раздался крик.

Белит опустила покрывало. Так вот куда подевались ее спутницы. Значит, такая же участь уготована и ей самой. Прежняя Белит могла бы испуганно расплакаться, но Белит нынешняя, с отравленным сердцем и холодным разумом, даже не содрогнулась при мысли о возможном насилии. Случай, оставивший ее в живых, должен прийти на помощь еще раз. Иначе не могло быть. Лишь бы добраться до оружия, а там она покажет стигийцам, как умирают шемитки.

Девушки вернулись только к утру. Заплаканные, усталые, в изодранной одежде, они

влезли в повозку и в изнеможении прислонились к высоким бортам. У них даже не было сил плакать. Они сидели молча, глядя перед собой, не разговаривали, отказались от пищи. Лами держалась в ушибленное плечо и тихонько постанывала. Белит же рискнула заговорить с ними. Ей почему-то было стыдно за то, что страшная участь ее не коснулась.

Постепенно негритянки успокоились и задремали, убаюканные мерными покачиваниями повозки. Дважды им приносили пищу и воду, а один раз позволили размять затекшие ноги. Женщины старались держаться поближе друг к другу, но по-прежнему не разговаривали. Белит даже не знала имен двух своих попутчиц, которые почему-то избегали смотреть в ее сторону. Только Лами изредка улыбалась виноватой улыбкой и сразу отводила глаза. Белит хотела отвлечься, но голая пустыня с редкими, засохшими кустами, руслами пересохших ручьев и множеством змей только пугала и усиливалась тоску.

К вечеру Лами начала плакать, боясь наступления ночи и неизбежного позора. Для субанки не было большего стыда чем связь с мужчиной, не освященная древними богами. Конечно, на Черном побережье случались изменения и рождались внебрачные дети, но девственность берегли свято. Белит понимала и разделяла страх девушки. Избежав насилия в прошлую ночь, она понимала, что сегодня придется ей очередь стать живой игрушкой иззывающих от похоти мужчин.

За Белит пришли сразу, как только караван остановился. Стражник повел ее вдоль повозок с пленниками к единственному возку, укрытыму коврами. Багровая от стыда, Белит шла под взглядами бывших соседей, друзей, подруг низко опустив голову. Она не хотела видеть ни сочувствующих взглядов, ни гневно нахмуренных бровей. Сейчас для нее было главным собрать всю волю в кулак и показать стигийцу, что справиться с дочерью Банглу будет совсем не просто.

Она не ошиблась: ее предназначили именно для Рамваса, главного виновника бед, постигших субанцев.

— Коли будешь слушаться, не пожалеешь. Хозяин любит послушание,— сказал стражник, хлопнув ее по плечу. — Будь ласкова с господином.

Шемитка не удостоила его ответом. Повозка Рамваса была намного больше той, в которой ехала Белит. Богатые красочные ковры скрывали пассажира и защищали от дневного зноя и ночного холода. Белит усмехнулась: хозяин поскучился для новых рабов — в большинстве повозок покрывала были дырявые и настолько тонкие, что не могли служить защитой ни от чего, тем более от стигийских ветров.

Стражник помог ей залезть внутрь.

— Не бойся, садись поудобнее и отдохни. Езда по дорогам пустыни очень утомительна. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь?

Вежливость и заботливость стигийца поразили Белит. Она была готова дать бой насильнику, а оказалась рядом с любезным собеседником.

— Спасибо, хорошо,— прошептала она.

— Не надо бояться. — Рамвас улыбнулся.— Красота исчезает там, где появляется страх. Твоя красота совершенна, и я не хочу, чтобы глупые страхи причинили ей вред.

— А я и не боюсь.

— Тогда выпей вина.— Стигиец протянул ей большой, наполненный до краев кубок.— Пей, это вино из Аргоса, лучшего не найти нигде.

С опаской, не отводя глаз от хозяина, Белит сделала глоток. Вино оказалось на редкость вкусным, и горячая волна тепла, пробежавшая по телу, доставила женщине удовольствие.

— Фрукты? Или еще чего-нибудь? — спросил ее предупредительный хозяин. Белит отрицательно покачала головой.

— Тогда пей вино. Я хотел о многом расспросить тебя, тс мне лучше тебя называть, цветок Шема?

— Родители, которых убили твои люди, назвали меня Белит, — с вызовом ответила она. Стигиец был вежлив, добр, но слишком любезен для хозяина, беседующего с новой рабыней.

— Жизнь полна горестей, и лишь Отец Сет знает им меру. Но как шемиты оказались на Черном побережье?

Вино, показавшееся Белит совсем слабым, делало свое дело. Шемитка сильно опьянела, но старалась этого не показать, радушно отвечая на вопросы Рамваса. Стигиец откровенно наслаждался забавной ситуацией — рядом с ним сидела наложница, рабыня без права голоса, но она говорила с ним на равных, а иногда даже дерзила. Она нравилась и вызывала желание даже в столь плачевном виде... Рамвасу приятно было думать о том, как она будет выглядеть когда освоится в его гареме.

А вот отведать ее можно и сейчас. Рамвас с вожделением посмотрел на пышную грудь молодой женщины. Наира постаралась на славу — шемитка бесплодна, но заклятие не коснулось роскошного тела. Ни на минуту не прерывая разговора, он положил руку на грудь Белит и слегка сжал.

Стигиец ожидал всего — но, когда в воздухе мелькнула ладонь с растопыренными пальцами, метящими ему в глаза, он растерялся. Белит чуть-чуть не дотянулась. Промахнувшись по глазам, она все же оставила две глубокие царапины на щеке.

Вскочив, Рамвас бросился на нее и попытался прижать к полу своим весом, но не учел опытности противника. Он даже не коснулся женщины. Сильные руки вцепились ему в плечи, нога ударила в живот, и, перекатившись через спину, Белит вышвырнула его из повозки.

Больно ударившись спиной, стигиец с трудом поднялся и изумленно охнул. Дерзкая рабыня опозорила его перед собственными людьми. Его, Рамваса. Ну, сейчас он ей покажет!..

Со всех сторон к хозяину сбегались ухмыляющиеся стражники. Больше всего на свете Рамвасу хотелось убить шемитскую шлюху, выставившую его на посмешище, но местью он только окончательно подорвет свой пошатнувшийся авторитет. Да и быстрая смерть будет слишком легким наказанием за подобную дерзость.

— В повозку ее. Следить в оба. Она должна доехать целой и невредимой, — приказал он.

В свои тридцать с лишним весен Рамвас еще не был женат, как положено почтенному холостяку, не ограничивал себя в количестве женщин. Гарем занимал большую часть его загородного дома. Стигиец любил разнообразие, и под его крышей мирно уживались стигийки, вендийки, уроженки Аргоса и Куша. А теперь будет еще и шемитка. Приучить ее к покорности будет сложно, но тем слаще заслуженная победа.

Правил гаремом, да и вообще-то всем домом, старый евнух Ханар, служивший еще отцу Рамваса. Железной рукой управлял он поместьем, защищая интересы молодого господина и ненавидя всех, кто был молод и красив. В руки Ханара и попала Белит, когда их караван прибыл в Сипх. Заплыvший жиром, переполненный чувством собственной значимости евнух повел Белит в ее комнату.

— А где мои спутницы? — сразу же спросила шемитка.

— Здесь не задают вопросов. Но я отвечу — их отправили на поля — ублажать воинов твоего господина!

— Будь он проклят!

— Наткнись. Иначе получишь дюжину плетей. Раздевайся. Нельзя ходить в приличном доме в таком тряпье.

Серый балахон Белит действительно был мало похож на одежду, но раздеваться под взглядом маслянистых глазок кастрата она не собиралась.

— Пошел прочь, жирный скопец! — дерзко бросила Белит.

Евнух издал сдавленное рычание и потянулся за плеткой.

— Не нужно, Ханар.— В дверях стоял Рамвас. Он заговорщически усмехнулся своему слуге.— С этой кошечкой придется обойтись иначе, чем с остальными. Пойдем со мной, мне нужен твой совет.

— Да, господин.— Бросив негодующий взгляд на непокорную рабыню, евнух вышел. Щелкнул засов.

Оставшаяся в одиночестве, Белит оглядела комнату, в которой ей предстояло жить. Обстановка была очень простой: широкая кровать у стены, огромное, от пола до потолка, зеркало напротив, низенький столик с баночками и шкатулками и несколько сундуков у свободной стены. Окошко, забранное решеткой, было очень маленьким, и сквозь него Белит увидела внутренний двор. Ничего, что можно было бы использовать как оружие. В примыкавшей к спальне каморке женщина нашла все необходимое для умывания и туалета. Не так уж и плохо, тем более что задерживаться здесь Белит не собиралась.

Ее размышления прервал лязг засова. В комнату вошла девушка лет шестнадцати, неся в руках кувшин с водой и сверток одежды.

— Не хочет ли госпожа помыться с дороги? — улыбнувшись, спросила она.

— С удовольствием.

Поставив кувшин на пол, девчонка выскоцила из комнаты и тут же вернулась, волоча за собой огромный медный таз. Совместными усилиями они втащили его в каморку, и Белит, постанывая от наслаждения, смыла с себя пыль и грязь пути. Юная стигийка болтала без умолку, и Болот внимательно прислушивалась к ее словам.

— Меня зовут Кенрада. Я здесь служу уже очень давно. Наверное, целых десять лун.

— Ты служишь в гареме?

— Угу.— Девчонка поливала пышные волосы шемитки.— Какие у тебя красивые косы, наверное, очень толстые. Ни у кого из женщин хозяина таких нет.

— А у него много наложниц?

Раньше было много, но теперь он подарил большинство из них своим стражникам. Осталось только четверо: Халира из Аргоса, Гама из Куша, Шайри и Тара из Стигии. Ты будешь пятой.

— А где все они живут?

— В соседних комнатах. Вот только видеться вы будете редко: Ханар не любит, когда женщины болтают между собой. Говорят, он боится, что наложницы наведут порчу него самого или его господина.

— Кто-то уже пытался?

— Вообще то я точно не знаю. Говорят, что жрица Дэркето, которую он купил несколько лет назад, лишила его мужской силы за то, что он ее... Ну, взял без ее согласия.

— Что же было потом?

— Приехала Наира, его нянька. Она служит Сету, и милость Отца Змея помогает ей во всем.

— Это такая безобразная старуха со стгнившими зубами?

— Ой, никогда не говори так о ней, иначе тебя накажут. Девушка испуганно оглянулась по сторонам.— Но как ты ее встретила? Обычно она приезжает сюда сама.

— Зачем? Просто навестить своего хозяина? Или когда появляется новая женщина?

— Ну, и за этим тоже...— Служанка завернула Белит в снежно-белую простыню и накрыла ее мокрые волосы платком. — Наира следит, чтобы у наложниц господина не было детей. Нельзя смешивать благородную стигийскую кровь с кровью низших народов.

— И как же она это делает? — внезапно охрипшим ном спросила Белит.

— Точно я не знаю, но она накладывает, по милости Великого Сета, заклятие бесплодия. Мудрый Змей научил ее этому...

— Пошла вон! — внезапно вскочив, резким голосом приказала Белит.— Вон отсюда!

Обиженная и немного испуганная стигийка как ошпаренная вылетела из комнаты, забыв и таз, и кувшин. А Белит упала на постель и отчаянно разрыдалась и, вдоволь. наплакавшись, забылась тяжелым сном без сновидений

Когда она открыла глаза, в комнату уже вползали сумерки. Первые мгновения Белит не могла понять, где находится, и удивленно смотрела по сторонам, а там горестные мысли затопили ее в черном водовороте. Одна, в чужой стране, она была игрушкой, забавой для человека, погубивши всех тех, кого она любила. Если Самди говорила правду, то спасения для Белит не было — Сет никогда не выпустит моих владений драгоценную добычу. Все кончено.

Горестные размышления прервало появление господина. Рамвас вошел в комнату в сопровождении Ханара и еще двух стражников. Белит встала с постели и начала медленно отступать к стене.

Рамвас невольно залюбовался новой наложницей. На Белит не было ничего, кроме покрывала, обрисовывавшего и пышную грудь и широкие бедра. Густые черные волосы шемитки рассыпались по плечам, укрыв от взглядов нежную кожу шеи и плеч.

— Раздевайся,— сказал Ханар.

Белит ничего не ответила, только прижалась спиной к стене и приготовилась драться.

— Господин дает тебе последнюю возможность заслужить его благоволение. Если будешь упорствовать, тебя ждет суровое наказание,— высокомерно сказал евнух.

Шемитка молчала. Повинуясь кивку Рамваса, стражники направились к ней, собираясь схватить дерзкую рабыню.

Они шли твердым шагом уверенных в своей силе мужчин и не ожидали сопротивления. Ни один из них не носил оружия или доспехов, только короткие туники, как и у Рамваса.

Белит словно раздоилась. С одной стороны, она была насмерть перепуганной женщиной, а с другой — воином, радующимся долгожданной возможности отомстить. Впиться зубами в горло врага и умереть, захлебываясь его и своей кровью,— разве может быть смерть, достойнее этой!

По-видимому, сумасшедший огонек, плясавший в карих глазах рабыни, все же насторожил стражников. Они остановились.

Высокая хрупкая женщина стояла перед тремя мужчинами, намного превосходящими ее силой, и улыбалась. Она медленно подняла руки к груди и вынула длинную булавку, скреплявшую концы покрывала. Первый из нападавших, совсем еще юный стражник, почти мальчик, как завороженный белизной высокой груди, и пропустил момент, когда Белит прыгнула.

Сильный удар в грудь отбросил его на евнуха, и они с криком повалились на пол. Не

теряя времени даром, шемитка повернулась ко второму противнику. Этот был намного опытнее и не желал рисковать ребрами. Не отводя глаз от Белит, он начал потихоньку обходить ее слева, в то время как его напарник постарался зайти с другой стороны. Торопливость третьего стражника погубила весь замысел

Он схватил женщину за руку, и, к его удивлению, она поддалась, а затем он почувствовал, что пол куда-то исчез и стена, вроде бы находившаяся довольно далеко, внезапно заслонила свет. Обмякшее тело осело, оставив кровавый след на выбеленной стене.

Осталось четверо: Ханар, Рамвас, молодой и пожилой стражники. Но Белит интересовал только один из них — Рамвас. Убить его — и тогда пусть делают что угодно. Словно прочитав мысли Белит, стигиец отступил за попытавшегося подняться Ханара. Единственный оставшийся на ногах стражник тоже понял намерение Белит. Спасая хозяина, он пошел на женщину.

Шемитка отступала к стене, пока не коснулась рукой стола. Нашупала шкатулку и швырнула ее в лицо стражника. Опытный воин успел подставить руку, защитим лицо, и острые грань коробки рассекла ему кожу. Пока он приходил в себя, женщина бросилась к Рамвасу. Встреча с дикой кошкой показалась бы стигийцу более безопасной. Он взглянул в глаза Белит и не увидел в них Ничто, кроме ненависти.

Рывком приподняв Ханара с пола, он швырнул его под ноги Белит. Шемитка споткнулась и упала, и на нее сверху навалились Рамвас и молодой стражник, а затем присоединились и остальные.

Вчетвером они дотащили Белит до кровати и уложили ее на спину. Ханар и старший стражник держали ее руки,

Молодой старался удержать ноги. Рамвас развязал пояс шаровар и, пренебрежительно улыбаясь, склонился над животом женщины.

— Надо будет заняться ее животом, Ханар, — сказал Рамвас. — После родов кожа слишком дряблая. Мне это не нравиться.

Стигиец был слишком самоуверен. И когда Белит вырвала ногу из липких от пота пальцев юнца, он не успел увернуться. Маленькая, но твердая пятка с силой ударим его в нос. Раздался хруст, и из носа пошла кровь.

— Ах ты, шлюха! — Ханар ударил Белит по лицу. — Да я тебя...

— Нет, — Рамвас запрокинул голову. — Не трогай ее. Я займусь ею сам.

Осторожно стигиец улегся на распростертное тело женщины. Кровь капала на лицо Белит, но Рамвас все равно улыбался, словно не замечая боли. Провел губами по груди, оставляя кровавые полосы, стиснул стальными пальцами плечи. Его тело мерно поднималось и опускалось, но Белит была неподвижна. Ни единого звука не сорвалось с плотно сомкнутых губ, а карие глаза смотрели на насильника с холодной ненавистью.

Рамвас был в ярости. Ни избитые стражники, ни его собственный нос не вывели его из себя так, как этот холодный, чуть насмешливый взгляд рабыни.

Он вышел из комнаты не оглянувшись. Вслед за ним ушли и остальные.

Белит осталась наедине со своим позором.

Глава V.

В Городе Куско, рядом с площадью Говорящих Камней, стоит древний храм Кориканча, посвященный Отцу-Солнцу и Матери-Луне. Кориканчу построили из монолитных камней и не пожалели золота, чтобы угодить Великому Отцу. В этом храме есть молельня Вильяму — верховного жреца Слышащего Голос Светила.

Жрец еще молод, но чело его уже отмечено печатью великой мудрости. И каждый, кто видит его, склоняется в поклоне, но жрецу не нужны эти знаки почтения, ибо сила его выше гордыни. С доброй улыбкой смотрит он на суetu снующих у подножия храма людей, ибо ему неведома мелочность их устремлений и чаяний. Великий Жрец ожидает знака, который изменит его судьбу и судьбу всех живущих в его мире.

Ради этого знака он оставляет своих жен и идет в молельню, чтобы в тиши рассвета встретить первый луч Великого Отца. Он ждет. Как до него ждали знака сорок поколений жрецов, воспевавших Солнце в далекой земле за соленой водой.

Утро пятого дня месяца цветения трав Вильяму встретил в своей молельне. Единственное окошко было направлено на восток, и первый луч солнца проходил сквозь него и падал на золотую пластину с лицом Отца, висевшую на стене. На этот сверкающий лик и устремляется взор этой молодой жреца. Губы его шепчут слова древней молитвы, а глаза следят за устами бога. Внезапно ему показалось, что губы изображения пошевелились. Стараясь отогнать наваждение, жрец отводит глаза, ибо много раз они подводили его, принимая игру света и тени за движение. Но когда *он возвращается* он видит, что бог улыбается.

Жрец падает на колени и касается лбом пола.

— Поднимись, — молвит божество, — и слушай.

Жрец садится в священную позу высшей концентрации и открывает перед Могущественным свой разум.

— Великие беды грозят моему народу. Соленая вода возмутится и скроет земли под собой, горы покинут свои ложа и будут биться с волнами. Великая битва сил состоится в Туантинсуйю, и мои избранные воины поведут войска света. Тебе предстоит воспитать моих любимых детей и спасти их мать.

Жрец склоняет голову, готовый принять поручение.

— Дух твой отправится в другой мир и вступит в битву со слугами Темного Бога, принявшего облик моего грозного брата Кецалькоатля. Змеи встанут у тебя на пути, но ты должен спасти женщину королевской крови и ее сыновей. В назначенный час жрец Митры — ибо таково мое имя в том мире — передаст тебе в руки старшее дитя, а затем ты приведешь в Кориканчу и ее саму, носящую под сердцем второго сына.

Перед духовным взором Вильяму проходят детство Белит, набег стигийцев, колдовство Наиры.

— Я дарую тебе право проходить между мирами и говорить с ней. Но помни, слуги темного Сета будут бороться с тобой и сделают все, чтобы второй сын не был зачат. Взгляни на его отца и запомни — он избран мною для величайших деяний.

Вильяму видит белокожего гиганта, идущего по степной пустыне, бьющегося со страшными духами, спящего у костра кочевников. Жизнь Конана проходит сквозь его душу, и жрец осознает величие судьбы избранника Солнца.

— Иди же, о сын мой, и помни: лишь один раз, когда женщина будет покидать этот мир, я смогу вмешаться и помочь. Равновесие сил не должно нарушаться богами, лишь смертных истинная сила. Иди и исполни мою волю.

Лик Солнца смыкает губы, и жрец вновь кланяется. Великая честь выпала на его долю, он благодарен богу за счастье служить ему.

Глядя на светило, жрец погружается в медитацию, и дух его проходит сквозь врата между мирами.

Белит была уверена, что в эту ночь ее больше не потревожат. Несмотря на боль от ударов и ощущения несмыываемого позора, она чувствовала, что победила. Стигиец не получил власти над ее душой — лишь надругался над телом.

Белит заснула и видела во сне Кедрона. Мальчик сидел на руках у Шаафи, а Хоаким развлекал его, показывая удивительные игрушки. Вырезанные из разноцветных камней зверюшки танцевали и поли, а мальчик заливался радостным смехом. Потом вошел еще кто-то — но шемитка не могла рассмотреть его лицо и взял малыша из рук Шаафи. Родители Белит смотрели на уходящих и улыбались.

Белит плакала во сне.

Ее разбудил странный запах. В воздухе было что-то окающее, но шемитка не смогла даже встать с постели. Руки и ноги отказывались ей повиноваться.

В комнату вошли Рамвас и Ханар.

— Я же говорил тебе, лучше черного лотоса не может быть ничего, — услышала она голос Рамваса.

— Но он слишком дорог, мой господин, чтобы часто им пользоваться.— Сквозь пелену Белит увидела над собой лицо Ханара.

— В следующий раз я просто заставлю ее понюхать из флакона или выпить. Но в первый раз можно и так.

Свет, и без того тусклый, померк в глазах Белит. Когда сознание вернулось, женщина вновь оказалась в колдовском лесу из ее сна. Она оглянулась по сторонам. Все было так же, как и в тот раз, когда огромная змея убила ее сына. Вдруг из кустов донеслось шипение. Все повторялось! Белит закричала и побежала прочь. Длинная ветка еще недавно зеленого дерева превратилась в тонкое щупальце и обвила ноги Белит. С криком женщина упала. Что-то холодное коснулось ее ног.

Кошмарный сон повторился вновь.

...Теплый солнечный луч скользнул по лицу Белит, высушивая слезы. Женщина открыла глаза. Было позднее утро.

— Я принесла еду, госпожа.— Молоденькая стигийка поставила поднос возле кровати.

Белит села на постели и потянулась. Тело ныло, на плечах и бедрах темнели кровоподтеки — следы пальцев Рамваса и стражников. Однако женщина с удовольствием ощутила прилив сил — ненависть разгоралась, к ее огонь поддерживал волю Белит.

— Ну, и что ты мне принесла?

Белит соскочила с постели и наклонилась над подносом. Белый хлеб, молоко, фрукты. Отличная еда, когда очень голоден. С наслаждением жуя хлеб и запивая молоком, шемитка пыталась снова вытянуть девчонку на разговор, но стигийка отдельывалась односложными фразами.

Когда шемитка наелась, служанка забрала поднос и пошла к двери.

— Скоро придут женщины. Они будут ухаживать за тобой,— напоследок бросила она.

Весь день вокруг Белит крутились люди Рамваса. Молчаливые служанки растирали ее тело благовонными мазями, снимали мерки для одежды и обуви, даже расчесывали волосы, и все под бдительным взглядом Ханара.

Наконец, под вечер, ее все-таки оставили в покое. Белит ждала Рамваса. Стигиец придет обязательно. Она не сомневалась. Он будет приходить каждый день, пока не сломит сопротивление рабыни,

Шемитка правильно угадала слабую струну Рамваса — непомерную гордыню. Презрение ко всем остальным народам было одним из основных свойств стигийцев, а и Рамвасе, фанатичном поклоннике Сета, оно достигло чудовищных размеров. Если бы Белит немного подумала, она могла бы найти способ обмануть стигийца гораздо раньше и без подсказки со стороны. Но ненависть — плохой советчик в делах требуется здравый рассудок. Они не ошиблись. Когда стемнело, в комнату вошли Рамвас и два стражника. Не отходя от двери, воины натянули луки и прицелились в ноги Белит.

— Ты возьмешь вот это,— Рамвас показал Белит небольшой украшенный драгоценными камнями флакончик,— и вдохнешь один раз. В случае отказа они стреляют тебе сначала в ноги, потом в руки.

Рамвас увидел, как в глазах Белит мелькнул огонек надежды.

— Легкой смерти не будет. Даже не надейся. Будешь противиться — познакомишься с плетью Ханара.

Выхода не было. Белит кивнула. Рамвас бросил ей флакон. Его нежелание приближаться было понятно с первого взгляда: нос распух и смотрел немного вбок, веки отекли. Нога шемитки оставила неизгладимый след на гордом стигийском лице.

— Хорошо, хозяин,— изображая покорность, прошептала Белит, отворачивая крышечку.
— Будь что будет.

Уже знакомый ей запах ударил в ноздри, комната зашлась вокруг Белит, и она упала бы, если бы ее не подхватили крепкие мужские руки.

Рамвас положил ее на постель и отослал стражников. Шемитка лежала неподвижно. Ее карие глаза смотрели в пустоту, а полные губы чему-то улыбались. Она была далеко-далеко от Сипха, Стигии и всего мира и не знала о том, что ее покинутое душой тело отвечает на ласки Рамваса. Истинная сущность Белит вновь бродила по колдовскому лесу.

Сон повторялся. Тот же лес, то же небо, та же трава под ногами. Белит со страхом ожидала появления змеи.

— Сегодня змеи не будет,— вдруг услышала она негромкий голос.

Из-за кустов навстречу Белит шел высокий мужчина со странной красноватой кожей. Как и шемитка, он был совершенно обнажен, но Белит это почему-то не удивило. В колдовском лесу любая одежда была лишней — здесь бродили души, а душам незачем прятаться под тряпьем.

— Не бойся меня. Я пришел, чтобы помочь тебе, — продолжал незнакомец.— Пока я рядом, никто не сможет причинить тебе вред.

— Правда? — с надеждой спросила Белит.

— Клянусь Солнечным Богом, которому я служу.

И Белит поверила. Рука об руку бродили они по лесу, разговаривали, смеялись. Боль и страхи покинули душу шемитки, она снова была счастлива, как много лет назад, когда босоногой девчонкой бегала по лесу... даже но догадываясь, что великие миры сего решили ее судьбу задолго до рождения будущей королевы.

Внезапно земля под ногами Белит содрогнулась.

— Что это? — вскрикнула она.

— Ничего страшного, просто ты просыпаешься. Когда » следующий раз Рамвас принесет тебе напиток из лотоса, пей не раздумывая, тогда снова окажешься здесь, в лесу, а я буду тебя ждать.

— Хорошо. Я буду рада встретить тебя вновь.

Привычный мир встретил Белит ударом по лицу. Готовая драться, шемитка вскочила и изумленно вскрикнула. Рядом с кроватью, стиснув кулаки, стояла маленькая служанка.

— Это тебе за господина, ведьма. Ты его околдовала!

«Не хватало только этой дурочки,— в сердцах подумала Белит.— Похоже, девчонка влюблена в хозяина!»

— Не смей прикасаться ко мне,— приказала Белит. Пожалеешь!

— Я убью тебя!..— Но решимость стигийки таяли под холодным взглядом Белит. Девчонка потихоньку пятилась к двери.— Клянусь чешуей Сета, я тебя убью, если посмеешь еще раз поднять руку на господина.

— Пошла прочь.

Охнув, стигийка выскочила за дверь, и Белит удовлетворенно рассмеялась. Прогулка в колдовском лесу придала ей новые силы, и шемитке хотелось вновь оказаться там как можно скорее. Белит с трудом дождалась вечера.

Немного посопротивлявшись для вида, она выпила принесенный Рамвасом напиток. И вновь оказалась с краснокожим жрецом, даже не удивляясь его неожиданному поит.

Так повторялось изо дня в день, и Белит с трудом дожидалась ночи, когда она могла, пусть хотя бы во сне, покинуть Стигию и насладиться свободой. Между нею и странным жрецом постепенно завязалась дружба. Днем же Белит старалась ничем не привлекать к себе внимания, усыпить бдительность стражей. Она вышивала, гуляла в сопровождении стражников по саду, ругалась со служанкой... Но все мысли ее были там, в колдовском лесу грез.

Однажды краснокожий сказал ей:

— Рамвас скоро поедет в Кеми.

— Что мне до него, — отмахнулась Белит.— Одна беда: я не смогу больше приходить сюда...

— Подумай хорошенько, женщина. Кеми — портовый город, и сбежать оттуда гораздо легче, чем из Сипха, стоящего в сердце пустыни.

— Вот именно поэтому он меня и не возьмет,— невесело усмехнулась Белит.— Рамвас уверен, что я попытаюсь сбежать при первой же возможности. Даже здесь от меня не отходят стражники.

— Значит, надо сделать так, чтобы он тебе поверил. Притворись любящей и нежной. Заставь его потерять голову.

— Ты сошел с ума! Чтобы я...

— Белит, ты можешь его ненавидеть, презирать, желать смерти, но пойми: поездка в Кеми — твой единственный шанс на спасение.

— Мне будет трудно пересилить себя. Все равно что путь самой себе в душу!

— Постарайся, женщина. Цена твоих усилий свобода. Только свободная ты сможешь отомстить.

— Я попробую,— сказала Белит. И огонь зажегся в ее глазах.

Наученный горьким опытом, Рамвас уже и не пытался поладить со строптивой наложницей без применения силы. Два рослых, заплыvших жиром евнуха вошли в комнату Белит и привычно повалили ее на постель, а затем вошел сам Рамвас с флаконом одурманивающего лотоса.

— Не надо,—Белит мотнула головой,—я не хочу.

Рамвас удивленно поднял брови.

— А кто-то тебя спрашивает? Держите ее голову покрепче — в прошлый раз она меня укусила!..

— Прошу тебя, господин! Клянусь, сегодняшняя ночь не будет похожа на все прежние!

— Сегодня ты не будешь сопротивляться? Ты это хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что сегодня ночью я буду любить тебя.

Рамвас заколебался, но тут он перехватил взгляды, которыми обменялись евнухи. Эти твари посмеивались над его, Рамваса, нерешительностью, и этого он стерпеть уже не мог.

— Пошли прочь, жирные отродья Нергала!

Низко поклонившись, евнухи вышли из комнаты, а Рамвас повернулся к Белит с насмешливой улыбкой.

— С чего бы вдруг грозная шемитка так изменилась? — В тоне его сквозило недоверие.

— Мы поговорим об этом после.— Белит встала с ложа и подошла к стигийцу.— Я хочу быть с тобой по своей собственной воле.

— Интересно, что ты придумала на этот раз. Надеюсь, твои прежние твои выходки не повторятся? — Рамвас показал рукой на глубокий рубец, пересекавший его левую щеку от глаза до подбородка.

Вместо ответа Белит положила руки ему на плечи и потянулась губами к его губам. Рамвас был готов к любым неожиданностям, но... Белит помогла ему снять одежду, и бережно уложила в постель. Вот тогда-то Рамвас окончательно уверился в том, что пленница сошла с ума. Но вскоре осознал, что еще немного — и она сведет с ума его самого...

Никогда за всю свою жизнь Рамвас не встречал столь искушенной в любовных утехах женщины: ни пылкие аргосские красавицы, ни кушитки с их страшными плясками, ни полные загадочной красоты стигийки не могли сравниться с этой удивительной женщиной. Руки Белит порхали над его телом, легкими прикосновениями нежа, лаская, возбуждая ответное желание, а губы обжигали и сводили с ума. Ни одна пядь тела Рамваса не осталась без ласки и внимания.

Рамвас больше не был воином, он был воском, глиной, игрушкой в руках Белит, и все его страхи и сомнения растаяли в огне ее страсти. Отбросив сдержанность, он хрипел и стонал, и его откровенность только поощряла Белит. Наконец стигиец почувствовал, что не в силах более выдержать эту сладостную пытку. Резким движением он опрокинул Белит на спину — и вот тут-то началось настоящее безумие. Рамвас не слышал ни вскриков Белит, ни собственного хриплого дыхания — для него не существовало ничего, кроме единственной в мире женщины, которая так щедро отдавала ему себя. Он должен был взять ее и удержать только для себя, удержать навсегда...

А после, когда они лежали обнявшись и ночной ветерок ласкал их обнаженные тела, Рамвас вглядывался в лицо Белит, ища в нем следы прежней ненависти, но видел лишь умиротворение и нежность,

— Я люблю тебя, мой господин,— прошептала Белит.

— Не верю.— Рамвас улыбнулся. — Ты так долго противилась, что я не в силах

поверить тебе.

— Я сама себе долго не верила, вернее, не хотела верить. Сначала я ненавидела в тебе убийцу моей семьи, злейшего врага, а потом начала ждать твоего прихода, несмотря ни на что, прощая даже бесплодие и черный лотос.

Рамвасу стало не по себе. Чувство вины змеей вползало в душу, и стигиец не понимал, почему ему так стыдно перед никчемной рабыней за поступки, обычные для хозяина и повелителя.

— Я не хотел поить тебя лотосом,— сказал Рамvas, словно бы оправдываясь.— Но Наира сказала, что он должен закрепить ее колдовство. Я не устоял перед соблазном. Ты никак не хотела мне покориться...

— Как же я могла с радостью покориться убийца моего отца, матери, мужа? Я сама не понимаю, почему меня так влечет к тебе, что заставило меня простить тебя...

— Но ведь простила?..— полуопросительно прошептал Рамвас.

— Да.—Белит прижалась к нему всем телом. — Да, да, да.

Горячее дыхание женщины коснулось уха Рамваса, и стигиец почувствовал, что в нем вновь поднимается безумное желание. Его рука скользнула по обнаженному бедру женщины, и ее негромкий счастливый смех был наградой Рамвасу.

...Он ушел поздним утром, когда солнечные лучи начертили на полу золотые узоры, пройдя сквозь зарешеченное окно. Рамвас не хотел будить Белит, вольно раскинувшуюся на измятой постели, но не смог отказать себе в удовольствии поцеловать ее на прощание. Густые ресницы затрепетали, Белит повернулась на бок, прошептав: «Да, Рамвас», и снова задышала ровно и спокойно.

Однако, как только за Рамвасом закрылась дверь, женщина негромко засмеялась. Сколько же откровенного ликования было в этом смехе! По-кошачьи потянувшись, Белит вылезла из постели и вдруг закружилась по комнате в диком танце. Рамвас проглотил приманку, и теперь если Белит не сглупит ни в чем, то поедет в Кеми!

Кеми — большой портовый город, где легко может потеряться дюжина рабынь, и никто никогда не найдет даже следа. А потом будет сладкая, долгожданная месть...

Следующую ночь Рамвас снова правил с Белит. Водоворот страсти захватил стигийца, и Рамвас, понимая это, даже не пытался сопротивляться. Тело Белит сводило его с ума, жаркие стоны опьяняли чувством собственной мужской силы, а длинные разговоры, которые вели утомленные любовники, позволяли блеснуть умом и остроумием.

Однажды вечером разнежившийся Рамвас предложил:

— Хочешь поехать со мной в Кеми?

Сердце Белит забилось, как пойманная птица.

— Конечно, хочу, но надоедать тебе еще и там... Ты и правда хочешь, чтобы мы поехали вместе?

— Очень.— Рамвас покрепче обнял наложницу.

— Когда едем?

— Послезавтра. Собери нужные тебе вещи и выбери что-нибудь понаряднее. Можешь купить, если не найдешь здесь в доме,— я хочу, чтобы ты танцевала перед гостями.

— Как скажешь, но танцевать я буду только для тебя.— Женщина тихо рассмеялась.

Путешествие в Кеми прошло сказочно — внимание Рамваса и его стремление скрасить для возлюбленной все тяготы пути превратили нудную дорогу в подобие праздника. Укрытый коврами возок днем спасал от палящих солнечных лучей, а ночью служил защитой от

пронизывающего ветра пустыни. Белит невольно вспомнила дорогу в Сипх, когда скованные рабы были лишены всякой защиты от солнца и ветров, а самодовольные стигийские стражники по ночам отводили самых красивых девушек в свои повозки. Но когда тяжелые воспоминания бередили душу, шемитка только крепче стискивала кулаки, не забывая нежно улыбаться скачущему рядом с повозкой Рамвасу. Позади оставались выжженные солнцем пустоши, где бродили тени забытых богов, возделанные поля и убогие деревеньки, которые Белит, будь на то ее воля, с огромным наслаждением сожгла бы дотла. Вслед им смотрели горбоносые мужчины и закутанные в белые покрывала женщины — если бы она могла, она бы вырезала их всех, без жалости и сожаления. Иногда, заглядывая в колодец своей души, Белит содрогалась от ненависти и злобы, которые переполняли ее, и не могла понять: неужели это она, та самая молоденькая девчушка, еще недавно уверенная, что самое страшное на свете — это немилость Алала?

Наконец на горизонте показались высокие стены древней крепости, сложенные из красного кирпича, а позади плескалось, шумело, переливалось свободное море — последняя надежда Белит. Узкие улочки, по которым ехали повозки Рамваса, были чистыми, а большинство встречных носили яркие, многоцветные одежды — город готовился к празднику.

— Рамvas, — позвала Белит. — Сегодня какое-то торжество?

— Да, нынче в храме Сета загорится новый огонь: наследник королевской крови появился на свет. Похоже, мне придется сегодня оставить тебя одну: если я не приду в храм, найдутся недоброжелатели, что позже мне это припомнят.

— Конечно, любимый. Я буду ждать тебя.

Загородный дом стигийца был точной копией дома в Кеми. Центральная часть отводилась для мужчин — самого Рамваса, его слуг и воинов. Левое крыло служило складом, кухней, мастерскими, а в правом жили женщины. В отличие от кемийского особняка, здесь в правой половине дома давно уже никто не жил, и Белит оказалась единственной обитательницей длинной анфилады комнат. Затхлый запах заброшенного жилья заставил ее сморщим носик, но шемитка все же нашла для себя уголок по душе — большую светлую комнату, расположенную в середине крыла, подальше от жилья старшего евнуха.

Сундуки со скарбом наложницы поставили вдоль стен, и Ханар, еще раз пересчитав их и проверив содержимое, вышел, не забыв запереть дверь на засов.

Белит презрительно улыбнулась. Евнух больше не вызывал страха. Он никогда не посмеет прикоснуться к любимой наложнице хозяина — единственного человека, к которому относился с искренней любовью и благоговением.

Ханар, давно лишенный мужской силы, навсегда разучился испытывать к женщине что-либо, кроме ненависти. Но эта шемитка вызывала у него особую ярость. Евнух видел на своем веку множество женщин. Многих из них брали силой, и многие позднее смирялись, привыкали... но ни одна не признавалась в любви к насильнику!

Стало быть, шемитка лгала — но лгала изошренно и старательно, а значит, хозяину грозила опасность. И он, Ханар, готов был спасти молодого господина любой ценой. Даже ценой его гнева и немилости.

Рамvas пришел вечером с охапкой сладко пахнущих белых лилий. Увидев на двери закрытый засов, он лишь недоуменно поднял брови.

— Впрочем, Ханар, тебе виднее... Принеси-ка вазу для цветов.

Пыхтя и отдуваясь, евнух поспешил прочь. Рамvas невольно улыбнулся — несмотря на

жару, верный страж надел тонкую кольчугу и повесил на бок длинную аргосскую саблю.

Белит хотела было, надув губки, пожаловаться на докучливого скопца, но, увидев цветы, сразу сменила гнев на милость.

— Какая красота!

— Они похожи на тебя.— Рамвас поцеловал Белит в жадно приоткрывшиеся губы.— Сейчас мы поставим их в воду, чтобы не завяли. Пусть они скрасят твоё одиночество, пока меня не будет.

— Что же, значит, завтра, возлюбленный, тебе придется вернуть долг с лихвой,— лукаво улыбнулась Белит.

— Не сомневайся! — Руки Рамваса ласкали полуобнаженную грудь красавицы.

— Я принес вазу, господин,— хрипло пробормотал некстати подошедший евнух.

— Поставь на стол и пошел вон! — бросил Рамвас.

Кланяясь, Ханар удалился.

— Мне пора уходить,— шепнул стигиец, с трудом отрываясь от нежных губ возлюбленной.

— Успеем? — выдохнула Белит.

— Да поглотит их всех Нергал! Можно и немного опоздать! — решился Рамвас, распуская завязки шелковых шаровар.

И они успели... Одевшись и умастив благовониями волосы и тело, как подобало жрецу, спешащему ни торжественное богослужение, Рамвас уже было шагнул к когда безотчетное чувство тревоги заставило его остановиться и еще раз взглянуть на Белит.

Такой он запомнил ее на всю жизнь: стройная, широкобедрая и полногрудая, укрытая лишь выующейся волной густых черных волос, шемитка лежала на смятой постели. Огромные миндалевидные глаза смотрели на него с любовью (о нет, он не мог ошибиться, это была именно любовь!), а пухлые, чуть влажные губы изогнулись в полуулыбке.

— Я буду ждать тебя, Рамвас. Ждать нашей встречи.

Рамвас закрыл за собой дверь. Лязгнул засовом Ханар.

В гареме наступила мертвая тишина.

Поднявшись с ложа и по-кошачьи потянувшись, она подошла к лилиям и нежно погладила их хрупкие лепестки.

— И все же боги обделили его умом...— пробормотала она, обращаясь к цветам,— «Они похожи на тебя» — это же надо было придумать такое!

Белит негромко засмеялась собственным мыслям. Накинув рубаху из тонкого шелка, она улеглась на постель в надежде хорошенько выспаться. Для предстоящего дела ей понадобятся свежие силы.

Через несколько часов, когда девушка проснулась, на небе уже светила полная луна. Порывшись в сундуках, Белит вытащила грубую белую накидку — каждодневную одежду стигийских женщин — и широкие, не степном движения шаровары. Драгоценности, полученные в подарок от Рамваса, она сложила в маленький мешочек и привязала к поясу. Одевшись, Белит подошла к зеркалу полюбоваться на себя.

— Ты похожа на стигийку, которую каждодневно бьет муж. Но осуждать его за это нельзя — как можно терпеть рядом с собой такое чудовище?! — задорно бросила она своему изображению.

Белит была совершенно спокойна — тем решительным спокойствием, которое пострашнее любой ярости. Она вынула из вазы цветы и небрежно швырнула их на пол, а вазу

резко ударила о край стола. Проверила, достаточно ли острые получились края, и удовлетворенно улыбнулась, а затем оглушительно, заполошно, как кричат старые шемитки на базаре в Дан-Марке, заголосила:

— Спасите! На помощь, я умираю! Лекаря! Лекаря!

Несколько мгновений длилось напряженное ожидание. Женщина подобралась, точно дикая кошка в чаще...

Загрохотал засов. Ханар вошел со своей обычной степенностью, вознамерившись как следует отчитать разбудившую его среди ночи дерзкую рабыню.

— Чего тебе надо, женщина? — только успел произнести он.

Острые края вазы полоснули по незащищенному горлу.

— Твоей смерти! — донеслись до него откуда-то издалека слова наложницы. Слабый хрип вырвался из горла верного стража гарема, и алая струйка крови побежала изо рта.

— Жаль, что на твоем месте не оказался Рамвас!..

Наклонившись, Белит вытащила из-за пояса у евнуха саблю и бесшумно заскользила по темному коридору. Ее била дрожь, но решимость вырваться на свободу или же умереть, расплатившись за все унижения, была непоколебима.

Наконец впереди замерцал свет, и Белит чуть не застонала от ярости: она была уверена, что ради единственной наложницы Ханар не будет выставлять стражу, но жирный евнух оказался предусмотрителен — широкие плечи стражника заслоняли путь к свободе.

— Стой! — прозвучал резкий окрик.

— Стой? — переспросила, стараясь не выходить из тени, Белит. Она старалась, чтобы голос ее звучал хрипловато и игриво. — Я бы лучше прилегла тут где-нибудь. Веселой женщине скучно в гареме...

Надо отдать должное стражнику, он не поддался на нехитрую уловку и отступил на шаг — это и спасло ему жизнь. Сабля Белит свистнула возле самого горла и оцарапала плечо.

Изумленный воин замешкался, однако успел подставить под следующий удар пику. Но третий пришелся на бедро и стражник закричал, взывая о помощи. Хотя в этом крыле, судя по всему, никого больше не было, да и большинство слуг Рамваса сопровождали хозяина в храм, — но челяди в доме оставалось достаточно, чтобы задержать рабыню. Не на шутку испуганная, Белит удвоила усилия.

«Страйся двигаться так, чтобы клинок стал продолжением руки», — всплыли в памяти уроки Самди... Резким выпадом Белит полоснула клинком по шее стражника. Захрипев, тот потянул руки к горлу, где алым лотосом расцвела, набухая кровью, рана, и повалился на пол. Ей пришлось переступить через него, старательно придерживая края одежды, чтобы не запачкаться кровью.

Схватка, показавшаяся долгой, как вечность, заняла лишь несколько мгновений, так что, далее если вопль стигийца и был услышан, у Белит оставалось время на побег. Скользящим шагом, стараясь держаться в тени, она проникла во двор. По счастью, все было тихо. Левее, у закрытой конюшни, растянувшись на охапке соломы, заливисто храл конюх — но он даже не шевельнулся, погруженный в глубокий сон. Больше не было видно ни души.

После совершенного ею второго убийства руки шемитки немилосердно дрожали, и она два раза срывалась, пытаясь перелезть через забор. Но наконец ей это удалось, и, не понимая, куда направляется, Белит помчалась по ночным улицам. Перед побегом она строила какие-то планы, пыталась обдумать будущие действия, но сейчас все мысли улетучились у нее из головы — пламя гнева и страха испепелили их. Вне себя от

возбуждения, упоенная свободой, она бежала на запах моря и не могла ошибиться в направлении.

Внезапно из узкого прохода между домами вынырнула фигура в темном плаще с капюшоном и схватила Белит за руку.

— Туда, женщина,— хрипло сказал незнакомец.— Порт в той стороне. Поторопись, возле третьей пристани, считая от храма, ты найдешь фелуку с запасом пищи и воды на неделю.

— Кто ты? Откуда знаешь обо мне? Почему помогаешь?

— Друг. Когда-нибудь потом я отвечу на все твои вопросы. Верь мне, Белит! Беги!

Шемитка сама плохо понимала, почему она послушалась случайного прохожего, невесть откуда знавшего ее имя. Все это было так невероятно, так безумно... Некто, назвавшийся ее другом, поджидал ее в городе... Но как он мог знать, что она будет там, что сумеет вырваться на свободу, что пойдет этой дорогой, наконец?! И все же женщина послушно повернула в указанную сторону.

Вскоре Белит услышала шум моря, и непрошеные слезы навернулись ей на глаза. Показались пристани. Первая, вторая, третья. Между двумя галерами пристроилась маленькая однопарусная фелука.

Забравшись внутрь, Белит отвязала веревку и на веслах пошла в открытое море. Чуть отделившись от берега, она подняла парус, и фелука устремилась вперед, словно подними невидимой рукой.

Сначала Белит боролась с течением, намереваясь плыть в Дан-Марку, к родне Алала. Но ветер дул в другую сторону, и сильное течение влекло ее прочь. Слабой женщине не под силу было бороться со стихией. И, покорившись воле моря, она взяла наконец курс к Черному побережью.

Глава VI.

Субанцы собирали деньги, драгоценности, любые товары, которые имели хоть какую-то цену. Дочь Банггулу получит корабль, чтобы мстить. Нет прощения забывшему кровь своего рода. Нет прощения тому, кто позволил обидчику ходить по земле и наслаждаться благами богов. На Черном побережье были свои законы, и исполнились они неукоснительно.

Легкая галера была построена очень быстро. Уже через несколько месяцев имя Белит стало известно каждому, кто отваживался покидать берег. О ее хладнокровии и жестокости ходили легенды. Редкие счастливчики, которым она, из прихоти или по расчету, оставляла жизнь, со страхом рассказывали в портовых кабаках об отчаянной команде и сумасшедшей пиратке, для которой нет ничего святого.

Но вершины славы Белит достигла, когда сам Хамар Хуссай — король вольных морских разбойников — признал ее ровней. Старый, просоленный морем вендиец, давно забывший родину, семью и прочие мирские радости, недостойные волка морей, был захвачен Белит вместе со всей командой. Схватка была короткой, но яростной. В течение нескольких минут половину его людей сразили субанские стрелы, и мудрый старый флибустьер не решился рисковать оставшейся командой. Если бы нападавшие шли на абордаж, шансы можно было бы уравнять. Но верткая галера шемитки кружилась вокруг «Гароса» Хуссай, осыпая его тучами огненных стрел, и спасения от нее не было.

Позже, за кружкой доброго вина, стариk расчувствовался и на глазах у изумленных пиратов совершил древний обряд, смешав свою кровь с кровью Белит. Признав ее достойной называться мужчиной, король пиратов назвал ее пиратом. А это значило, что ни один пиратский корабль не посмеет больше напасть на «Тигрицу» и в трудную минуту встанет на ее защиту.

И только сама Белит знала, что причина странного благоволения хитрого и расчетливого пирата крылась в нескольких крупинках снадобья Самди, подсыпанных ему в кубок. Стариk исполнил все, о чем его попросила Белит, твердо уверенный, что совершает все это по собственной воле...

И очередной раз пересчитав доставшиеся ей при дележке добычи украшения, Белит потянулась и зевнула. Ночь, богиня пиратов, сестра Иштар, набросила на мир свое покрывало, и молодая женщина приветствовала ее как лучшую подругу. Ночь приносila избавление от горестных мыслей и тягостных воспоминаний. Ночь давала возможность забыть о невосполнимых утратах.

Надежды Белит на то, что ей удастся отыскать следы сына оправдались. Удивленные жители поселка встретили шемитку слезами и объятиями и были готовы ради нее на любые жертвы, но ничего не смогли рассказать о Кедроне. Известно было лишь то, что в день набега стигийцев в поселке появился странный мужчина в красном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Незнакомец долго бродил у кромки леса, позже его заметили у берега океана со свертком в руках, а потом он исчез. Больше его никто не видел.

Белит долго плакала. Но ненависть, неумолчная и неугасимая, испепелила и это горе, оставив лишь золу и пепел. Еще один рубец на сердце... Сколько их уже у нее!.. Стигийцы еще долго будут расплачиваться за злосчастный набег на Черное побережье.

..Зевнув еще раз, Белит встала и, раздевшись, улеглась в постель. Живя в доме

родителей, она никогда не спала на таких тонких дорогих покрывалах, но, видят боги, те простые грубые ткани были намного приятнее гладких шелков.

С силой стиснув кулаки, Белит заставила себя отбросить прочь воспоминания. Лучше думать о будущем. Может где-то совсем рядом ходит северянин с глазами зверя, которого обещала ей Самди. Может быть, умее он войдет в ее жизнь...

Так, в объятиях Луны, засыпала Белит, дочь Банггулу, и море нежно укачивало ее корабль. Она еще не ведала, что совсем рядом, на грязной палубе аргосского судна, спал, завернувшись в плащ, единственный мужчина, достойный любви Тигрицы морей.

Белит разбудил оглушительный вопль Н'Гоны штурмана.

— Будь проклят тот, кто притащил на корабль это отродье Нергала! Да поразит Дамбаллах того, кто выдумал эту шутку, достойную слабоумных обезьян! Не команда, а сборище шакальных выродков!

Натянув короткую тунику, Белит выскочила на им

— Что случилось, Н'Гона?

Корабль буквально задрожал от дружного хохота пиратов, когда разъяренный штурман поднял с палубы и продемонстрировал Белит огромного дохлого осьминога.

— Эти слабоумные подсунули его мне в койку. Теперь потешаются вовсю!

— Он его обнял и прошептал: «О, Киата», — сгибаясь от безудержного смеха, выдавил один из пиратов, — А когда открыл глаза и увидел свою Киату...

Новый взрыв смеха не дал ему договорить. Даже Белит не удержалась — достойная супруга Н'Гоны габаритами не уступала буйволу, и звали ее отнюдь не Киатой.

Всеобщее веселье было прервано криком: «Корабль!», донесшимся с верхушки мачты.

— Какая оснастка? — сразу спросил посеревший Н'Гона.

— Похоже, аргосская. Паруса квадратные. И сидит слишком глубоко — тяжело нагружен.

Вся команда уставилась на Белит с немым вопросом.

— Ну, что застыли? По местам! Или Субе не нужно золото? — крикнула она с яростным задором, трепеща в предвкушении битвы.

Каждый пират знал свое место и роль в предстоящем бою. Самые меткие стрелки с честью носили на шеях золотые цепи — знак мастерства, и именно они составляли ядро отряда Белит. Дождь стрел наносил противнику невосполнимый урон, а абордажная команда только добивала уцелевших. Придуманные Н'Гоной огромные щиты укрывали пиратов от ответных стрел, так что Белит обычно не спешила переходить к ближнему бою, берегая жизни своих субанцев.

Быстро, не тратя времени на лишние разговоры и помогая друг другу, пираты натянули кольчуги, защелкнули боевые пояса. Первая смена села на весла, и погоня началась. Белит заняла свое любимое место на крыше каюты затянула боевой гимн, мерно отбивая ритм, чтобы помочь гребцам набрать нужный темп. Вот если бы еще боги помогли им...

— Белит! Если ветер не спадет, они успеют добраться до берега! — Сахеб, ее друг детства и верный спутник, приплясывал от возбуждения. Корабли сближались, но и спасительный для аргосцев берег тоже неумолимо вырастал на глазах.

Белит стиснула меч, почти не надеясь на чудо.

Но чудо свершилось. Или то морской бог, предвкушая скорую поживу, вновь помог своим хищным детям... Когда до берега уже оставалось совсем немного, ветер, надувавший аргосские, паруса, стих, и квадратный парус опал. Белит рассмеялась.

— Убейте их! Стрелки на нос. Начинайте!

Шемитка заняла свое место на мостице. Ее взгляд равнодушно скользил по обреченной команде захватываемого судна, как вдруг... Огромный светлокожий воин стоял, широко расставив ноги и целился в нее из лука. Вверх-вниз качалась палуба корабля, но острие стрелы смотрело прямо в грудь Белит. Странная слабость не позволила поднять собственное оружие или хотя бы щит.

Внезапно воин изменил прицел, и стоявший Белит пират, хрипя, повалился на палубу. Раз за разом чужестранец спускал тетиву, и каждая его стрела уносила чью-то жизнь.

— На абордаж! — коротко приказала Белит.

Повинуясь внезапному порыву, она бросилась в каюту и скинула с себя доспехи. Надела широкую шелковую набедренную повязку, затянула на осиной талии боевой пояс и, сверкая белизной кожи, вылетела на палубу.

Схватка была короткой, яростной и беспощадной. У аргосцев не было ни единого шанса. Вскоре в живых остался только незнакомец, завороживший Белит холодным взглядом своих синих глаз. Он один продолжал сражаться, не ведая ошибок и усталости. Зубы скалились в волчьей усмешке, меч разил, точно молния. Смерть и разрушение сеял он вокруг себя.

Никто не мог устоять против его ярости. Однако нападавших было слишком много, и, отступая, воин был вынужден перескочить на палубу пиратского корабля. «Если этого безумца не остановить — от моей команды никого не останется», — подумала Белит с невольным страхом. Никогда прежде не доводилось ей встречать столь грозных противников. Все прошлые бои разом померкли перед сегодняшним. Точно сам Митра или иной, еще более древний и воинственный бог спустился с небес, дабы поразить их всех в неукротимом гневе.

«Но ведь он лишь человек! — Сердце шемитки сжалось. — Они убьют его!» Она и сама не знала, радуется этому или страшится. Она ничего не знала... Душа ее больше не принадлежала ей.

— Копья, дети осьминога! Копья! — пронесся над палубой приказ Н'Гоны.

Чернокожие воины отступили и занесли копья решающего удара. Этим кратким мигом передышки воспользовалась Белит. Не думая, что делает, она ворвалась в круг и подняла руку, останавливая пиратов. Карие, пыщущие огнем глаза встретились с ледяными синими. Женщина выступила вперед, и меч Конана почти коснулся ее обнаженного бедра.

— Кто ты такой и откуда? — спросила она негромко.

Он посмотрел на нее. И улыбнулся в ответ. И лед в его глазах растаял.

Неведомая сила влекла их друг к другу, и ни он, ни она не могли бороться с возникшим чувством. Н когда Белит услышала твердое «да» в ответ на предложение присоединиться к ней, сердце чуть не выскочило у нее из груди. Она не боялась осуждения команды. Притяжение между нею и мужчиной, назвавшим себя Конаном из Киммерии, было слишком сильным, и субанцы, дети моря и джунглей, привыкшие доверять своим глубинным чувствам, не могли его не ощутить. Если их королева выбрала себе спутника, значит, он достоин ее. В вихре страсти, закружившем Конана и Белит, было нечто внушившее благоговейный трепет.

Впрочем, один человек на корабле знал о том, что должно было произойти, и, если бы Белит не спасла северянина, Н'Гона сделал бы это сам. Он обещал Самди, что избранник Митры будет признан строптивой шемиткой. Улыбаясь в усы, старик смазал раны Конана целебным бальзамом и направился к раненым пиратам.

Груз «Аргуза» — так называлось захваченное судно — быстро перетащили в каморки

под палубой «Тигрицы». Тела пиратов и аргосцев, погибших в схватке, отнесли на полузатопленный корабль, и Белит своей рукой бросила факел на просмоленную палубу.

«Тигрица» уходила на юг. Сидя на корме, киммериец недоверчиво поглядывал на пиратов. Насколько он мог судить, чернокожие относились к своей предводительнице как к живому божеству. Но он видел в ней лишь прекрасную и отважную женщину.

Белит отдавала последние приказания своим воинам, но ее взгляд то и дело возвращался к огромной фигуре, сидящей на корме. Заходящее солнце заливало северян красными лучами, и Белит невольно содрогалась при мысли, что киммерийца могли убить и не солнце окрасило бы его кожу в алый цвет, а его собственная кровь.

Итак, еще одно предсказание жрицы Митры исполнилось. Но северный варвар возьмет в жены не дочь Асгалуна, а предводительницу орды пиратов — королеву Черного побережья. И корону она завоевала себе сама. Сталью и кровью. Отвагой и коварством. А значит, и свадебный обряд будет таким, каким ждет от нее команда дикарей.

Белит поднялась на корму и уверенным шагом подошла к Конану, не сводя с него спокойного, пристального взора, так что он невольно подался ей навстречу. На глазах у всех она сняла с себя одежду и украшения и сложи ног варвара.

— Волки синих морей, смотрите танец, свадебный танец Белит! Белит, дочери королей Асгалуна! — выкрикнула она с пронзительной силой.

Н'Гона покачал головой. Он один понимал, что значит последние слова дочери Бангулу и для кого они предназначены.

— Я, королева Черного побережья, отдаю себя тому, кого избрала по своей воле и воле богов!

Белит закружилась в бешеном ритме субанского танца страсти. Плавные, манящие жесты сменялись резкими и грубыми. Женщина то приближалась к своему избраннику пугливо отшатывалась, маня, дразня, зажигая и отталкивая.

Раненые, забыв о боли, смотрели на свою королеву. Закаленные в боях воины не сводили с нее глаз. Многие из них знали Белит с детства, но и они не могли представить ее такой. Сама сущность женщины, запретной и сладкой, опасной, как сама смерть, и дарующей жизнь, отдающейся и берущей мужчину, танцевала перед ними.

Когда последний луч солнца уже не мог бороться с нощей тьмой, Белит с криком бросилась к ногам Конана. Волна безумной страсти захлестнула варвара, заставляя забыть обо всем. Он прижал к груди трепещущее нагое тело, подхватил на руки, и понес в каюту.

Когда их губы соединились, из-за горизонта вырвался яркий зеленый луч и, прорезав тьму, дотянулся до «Тигрицы».

— Добрый знак! — произнес Н'Гона, когда видение исчезло.

Белит ценила роскошь и с первых дней постаралась превратить свою маленькую каюту в уютное гнездышко. Много лун провела она здесь в полном единении, размышляя, вспоминая, ненавидя и строя планы мести. Но ненависть к врагам не иссушила ее сердца, не закрыла его для маленьких мирных радостей. Безделушки, украшения, шелка и мягкие подушки радовали ее не меньше, чем в те времена, когда она наслаждалась безоблачным счастьем с Алалом.

Иногда даже случалось, что в своей любви к роскошным вещам она заходила слишком далеко. Так, красочный, ручной работы стигийский ковер с вытканым лицом был слишком велик для крошечной каюты Белит, но расстаться с ним она не пожелала. «Каждый день я буду п. ногами эту ненавистную змеиную морду! Каждый пока она не изотрется в прах!» —

объяснила она недоумевающему Н'Гоне. Так что один конец огромного пришлось подогнуть, сделав плотный валик у самого порога. Сначала об него спотыкались все подряд — и даже сама шемитка,— но постепенно привыкли и просто перешагивали, уже не задумываясь. Но сейчас Змееликий подстерегал новую жертву.

Пригнув голову, чтобы не стукнуться о низкую перекладину двери, варвар шагнул в каюту. И даже Белит, страстно прильнувшая к его груди, не ожидала подвоха. Конан зацепился ногой за край ковра и, потеряв равновесие, полетел прямо на кушетку. Впрочем, женщину из рук он не выпустил.

Грохот потряс корабль. Изящное ложе Белит не выдержало удара, и его ножки с треском подломились. Запутавшийся в плаще варвар отчаянно пытался высвободиться. Женщина, придавленная его мощным телом, смогла лишь отчаянно пискнуть. Но тут же, пошевелив руками и ногами, Белит убедилась, что все жизненно важные органы целы и весело расхохоталась. Рокочущий хохот Конана вторил заливистому смеху, и подскочившие было к двери пираты раздумали спасать свою буйную предводительницу.

Веселье Белит пропало так же неожиданно, как и началось. Чувство реальности, покинувшее ее этим утром, пробудилось вновь, и женщина вдруг ощутила укол стыда. Как она могла забыться настолько, чтобы предложить себя, точно товар на продажу, этому незнакомцу, что сейчас со смехом — и, должно быть, презрением — взирает на тот миг после битвы, опьяненной кровью и победой, казалось естественным повиноваться порыву — но она начала горько раскаиваться в этом. Как она могла?.. Оттолкнув Конана, Белит вскочила и дрожащими накинула на свое обнаженное тело плащ. Ей хотелось выцарапать варвару его бесстыжие глаза, что смотрели на нее так откровенно и весело... Но она страшилась взглянуть на него.

— Я не хотел обидеть тебя.— Голос мужчины звучал неожиданно ласково.— Прости.

— Я не сержусь.— Белит смотрела в пол, не в силах повернуть голову к Конану.

Грациозно, точно огромный кот, варвар поднялся с пола и сделал шаг к Белит. Шемитка не обернулась.

— Я люблю тебя,— прошептал киммериец хрипло. — Я полюбил тебя с первого же мгновения, как только увидел.

Он бережно повернул Белит к себе и поднял ее опущенную голову за подбородок.

— Посмотри на меня. Я никогда и никому не говорил этих слов, но тебе буду повторять снова и снова: я люблю тебя.

Их глаза встретились, и в синих глазах киммерийца Белит прочла подтверждение его слов. Во взоре его не было ни жадности, ни даже вожделения — только чистая любовь зрелого мужчины, нашедшего ту самую единственную, ради которой не жалко и отдать жизнь.

И варвар увидел, как из огромных карих глаз уходят страх и боль и пробуждается доверие. А от него до любви только один крошечный шаг.

Губы их соединились в долгом поцелуе. Сначала робко, а затем все более и более страстно они начали ласкать друг друга. Руки мужчины скользили по стройному телу Белит, и больше всего на свете она боялась, что они оставят ее хоть на одно мгновение. Невероятным усилием воли Конан сдерживал свою страсть.

Эта женщина, много испытавшая и повидавшая на своем веку, отзывалась на его ласки, как неопытная девушка, и он страшился ненароком ее обидеть. Он целовал ее губы, шею, плечи, высокую грудь и нежный живот, и она стонала от его поцелуев. Варвар не помнил, как

бросил одежду, как они оказались лежащими на ковре, только одно осталось в памяти — страстные движения молодого сильного тела и два стона: хриплый мужской и тихий женский, слившиеся воедино в ночной тишине.

А потом они долго лежали, тесно прижавшись друг к другу, и не могли прийти в себя. Слишком неожиданным было счастье для двух одиноких сердец. Слишком сильной была их новорожденная любовь, чтобы пустыми словами пятнать ее чистоту.

Еще не раз за эту долгую ночь сплетались их тела в танце страсти, а души сливались, творя святое таинство любви. Утро застало их счастливыми и обессиленными.

Пиратская жизнь имеет строгие законы, и ничто не властно их изменить. Лев и Тигрица вместе сражались днем, деля кровь и пот, и принадлежали друг другу ночью, деля ложе. Между ними не было тайн, да и какие тайны могут быть между любящими, если смерть грозит разлучить их в любую минуту. Ни Конан, ни Белит не прятались в бою за чужие спины и рисковали собой в каждой схватке. Но иногда Конану казалось, что возлюбленная что-то него скрывает или чего-то боится. Он молчал, не тревожить ее расспросами, уверенный, что рано или женщина откроет ему свою душу.

И вот однажды, когда они были недалеко от стигийского берега, Белит рассказала ему все. О себе, Хоакиме, Шаафи, Кедроне, Алале, Джихане, о том, что ее удочерили, о том, кто ее настоящие родители. И наконец, со слезами на глазах, призналась киммерийцу, что по вине стигийской и мы она бесплодна.

Желваки ходили на щеках Конана во время ее рассказа. Он должен был хоть как-то помочь ей, утешить, но не знал, чем, кроме стигийской крови, может залечить ее рану. Помог случай в лице тайянца Отаниса, захваченного ним в следующем набеге. Тайянец поведал им, будто брат Белит жив и находится в плена. Не подозревая предательства, Конан отправился на поиски Джихана.

Белит не посмела удержать его. Она вновь осталась одна — ждать и надеяться на возвращение любимого.

Впрочем, у шемитки не было времени предаваться скорбным размышлениям. Обозленные ее дерзкими набегами стигийцы устроили настоящую охоту за «Тигрицей». Белит не могла уйти от берегов ненавистной страны. Она ждала возвращения возлюбленного. И никто не мог заставить ее уйти раньше назначенного Конаном срока.

Луна успела родиться и умереть, но о варваре не было никаких известий. Белит не находила себе места от тревоги, но старалась сохранить внешнее спокойствие — ведь от ее уверенности в себе зависела судьба всей команды. Только ночью женщина позволяла себе всплакнуть. Слезы омывали душу, и она засыпалась... И однажды ночью к ней вновь пришел краснокожий жрец. Но они встретились не в лесу ееочных кошмаров, а здесь же, в каюте «Тигрицы».

— Просыпайся, Белит! — Он легонько толкнул ее в плечо.— Я принес тебе добрую весть.

Шемитка села и удивленно протерла глаза. Вся каюта была залита золотистым свечением, исходившим от затканной в белое фигуры, стоявшей у ее ложа.

— Ты здесь? Я думала, что больше никогда тебя не увижу!

— Я всегда рядом с тобой в трудную минуту. Именно я, настанет час, предложу тебе выбрать свою судьбу. Но до этого еще далеко... А пока я пришел предупредить тебя. Змей не хочет выпускать тебя из своих колец, и завтра десять стигийских галер атакуют «Тигрицу». Надо бежать!

— Не могу! — Шемитка упрямо мотнула головой.— Там Конан — и я его не оставлю!

— О нем можешь не тревожиться,— улыбнулся краснокожий.

Сердце Белит бешено забилось.

— Он обманул служителей Сета и Дэркето, и нить его жизни уже никто не сможет обрубить. Он вернется к тебе. Но ждать его надо не здесь.

— А где же?

— У острова Акбет. Снимайтесь с якоря и уходите немедленно. Там, на белых утесах острова, Сет не увидит тебя. Печать Митры отметила это место. Там вы будете в безопасности!

— А Джихан? Конан нашел его?

— Прости, королева, мои силы тают...

Сияние померкло.

Если бы краснокожий появился раньше, до встречи Белит с Конаном, она бы ни за что не поверила его словам. Но теперь, когда встреча с избранником Солнцеликого бога состоялась, шемитка окончательно поверила в судьбу.

Громкий голос разбудил пиратов, и, снявшись с якоря, «Тигрица» взяла курс на остров Акбет. Там, возле острова, она встретила возлюбленного. Варвар вернулся без Джихана, но мужественная смерть брата смягчила горе, преисполнив ее гордости за него. А им они с Конаном сожгли Кеми. Напрасно Змееликий Сет источал свой смертоносный яд — союз Льва и Тигра был нерушим.

Возвращение Конана изменило жизнь Белит. Оплакав Джихана, она успокоилась, а пожарище в Кеми стало огненным знаменем ее отмщения.

Имена Тигрицы и Льва Черных морей гремели в Шеме, Күше, Стигии и Аргосе, и редкие корабли осмеливались оказывать им сопротивление. Ночи Белит были полны нежности и любви, а дни — крови и приключений. И хотя мысли о Кедроне еще бередили раны женщины, об Алале она вспомнила лишь однажды, когда попала на остров Скорби.

Это случилось поздним вечером, когда луна, устав пасти звезды, налилась краснотой и уснула среди мягких туч тусклого диска отделилось светящееся облачко и заскользило над поверхностью океана к спящей на якоре «Тигрице». На этом облачке к Белит явились невидимые других гости. Высокий горбоносый мужчина с необычным красным цветом кожи держал на руках маленького мальчика, очень похожего на Белит. Осторожно ступив на палубу, он незамеченным прошел к каюте Белит и тихой приоткрыл дверь.

Белит спала, положив голову на плечо Конана. Ее черные волосы разметались по постели, а дыхание было ровным и спокойным — ибо рядом с ней лежал надежный защитник. Никогда раньше не испытывала Белит такого чувства покоя и уверенности, как на пиратском корабле посредине моря, однако сон ее был чуток, как у зверя, привыкшего к опасности.

Едва заслышав негромкий скрип двери, Белит проснулась и приподнялась на локте. В дверях комнаты стоял мужчина, одетый в куртку и широкие штаны, короткие сапоги его украшали разноцветные бусины. А на руках него — Белит не могла ошибиться! — сидел Кедрои. Малыш подрос, похудел, но Белит не сомневалась — это был ее сын. Маленькими ручками он обнимал за шею краснокожего воина и лепетал что-то на неизвестном Белит языке.

Мужчина посмотрел прямо в глаза Белит, и женщина ощутила, как по спине пробежала волна холода.

— Я давно жду тебя, мать моего сына.

— Снова ты? — Белит поднялась и, не стесняясь наготы, двинулась навстречу странному гостю.— Дай мне сына!

— Возьми.— Мужчина протянул мальчика матери.— Я взял его с собой, чтобы ты могла видеть свое дитя.

Белит взяла малыша в свои, внезапно ставшие бессильными руки и опустилась на пол. Гость сел рядом с ней. Кедрон с видимым удовольствием устроился у матери на коленях, заглянул ей в лицо и вдруг громко рассмеялся, в соленые слезы затопили глаза Белит.

— Как он попал к тебе? — всхлипнула она.

— Волею Солнечного бога он стал моим сыном, и теперь я жду, когда и ты придешь к нам.

— Куда? В мир мертвых?

— Почему? И я, и Кедрон живы и здоровы — так же, и ты. Мы живем там, за огромным океаном, и лишь милость Светлого бога позволила нам появиться здесь.

— Ты всегда был рядом со мной! Ты — демон из моих стигийских кошмаров, нашептывавший, как сбежать, как обмануть Рамваса!

— Ты нуждалась в совете, и я дал его тебе. Не о том ли твои молитвы, дочь короля?

— Ты знаешь и это? Я знаю о тебе все.

Малыш обратил внимание на сверкающие серьги в ушах матери и пытался вытащить одну. Поморщившись от боли, Белит вынула серьгу и дала Кедрону. С довольным смехом ребенок занялся блестящей игрушкой. Заметив, с какой нежностью Белит смотрит на сына, мужчина улыбнулся ей.

— Он уже может ходить.— В его голосе звучала отцовская гордость.— Правда, приходится держать его за руку — сам он пока побаивается.

— Белит была нервная дрожь, но руки крепко сжимали крохотное тельце, словно боясь, что малыш может исчезнуть в любое мгновение. Ребенок дрыгал ножками и заливался смехом, играя с украшением матери, но изредка он откладывал игрушку и прижал свое личико к лицу Белит, словно целуя ее...

Тигрица морей забыла обо всем, кроме чудом вернувшегося сына, и слова краснокожего «Нам пора уходить» прозвучали для нее как удар грома.

— Не отдам.— Одним прыжком Белит отскочила к дальней стенке каюты и прижала к себе малыша.— Он мой.

— Скоро он будет твоим навсегда.— Краснокожи, сделал шаг к Белит.

— Не подходи! — Тигрица была готова драться за своего детеныша до последнего.— Конан, проснись! Проснись!

— Он не проснется.— Краснокожий был совершенно спокоен.— Никто не проснется от твоих криков. Не пугай сына.

Внезапно Белит ощутила, что не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Воин-жрец подошел и бережно взял малыша из онемевших рук матери.

— Скоро мы будем вместе,— обещал он ей, переступая через порог.

Когда Белит очнулась, она лежала на полу, а Конан тряс ее за плечи.

— Очнись, Белит! Очнись! — Варвар почти кричал.

— Где они? — прошептала Белит, озираясь.— Где Кедрон? Где красный воин?

— Здесь никого не было, любимая.— Варвар нежно гладил Белит по волосам.— Только ты и я.

Захлебываясь словами и чуть не плача, Белит рассказала Конану о визите ночного гостя,
— Кедрон жив, я уверена в этом,— закончила она, — тот человек приходил неспроста
— он приходил за мной

Конан крепко обнял Белит.

— Я никому тебя не отдам. Это был просто сон. Боги любят мучить людей страшными
снами.

Белит покачала головой.

— Мне страшно, Конан.

— Не бойся.— Варвар сжал Белит в стальном кольце объятий. Он должен был успокоить ее и подавить закравшийся в душу страх.— Я люблю тебя, Тигрица.— Конан Прижался губами к губам Белит, поцеловал длинные мокрые ресницы, соленые от слез щеки и почувствовал, что дыхание женщины становится глубже и ровнее.

Их поцелуи и ласки становились все более жаркими, и наконец, волна страсти захлестнула их и смыла прочь ночные тени.

Они вышли на палубу, держась за руки, и Белит даже не догадывалась о смятении, которое вызвал в суеверном сердце варвара ее рассказ. Конан получил доказательство реальности всего произошедшего, но не хотел пугать любимую: слева ухо шемитки украшала жемчужная сережка, а в правой не было ничего — Кедрон унес с собой понравившуюся игрушку.

Варвар потихоньку вынул оставшееся украшение и швырнул за борт — потом он как-нибудь убедит Белит, что серьги ей просто приснились...

Пасмурное настроение варвара рассеялось при виде искренних улыбок, которыми их встретила команда. Изрядно поредевшие числом головорезы «Тигрицы» по-прежнему были готовы следовать за своей госпожой на край света, а значит, никакие боги и демоны не смогут их победить.

На горизонте не было ни облачка, солнце залило палубу теплыми волнами света, и огромная водная пустыня была видна на множество миль вокруг. Конан прищурился и оглядел море.

— Похоже, впереди корабль. Н'Гона, посмотри, твои глаза привычнее моих.

— Да, Амра, я с утра наблюдаю за ним. Он идет тем же курсом что и мы.

— Отлично. — Подошедшая Белит тоже взгляделась в даль.

— Если ветер поможет веслам, то к вечеру мы его нагоним. По местам! — взревел Н'Гона.— Первая смена на весла! Пошевеливайтесь.

Вышколенные гребцы заняли свои места, и Конан уселся на скамью наравне со всеми. Отработав свою долю гребной работы, неутомимый варвар отправился на помощь парусной команде. Но что бы он ни делал, киммериец постоянно чувствовал на себе любящий взгляд Белит. Варвар спокойно относился к тому, что порой подруга принимает решения за них за всех. Они плавали вместе не один день, но Белит еще ни разу не допустила ошибки.

К полудню неизвестное судно уже казалось совсем близко, и ясно стало, что его команда не стремится к встрече с «Тигрицей». Весла мелькали над его бортами — но пиратская галера все равно настигала жертву. Более маневренная и легкая, она неслась, словно не касаясь волн, и движения ее весел подчинялись ритму боевого гимна Белит.

Пиратка сидела на мостице и низким, хрипловатым голосом пела боевую песню субанцев, прославлявших, подвиги первых людей, пришедших в джунгли. Размеренные звуки с четким ритмом заставляли весла в едином порыве вспенивать воду, а гребцы, не замечая

этого, все ускоряли и ускоряли темп.

Сумерки подкрались незаметно. Дистанция между кораблями сократилась почти наполовину, когда Конан подал сигнал остановиться.

— В чем дело? — спросила подбежавшая Белит.

— Что-то здесь не так. В воздухе какой-то странный запах!

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился подошедший Н'Гона.

— Пахнет землей. Сырой землей после дождя, а вокруг нас — только вода.

— Пожалуй, ты прав... — Н'Гона принюхался. — Я чую запах прелой травы.

— Мне не по себе, Н'Гона, — откровенно признался варвар. — Что-то тревожит меня, и это связано с тем кораблем. Не угодить бы нам в ловушку!

Пустые страхи были чужды неукротимой натуре варвара, но он боялся не за себя, а за возлюбленную, и это делало его осторожным вдвойне.

— Я скажу людям, чтобы держали оружие при себе. — Н'Гона побежал к гонгу, висевшему на корме. По глазам старого штурмана было видно, что он разделяет худшие опасения киммерийца.

Молчавшая все это время Белит тронула Конана за локоть.

— Что тревожит тебя, мой Лев?

— Не могу объяснить, но что-то неладное творится вокруг. Магию я чую за сотню лиг — а сейчас ею так и разит! — Варвар сплюнул сквозь зубы. Затем обернулся к Белит, пытаясь улыбкой подбодрить ее. — Ладно, нечего зря болтать! Нет такой опасности, перед которой спасовали бы Леи и Тигрица. Но прошу тебя об одном, любимая: надень кольчугу.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин! — Белит засмеялась, стараясь не показать, как взволновало ее предчувствие Конана.

Киммериец пристально огляделся, задержав взор на чужой галере, затем с силой, подобно дикому зверю, втянул носом воздух. Ноздри его затрепетали, и Белит невольно залюбовалась им. Воистину, не зря субанцы нарекли его Львом — ее возлюбленный был дик, неукротим и прекрасен, как хищник!.. Неожиданно Конан обернулся к ней, и угрюмая складка залегла меж черных бровей.

— Нет, Белит, пожалуй, нам лучше оставить тот корабль в покое. Я знаю, это против твоих правил, но мудрый человек всегда должен знать, где отступить. Сейчас как раз тот случай. Чутье никогда не подводило меня, а от той галеры веет чем-то слишком опасным. Негоже ввязываться в драку, не зная толком, с чем придется столкнуться.

— Н'Гона, — зычный голос Белит перекрыл шум, поднятый вооружавшимися пиратами, — приготовиться к повороту. Погоня окончена. — Она пыталась не выдать своего облегчения. Остальные же члены команды даже не пытались скрыть радость. Странный корабль всем им внушал суеверный страх. Связываться с ним никому не хотелось.

С веселым смехом и шутками пираты бросились выполнять команду Белит. Галера медленно начала разворот.

— Слишком поздно. — Конан показал рукой на ускользающую добычу. Со стороны удалявшегося корабли стороны расположилось алое клубящееся облако.

— Я уже видела раньше нечто подобное. Таким ядом стигийцы одурманили воинов Субы, — спокойно сказала Белит. — В тот день, когда погибла моя семья.

— Яд стигийцев был другого цвета, — вмешался Н'Гона. — Я точно помню.

— Не все ли равно, какого он цвета, лишь бы до нас не добрался! — Белит стиснула зубы. — К счастью, ветер против него.

— Куда бы ни дул ветер, но эта отрава все равно движется к нам — и очень быстро. Слишком быстро... Все на весла! — Н'Гона бросился к гребцам.

— Что за проклятье! — Белит невольно всхлипнула — редкое проявление чувств у столь сильной женщины.— Сперва забрали у меня сына — а теперь еще и это...

— Ничего, тигрица! — варвар с размаху хлопнуло плечу, так что женщина пошатнулась.

— Я и веку перебил немало стигийцев и знаю, какого у них цвета кровь!

— Мне тоже не раз приходилось иметь с ними дело. Но нельзя недооценивать противника, тем более такого.

— Плевать я хотел, кто они. Умирают все одинаково.

Варвар развернулся и собрался уходить, но нежная ладонь подруги вдруг легла на его руку.

— Конан, поклянись, что не позволишь им взять меня живой!

— Что? — брови варвара поползли вверх. Он развернулся и стиснул любимую в объятиях.

— Никогда не проси меня об этом, слышишь. Никогда! Нельзя сдаваться до начала битвы — за это боги отнимают победу!

— Но я не хочу снова...

— Я буду защищать тебя до последнего дыхания, и если будет воля Крома, мы умрем вместе, но от моей руки ты не умрешь. Я не смогу...

Белит уткнулась лицом в широкое плечо возлюбленного.

— Спасибо, Лев.

— Прекрати! Вся команда смотрит на нас, а ты собираешься лить слезы, как... — варвар запнулся, подбирая слово, — как...

— Скудоумная женщина! — закончила за него Белит. Она уже улыбалась. — Ладно, отпусти меня и иди займись чем-нибудь полезным, а то найду себе другого мужа — не такого ленивого и болтливого.

— Слушаюсь, моя королева.— Конан склонился в нелепом дурашливом поклоне.

— Так-то лучше, северянин,— рассмеялась женщина.

Алый туман приближался, упрямо двигаясь против ветра. Его цвет и очертания менялись, он становился то розовым, то багровым — по мере того, как расстояние между ним и судном уменьшалось. От попыток уйти на веслах вскоре пришлось отказаться: чем больше галера набирала скорость, тем скорее полз туман. Проще было не изматывать себя понапрасну, а приготовиться к битве.

Вооружившиеся до зубов пираты сгрудились на корме вокруг огромного варвара.

— Раз сбежать мы не успели, то принимаем бой. Неизвестно еще, что за твари прячутся там, за стеной тумана,— сказала им Белит.

— Что за странное колдовство! — Н'Гона цокнул языком. — Не знаю народа, способного вызывать такое.

— В любом случае это не порошок черного лотоса,— уверено произнес Конан.

— Довольно! Рассуждаете, как будто больше нечем заняться...

Пиратка не успела договорить. Алые клубы накатили на корабль и поглотили его от киля до верхушки мачты. На расстоянии локтя ничего не было видно. Пираты негромко перекликались друг с другом, пытаясь разобраться, в этом красном колышущемся мареве.

— Эй, все живы? — звонко крикнула Белит,— Старшие, пересчитайте людей.

Пятеро помощников Белит немедленно устроили перекличку и постарались собрать

каждый своих людей возле себя.

— Все на месте, дочь Бангулу,— наконец доложили они.

— Первым двум десяткам расположиться вдоль бортов, чтобы никто чужой не мог проникнуть на корабль. Перекликаться постоянно,— приказала шемитка.

— Да, Тигрица.

— Конан, твои воины будут на корме.

— Да, Белит.

— Крага, Н'Анна, ваши люди на нос. Будьте готовы ко всему.

— Да, госпожа.

Когда пираты заняли свои места, осторожно держась друг за друга и за палубные надстройки, Белит вздохнула с облегчением. Прошло какое-то время, но все было по-прежнему спокойно. Никакого ущерба ее людям странный туман не причинил. Никакие чудовища не вырвали за его завесы. Белит понемногу начала успокаиваться.

— Эй, Тигрица, сюда! — донесся вдруг до нее зычный глас Конана.

— Любимый, ты кричишь, точно кушитский жрец, у которого отняли последние деньги, — засмеялась Белит, добралась до кормы.

— Ты где?

— У правого борта,— ответила пирата.— А ты?

— Где-то возле тебя.

Огромный варвар вынырнул из тумана за спиной Белит.

— Что-то случилось?

— Ничего, красавица. Скажи-ка мне, кто сейчас сидит на веслах?

— Конечно, никого!

— И парус убран?

— Перестань, ты все это знаешь не хуже меня.

— Тогда почему мы движемся все быстрее и быстрее?

— Что? — удивилась Белит.

— Н'Гона только что замерил скорость. Она растет.

— Не может быть! Здесь нет никаких течений!

— Значит, есть. Нас несет куда-то на север.

— Проклятие! Мне все это не нравится.

— Кому же такое может понравиться! — Варвар усмехнулся и неожиданно стиснул красавицу в объятиях, ничуть не скрывая своих намерений.— Нас никто не видит, может, успеем еще разок, до конца света...

— Ты сумасшедший, северянин! — Белит постаралась отодвинуться подальше от киммерийца.— В любой миг на нас могут напасть враги, демоны, или я даже не знаю кто, а ты думаешь только о...

— О том, как бы приласкать тебя покрепче, моя девочка — закончил ее фразу Конан. — Любимая, опасность от нас никуда не уйдет, но какой мужчина сумеет сохранить спокойствие когда ты так близко, и нас никто не увидит из-за красного марева.

— Возможно, ты и прав,— целуя возлюбленного, отозвалась Белит. Опасность всегда возбуждала ее, как и Конана, и он беззастенчиво этим пользовался.— Но тогда лучше уж в каюте...

—Нет, я не могу уйти с палубы. Здесь мои люди... И эта кровожадная Тигрица-капитан сожрет мою печень, если узнает, что я ушел с поста!

— Точно, сам Нергал боится ее гнева! — подтвердила с улыбкой Белит. — Тогда побудь пока здесь, воин, а я пойду узнаю, где она, чтобы не застала нас врасплох.

— Ее зовут Белит. Такая носатая шемитка, кривоногая и толстая — если вдруг увидишь, не ошибешься.

— Ладно, варвар, я ей все расскажу! — Она обняла киммерийца и нежно поцеловала.— Спасибо, милый, мне стало легче.

— Я рад.— Конан убрал со лба возлюбленной непокорную прядь. — Нам грозит опасность, но нельзя встречать ее со страхом в сердце. Страх сковывает руку воина — ты должна помнить об атом!

На душе у Белит прояснилось, и тревога покинула ее. Действительно, всегда остается возможность спастись, даже из самого безвыходного положения, если, конечно, не решишь заранее сложить оружие, отказавшись от борьбы. Но шемитка уже успела убедиться, что боги любят тех, кто привык обходиться без их помощи, полагаясь лишь на собственные силы и отвагу.

Конан признавал только одного бога — своего жестокого Крома,— и то только потому, что северное божество не вмешивалось в дела людей. Невольно Белит заряжалась неуклонной решимостью северянина. Глубокая морщинка, прорезавшая высокий лоб, разгладилась, а в карих дерзких глазах зажегся недобрый огонек.

Варвар невольно залюбовался подругой — не зря Белит прочно закрепилось прозвище Тигрица. Она прекрасна и в то же время опасна, как клинок, вышедший из-под руки настоящего мастера. Ею можно было восхищаться, преклоняться, любить ее, но нельзя было привязать ее, сломить, приручить — Белит признавала только союз равных.

...Они едва успели разжать объятия, как вдруг сильный удар потряс корабль. Никто не сумел удержаться на ногах, когда, налетев на невидимую преграду, судно задрало кверху нос и завалилось на правый бок. Клубок человеческих тел покатился по палубе. Наконец все прекратилось. Осторожно испуганные люди начали приходить в себя.

— Конан, ты не мог бы с меня слезть,— прозвучал откуда-то снизу голос Белит.— Ты весишь не меньше, боевого слона, и раздавил меня чуть ли не насмерть!

— А ты вечно норовишь пристроиться снизу...— пробурчал варвар, приподнимаясь.

— Уф,— выдохнула изрядно помятая Белит.— Если бы не доспехи, мне бы не помог даже чудесный бальзам Н'Гоны.

— Н'Гона,— позвал Конан,— ты жив?

Хотя я и стариk, но у меня нет даже ссадин, — похвастался, подходя, субанец.

— Откуда здесь земля? Мы много раз плавали здесь, но ни мели, ни острова никогда не замечали,— поразилась Белит.— А сейчас, похоже, налетели на камни.

— Ты права, дочь Банглу, это новое колдовство, такое же, как красный туман,— ответил штурман.— Будь проклята эта сегодняшняя погоня!

— Подожди с проклятиями,— Конан предостерегающе поднял руку.— Кажется, я слышал об этом месте.

— Что? — удивленно переспросила Белит.

— Однажды в аргосском трактире за моим столом сидели дна моряка. Один из них был пьян и рассказывал другому об острове, о который разбился его корабль. Причем они не сели на мель, а ткнулись прямо в землю, как-будто остров этот, точно гриб, вырос прямо из океана...— Варвар задумался, вспоминая.— Да, теперь я понимаю, почему меня так насторожил запах — они говорили и об этом! Тот моряк тоже почувствовал запах земли, а

потом над морем поднялся туман и скрыл все на многие лиги вокруг.

— А дальше? — не выдержала Белит. Почти вся команда собралась вокруг них и, затаив дыхание, слушала рассказ Конана.

— Дальше они обнаружили, что наткнулись на неизвестный остров посреди океана, и нашли на этом острове какое-то древнее изваяние, которое обещало им исполнить любые их желания. Каждый из команды попросил чего-нибудь для себя и немедленно получил это — золото, драгоценности, прекрасных женщин... В общем, все, чего душа пожелает.

— Остров Мечты! — не выдержал кто-то из субанцев.

— Нет. Остров Скорби, — покачал головой Конан. — Почти потом, ночью, к ним пришли души всех тех, кого когда-то погубили или незаслуженно обидели. И эти обиженные духи выпили у аргосцев всю их жизнь, все силы, точно вино из кувшина.

— А как же этот моряк? — удивилась Белит. — Ему-то удалось спастись?

— Он вернулся на корабль. Он был трусом и боялся провести ночь на сказочном острове. С ним остались еще несколько человек — вот они-то и уцелели. К утру туман рассеялся, и они увидели огромный лес и череду призраков, идущих к ним по вымощенной кирпичом дороге. Демоны окружили корабль и принялись звать аргосцев к себе, сулить богатства и исполнение желаний. Среди них были и те, кто только накануне остался ночевать на острове призраков...

— Значит, спаслись те, кто остался на корабле, задумчиво протянула Белит. — А что было дальше?

— К полудню остров исчез, Аргосцы доплыли до ближайшей гавани и бросили свой проклятый корабль.

— Глупая сказка базарных старух и пьяных моряков, — пренебрежительно бросил Сахеб.

— Не знаю, — отозвался Конан, пожимая мощными плечами. — Я и сам сперва решил, что это обычные матросские байки. Сами знаете — можно ли верить всему, что услышишь в портовых тавернах!.. Но золото, которым расплачивался аргосец, было настоящим. Только каким-то необычным. Квадратные монеты — вы когда-нибудь видели такое?!

— Похоже, в этой истории была доля истины, Конан, — сказала Белит. — Но мы не можем сидеть на корабле, зная, что происходит вокруг. Кто-то должен пойти и посмотреть.

— Я пойду, — коротко сказал Конан. Если отважный киммериец и ненавидел что-нибудь сильнее, чем колдовство, так это бесцельное ожидание на одном месте.

— Я с тобой, — предложил Сахеб.

— И я, и я! — в один голос выкрикнули еще несколько человек.

— Так много людей не нужно. Конан, выбери сам, кто пойдет с тобой.

Варвар на мгновение задумался.

— Сахеб, Н'Гара, Карем.

— Хорошо. Но помните, если за то время, что сгорят три факела, вы не вернетесь, я сама пойду за вами.

— Как скажешь, Белит. — Конан кивнул. — Вы готовы?

— Да, Амра, — ответил за всех Сахеб.

Конан улыбнулся: он не ошибся в выборе спутников. Все трое были молоды и сильны, каждый предпочитал свой вид оружия. Сахеб — лук и тяжелые длинные стрелы, Н'Гара — палицу, усеянную длинными шипами, Карем — меч и кинжалы. Вооруженные, одетые в тонкие доспехи — добычу недавнего грабежа, — это были опытные, умелые воины, на

которых не страшно положиться в любой переделке.

По веревочному трапу они спустились на землю и пошли сквозь алый туман. Каждый их шаг по твердой каменистой почве отдавался гулким эхом, а голоса казались громкими и пронзительными.

— Мы прошли три десятка шагов,— сказал Сахеб,— но под ногами все те же камни.

— Держитесь ближе к друг другу,— приказал Конан.— Туман сгущается.

И тут туман кончился. Словно невидимый нож отрезал колышущееся марево одним движением. Дымка не становилась прозрачнее, не истончалась, как это обычно бывает,— нет, она просто исчезла.

Конан огляделся по сторонам. Прямо перед ним, насколько хватало глаз, расстилался огромный лес, а у ног начиналась мощенная плитами дорога, терявшаяся на границе леса. Рука Конана легла на рукоять меча.

— Похоже на то, как рассказывал аргосец,— сказал вынырнувший из тумана Н'Гара.

— Да,— согласился Конан.— Похоже.

— Странно, что туман не пропускает звуки,— мы совсем рядом с кораблем, но не слышим ничего, а ведь обычно даже в пяти десятках шагов еще слышен шум и разговоры,— заметил Сахеб. Субанцы, дети диких джунглей, отличались завидной наблюдательностью.

— Один из нас должен вернуться и предупредить Белит. — Конан посмотрел на спутников.

— Верно.— Н'Гара кивнул.— Я предупрежу Белит и сразу вернусь к вам.

— Иди.

Субанец шагнул в красную колышущуюся стену. На границе ее он успел еще обернуться, с улыбкой глядя на спутников...

Раздался негромкий вскрик, затем хруст костей — и довольно урчание, словно подал голос огромный зверь.

Темная струйка заструилась по камням к ногам Конана.

— Прочь отсюда! — Конан резким рывком отбросил спутников от опасной черты. — Этот туман... эта тварь живая!

— Да, Амра, похоже, она готова была впустить на остров, но обратно на корабль пускать не хочет... — Сахеб покачал головой. В черных глазах матроса вспыхнул огонек страха.

Воины с опаской поглядывали в сторону корабля

— Но предупредить Белит все равно нужно! — Конан покрепче сжал копье.— Не ровен час — она и впрямь решится отправиться за нами следом!

— Есть способ.— Сахеб поднял руку.— Я пошлю весть стрелой.

— Как это?

— Когда-то Белит научила меня и Криса языку знаков, который сама узнала от жрицы Самди. Я смогу составить нужные слова и вырезать их на древке стрелы.

— Хорошо. Сделай это скорее.

— Карем, дай кинжал,— попросил Сахеб.

Воин уселся на землю и быстрыми движениями принялся вырезать на древке толстой стрелы черточки и кружочки.

— Н'Гара был хорошим воином,— промолвил Конан, отдавая дань погившему.

— Да,— эхом отозвался Карем.

— Готово.— Сахеб поднялся и подошел к остальным.

— Отлично. Только целься повыше, чтобы не задеть никого на палубе.

— Понятное дело. Я пошлю ее прямо в небо, чтобы на палубу стрела упала уже на излете. Точно голубиное перышко... Можешь не тревожиться, Амра, нас с братом отец с детства обучал всем способам стрельбы! Я справлюсь

Звякнула тетива. Конан проводил стрелу глазами, узнать, достигла ли их весточка цели? Он верил, что субанец не хвастает и впрямь способен на чудо — послать стрелу точнехонько на невидимый в тумане корабль... И все же всякое может случиться. Но ждать ответа бессмысленно — оставалось лишь уповать на удачу и на благоразумие Белит.

— Пошли дальше,— предложил он двоим своим спутникам. — Время идет, а мы еще ничего не узнали и не сделали. Надо выяснить, как справиться с этим колдовством.

— Как нелепо мы потеряли Н'Гару,— вздохнул Сахеб.— Скверная смерть для воина — в пасти адских демонов. Похоже, что побег аргосца научил их стеречь добычу...

— Ха! — отозвался Карем преувеличенно бодро.— С нами Амра — уж мы этим тварям зубы пообломаем!

Несмотря на молодость, он был одним из лучших бойцов на корабле Белит, хотя слишком горячая кровь не раз подводила его в поединках.

— Пошли,— повелительно повторил варвар. Они пошли по широкой, прямой как стрела дороге к темневшему невдалеке лесу. Конан шел в центре, Карем и Сахеб чуть сзади по бокам, настороженные и готовые отразить, любое нападение.

— Какая тишина,— почему-то шепотом сказал Карем.

— Молчи,— бросил в ответ Сахеб,— лес уже близко.

Ноздри Конана раздувались, вбирая запахи вечернего воздуха, а движения стали медленными и плавными, словно у хищника, высматривающего добычу.

— Не по душе мне эта дорога,— заметил вдруг киммериец, — Слишком уж она какая-то... приметная. Ступай, мол, по ней — не ошибешься. А ну-ка попробуем мы свернуть в сторонку! — И с этими словами Конан уверенно сошел именных плит на траву.

Он ожидал чего угодно, но не того, что вместо твердой земли под ногами у него окажется вода.

Заросшая невысокой травой поляна оказалась мороком, наваждением, скрывавшим морскую пучину. И Конан без единого всплеска ушел в холодную соленую воду. А когда он, отплевываясь, вынырнул, на дороге никого не было. И Сахеб, и Карем исчезли.

Варвар вылез на твердые плиты дороги и, поднявшись на ноги, тревожно осмотрелся по сторонам. Небо было абсолютно черным, и только редкие огоньки звезд слабо освещали булыжники, на которых стоял варвар. Ночь!.. Когда Конан оступился, были еще сумерки. Сколько прошло времени? Где субанцы? Где Белит?

Конан посмотрел в сторону корабля, но тьма надежно укрывала место стоянки. Несколько мгновений сон колебался, но затем, решившись, повернулся и зашагал к лесу.

Там его уже ждали.

Десяток серебристо-серых прозрачных теней мерцали на опушке, перекликаясь негромкими мелодичными голосами.

— Вот идет Конан-киммериец...

— К нам идет король...

— Киммериец!

— Киммериец.

— Какой он мокрый!

— Мы его искупали!

— Давайте его обсушим.
— Какие у него глаза!
— Да! Да! У него глаза льва, его зовут Амра.
— Мы ждем короля Амру!
— Он вор и убийца, этот будущий король.
— Что вам нужно от меня? — Киммериец был невозмутим.
— Нам? — удивленно спросил один из призраков, — что нужно тебе? Приходящий на наш остров должен знать, что ему нужно.

— Мы здесь не по своей воле.

— А по чьей же, по-твоему? Разве у тебя нет тайной страсти, варвар? Нет желания, более сильного, чем ты готов признать?.. Есть, Конан! Ведь у тебя есть такое желание, не правда ли? Ты хочешь стать королем, и твоя мечта привела тебя сюда.

— Где мои спутники? — резко спросил Конан.

— Здесь. Они уже получили то, к чему стремились. Пойдем, мы отведем тебя к ним!

— Да, да,— вновь затянул хор призраков.— Идем с нами. Идем. Мы покажем тебе твою мечту, король. Идем!

Завороженный мелодией колдовских голосов, Конан двинулся в глубину леса.

Белит стояла на палубе рядом с каютой и в задумчивости перебирала стрелы в колчане. Недобрая улыбка играла на ее губах, и выглядывавшие из тумана пираты старались скорее спрятаться, чтобы не навлечь на себя гнев предводительницы.

Конан ушел совсем недавно, но на душу Белит легло облако тоски, такой же густой, как и окутывавшее их алое марево

Постепенно туман начал рассеиваться, словно растекаясь в стороны, и наконец превратился в красное кольцо вокруг судна. Пространство над палубой осталось свободным, и Белит наконец смогла увидеть небо. Клочок небосвода постепенно темнел, и несколько звезд, едва-едва видных вначале, разгорались странным зеленоватым светом.

Ни единое дуновение ветерка не колыхало пламя факелов, тщетно пытавшихся разогнать сгущавшуюся тьму.

Белит не уходила с палубы, чтобы первой увидеть возвращение разведчиков. Ее спокойное лицо, уверенные распоряжения и твердый, не допускающий возражений тон вселяли уверенность в команду. Если женщина — пусть она и Тигрица морей, но все равно женщина — не испытывает ни малейшего страха, то им, мужчинам и воинам, не пристало бояться неведомой опасности!..

Ужас и растерянность пиратов, такие острые в момент столкновения, постепенно рассеялись. Субанцы жили в мире, полном колдунов, духов, призраков, и даже маленький ребенок знал, как отвести от себя дурной взгляд и недобрую волю. Древние заклинания, прочно забытые более цивилизованными народами, еще были живы на Черном побережье. Недавно вышедшие из джунглей, пираты были готовы в любую минуту встретиться со сверхъестественными существами и, если понадобится, вступить с ними в бой. А главное, рядом с ними был Н'Гона, штурман, знахарь, опекун Велик, второй, после Унгеду, колдун, владеющий древним знанием.

Итак, напряжение на палубе спало. Кое-кто из пиратов осмелел настолько, что даже подраспустил тугие боевые пояса и отцепил оружие. Кольчуги и перевязи вдруг стали оттягивать плечи и стеснять движения.

Н'Гона еще раз обошел корабль, проверяя и подбадривая людей.

— Похоже, кто-то не хочет, чтобы мы видели, что творится вокруг,— заметил он, поравнявшись с Белит.

— Первый факел догорает,— словно не замети и щенных к ней слов, ответила Белит,— а от Конана нет никаких вестей.

— Амра — воин, и твои страхи напрасны.. Вспомни, сколько ты плакала, когда он уходил за Джихадом. Слезы — оружие трусов, и тебе оно не к лицу. Волнуясь, ты притягиваешь к себе его силу, а она нужна ему самому

— Я знаю.— Пиратка кивнула.— Но тогда он имел с людьми, а сейчас...

— Кто знает, где опаснее — среди смертных или в мире духов.— Старик покачал головой.— Я знал людей, рядом с которыми демоны ночи казались невинными младенцами. Ни Нергал, ни Сет не придумают таких мук, как то, причиняют друг другу смертные.

— Не поминай Сета, старик! — попросила Белит, — За любой бедой, встающей у нас на пути, я теперь слышу шелест чешуек Змея.

— Да, никто не знает пределов его власти,— согласился Н'Гона.— Лишь Митра спасает нас от гибели в кольцах змея.

— Митра,— на губах Белит появилась насмешливая улыбка,— слишком часто я слышу о его доброте и милости, но еще ни разу не встретила того, кому бы он помог.

— Не говори так о Солнцеликом! Ни ты, ни я не знаем, чья воля привела нас на этот остров.

— Не удивлюсь, если это воля Митры.

— Даже если так, значит, ему угодно испытать силу нашей веры.

— Как скажешь, старик, мне совсем не хочется с тобой спорить. Я помню историю Самди, да и мою собственную, ты знаешь множество легенд и преданий, но ни ты, ни я не можем убедить друг друга.

Ты слишком горда, дочь Бангулу, чтобы признать чью-то власть над собой.

— Я дочь королей Асгалуна, в шестнадцатом поколении. И ты знаешь об этом.

— Знаю. Такова была воля богов...

— Довольно!

Повернувшись к старику спиной, Белит прижалась горячим лбом к стенке каюты.

— Прости, дочка... — Голос штурмана дрогнул, точно от пролитых слез. — Я не меньше твоего тревожусь за них.

Не поворачиваясь, Белит кивнула.

— Я пойду поговорю с людьми. Что-то они странно затихли!..

— Да, Н'Гона, сделай это. И прости меня за резкость, я что-то стала сама не своя.

Белит так и не повернулась. Шаги старика затихли. Боль немного утихла. Шемитка подошла к борту корабля и с яростью посмотрела на колдовской туман, скрывший любимого. Волна бессильной злобы заставила ее стиснуть зубы так, что заныли челюсти.

Она даже не заметила, что произошло. Просто из красной стены прямо на палубу шагнул... Алал. Высокий, широкоплечий мужчина в белом одеянии, очень, очень похожий на Алала.

В руке Белит сверкнул меч.

— Прочь, демон!

— Что с тобой, любимая?! — До боли знакомый голос заставил Белит вздрогнуть.

— Алал?!

— Да, жена!

Горбоносый худощавый мужчина смотрел на нее, ласково улыбаясь. Но, великие древние боги, он был совершенно, бесповоротно чужой. Пусть он выглядел таким же, как и в тот страшный день стигийского набега, пусть их соединял освященный древним законом брак и рожденный в супружестве ребенок... Конан стер Алала из жизни и памяти Белит. Стер навсегда.

— Не приближайся! — Острие меча почти коснулось шнурков на широкой груди Алала.

— Ты не рада мне, любимая? Я спешил к тебе изо всех сил.

Однако он все же остановился. Странное чувство мешало Белит взглянуть в глаза мужу. Она не испытывала ни страха, ни чувства вины — ведь с Конаном она повстречалась уже после смерти Алала,— только изумление и настороженность по отношению к ожившему мертвецу.

Алал продолжал:

— Неужели ты мне не рада, маленькая дикарка? Где Кедрон? Я хочу его видеть. Сын здесь, с тобой?

— Мой сын умер, призрак. И ты знаешь об эти хуже моего.

— Ты ошиблась дважды, жена. Во-первых, я не призрак, а существо из плоти и крови. Волею владык этого острова я был возвращен к жизни. А во-вторых, мне и вправду неведомо, что случилось с нашим мальчиком.

— Не верю.

— Я смогу убедить тебя, клянусь. Моя жизнь в твоих руках, а твоя — в моих. Только вместе мы сможем спастись.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Послушай, Белит, я понимаю, что ты испугана и растеряна, ведь мертвые не каждый день приходят поговорить с живыми. Но я очень прошу тебя — не бойся. Пойдем в каюту, там мы сможем побеседовать спокойно.

— Н'Гона, скорей сюда! — громко позвала Белит.

— Он не придет. К нему пришел гость, которого он ждал целых пятнадцать весен. Гости пришли ко всем.

Не опуская меча, пиратка оглянулась. Страшное зрелище предстало ее глазам. Бросившие свои посты пираты разбрелись по палубе, жестикулируя, разговаривая, смол рыдая. В первое мгновение Белит показалось, что вокруг сошли с ума, но затем она поняла, что пираты были заняты разговорами с невидимыми собеседниками, такими же, как Алал.

— Да, Белит,— подтвердил он, угадав ее мысли.— Меня видишь только ты, и больше никто.

— Я положу этому конец.

— Не надо. Твои люди счастливы, неужели ты не видишь? Это только ты еще сомневаешься во мне.

— Я не сомневаюсь, демон, я просто не верю.

— Так как насчет того, чтобы зайти в каюту? Я постараюсь тебя в чистоте моих намерений. Иди вперед.

Они вошли в каюту, и Белит сразу же заняла наиболее выгодное место — скамью у самой двери. Алал прилег на ложе и запрокинул руки за голову.

— Если бы ты знала, Белит, какое счастье — вновь чувствовать себя живым,

наслаждаться свежим воздухом, водой землей и собственной женой. Похоже, ты неплохо развлекалась, пока меня не было.

Белит не понравился взгляд Алала — наглый, уверенный, жадный.

— Алал, ты говорил о спасении.

— У нас мало времени, женщина, но на любовь хватит, а потом поговорим о спасении наших с тобою душ.

— Клинок очень острый, демон,— холодно прищурилась пиратка.— Даже если бы на твоем месте был настоящий Алал, я бы не стала делить с ним ложе.

— Вот как? — Призрак сел.

— «Его глаза не моргают. Он не дышит»,— отметила про себя Белит.

— Неужели ты разлюбила Алала? Даже не вспоминаешь?

— Не вспоминаю. Впрочем, демон, что тебе за дело до моих чувств? Объясни мне, что это за остров и что угрожает моим людям, тогда я сохранию тебе жизнь.

— На этом острове не происходит ничего сверхъестественного. Владыки острова позволяют кораблям причаливать и дают людям возможность получить то, о чем они мечтают всю жизнь.

— Нас заманили обманом — сначала мы преследовали неизвестный корабль, а потом эта красная слизь отрезала нас от мира.

— Люди не всегда отдают себе отчет в собственных тайных желаниях. Неужели у тебя нет мечты, которую ты готова воплотить ценой собственной жизни.

— Значит,—Белит нахмурилась,— цена — жизнь.

— Да. Но у тебя есть еще один выход.

— Какой же?

— Твоя вера в меня может придать мне новые силы, помочь мне ожить по-настоящему. За пределами красного кольца я немедленно погибну, но с твоей помощью я вновь стану человеком.

— Что я должна сделать?

— Поверить в меня, дать мне свою силу, свою любовь. Вспомни, как мы были счастливы когда-то. Только один раз, Белит, потом ты вернешься к своему избраннику, навсегда исчезну из твоей жизни.

Жалобные, умоляющие нотки в голосе Алала не вязались с холодным изучающим взглядом. Он играл с ней в какую-то странную игру без правил. Подыгрывать ему Белит не хотела.

— А если кто-то откажется загадывать желание? Что будет с ним?

— Ничего, если он не покинет корабль. Я предлагаю тебе выгодную сделку, Белит, а ты меня не слушаешь. Итак, я берусь оберегать тебя все время, что ты пробудешь на острове, а ты даешь мне свою любовь и мою новую жизнь.

— Что же будет с теми, кто уже покинул корабль? — Шемитка словно не слышала предложения мужа.

— Они уже загадали желания и заплатили за них.

Мир закружился в глазах Белит

— А их души?

— Они присоединились к сонму владык острова. Те, кто умирает здесь, остаются в лесу Скорби навсегда.

Руки шемита задрожали, и его нервные движения, когда он перебирал пояс или

поправлял складки одеяния, лучше любых слов говорили Белит, что Алал лжет.

— Я люблю другого, Алал, и хочу, чтобы ты ушел прочь. Навсегда! Исчезни, демон.

Как хорошо помнила Белит этот гневный взгляд, за которым обычно следовала пощечина.

— Уйти? Исчезнуть?! Ты дура, Белит! Упустить один-единственный шанс из-за твоей глупости! Никогда!

Голос Алала звенел от ярости, тонкие губы кривились в презрительной улыбке. Поднявшись с ложа, он сделал шаг к Белит.

— Назад,— твердо сказала она.— Еще движение — и я убью тебя.

— Неужели у женушки поднимется рука? — Алал сделал еще шаг.

— Поднимется,— подтвердила Белит, отступая к полуоткрытой двери.

— Ну что ж, похоже, я слишком погорячился.— Внезапно Алал сел обратно на кушетку,

— Не хочешь — не нужно.

— Где Конан?

— Конан? А кто это Конан? Наверное, тот дикарь, попавший в ловушку на дороге к лесу.

— Мой возлюбленный слишком умен, чтобы погибнуть на твоем проклятом острове.

— Возлюбленный? — Алал недобро рассмеялся,— Смешать благородную шемитскую кровь с кровью варвара!..

— Да, он варвар. Лев с Севера, возлюбленный королевы Черного побережья, Тигрицы — Белит.

— Тигрица морей — моя жена,— снова недобрый смешок. — Ты очень изменилась, Белит с нашей последней встречи. И раньше в твоем сердце было мало покорности, а теперь в нем живет гордыня. За это наказывают.

— Попробуй.

— Если бы ты встретила меня иначе, я, быть может, оставил тебе жизнь, выпив не всю твою силу — лишь столько, сколько мне нужно, чтобы ожить...

— Что-то ты слишком рано взялся меня жалеть.

— Ну, почему же рано. Прощай, Белит. Когда-то я любил тебя.— Злобная усмешка исказила черты Алала.

Плавным движением он извлек из складок одежды серебряную трубочку и поднес к губам. В каюте зазвучала негромкая музыка, и Белит с ужасом увидела, как сжимающие эфес пальцы — ее собственные пальцы — разжимаются. Меч со звоном упал на пол.

— Иди ко мне,— прозвучал приказ.

Правая нога Белит сделала шаг к Алалу. Левая. Правая. Левая. Правая. Разум отчаянно бился в тисках непослушного ему тела, подчинявшегося теперь чужой злобной воле.

Мелодия звучала все громче и громче. Наконец доспехи Белит соприкоснулись с белым балахоном Алала. Губы женщины послушно приоткрылись, когда к ним прикоснулись губы призрака, а руки легли ему на плечи. Ледяные руки скользили по бедрам Белит.

— Прочь! — Чья-то сильная рука отшвырнула Алала от Белит.— Не смей прикасаться к ней!

Сердце Белит отчаянно заколотилось. Не узнать этот голос она не могла — хриплый, грубо-ватый, со смешным, чуть картавым акцентом... так говорил только он, друг детства, брат, любовник. Рядом с Белит стоял Крим.

— Не бойся, сестра. Он не так опасен, как кажется.

Нагнувшись, негр поднял палочку, выпавшую из пальцев Алала. Мелодия мгновенно

смолкла, и Белит поняла, что может двигаться.

— Крим!

— Подожди, сначала я разберусь с ним.— Негр кивнул на Алала. — Потом мы сможем поговорить спокойно.

— Это не так-то просто, чернокожий.

Алал поднялся на ноги и чуть нагнулся, готовясь к прыжку.

— Отойди в сторону, шлюха. Похоже, тебя тянет не только к дикарям, но и к черным.

— Жаль, что я возродился слишком поздно. Но у меня есть еще возможность все исправить! — Крим закрыл собой Белит.

— Будь ты проклят!

Алал бросился на Крина с клинком в руке. Белит изумленно охнула: еще мгновение назад шемит был безоружен. Однако сверкающее лезвие даже не коснулось Крина. Мощный удар в грудь отбросил Алала обратно на кушетку. Подскочивший негр поднял его за одежду на груди и с размаху приложился тяжелым кулаком к подбородку шемита. Схватив в охапку обмякшее тело бывшего мужа Белит, он выволок его на палубу.

— Его надо бросить в туман, тогда он исчезнет,— объяснил Крим.

— Я помогу!

— Не пачтайся, я справлюсь сам.

Размахнувшись, он швырнул Алала в алое колышущееся марево.

— Прощай навсегда, проклятый демон!

Крим презрительно вытер руки о свое белое одеяние.

— Ну и поганая же тварь твой бывший муженек. Он мне напомнил тот губастый цветок — помнишь, много лет назад?..

— Помню.— Белит с опаской посмотрела на гиганта.— Крим, ты ожил так же, как и он?

— Думаю, что нет. Его возрождение — дело рук Сета, а мое — я и сам не знаю кого. Пошли в каюту, там удобнее разговаривать.

— В каюту? — переспросила Белит. Недавний ужас от встречи с Алалом был еще жив.

— Не бойся. Клянусь, я тебя ничем не обижу.

И Белит поверила ему. Поверила сразу и бесповоротно.

— Белит, у тебя нет никакого вина? — жалобно попросил он, пойдя в каюту.

— Конечно, есть. Она рассмеялась и вытащила из-под кровати небольшой кувшинчик.— Угощу тебя из личных запасов Конана.

Белит осеклась па полуслове. Крим пристально взглянул на нее, и во взоре его была неподдельная печаль.

— Значит, вы встретились? Ты и избранник Митры?

— Да. И я люблю его.

— А он?

— Тоже. Но вот только сына у меня не будет никогда.

— Почему? — удивился Крим.

— В тот день, когда тебя убили, меня захватили в плен, Рамвас, мой хозяин, позвал ведьму, и именем Сета она сделала меня бесплодной.

— А где сейчас Кедрон?

— Не знаю.— Молодая женщина тяжело вздохнула. — Я оставила его на краю поля, надеясь, что потом кто будь из субанцев найдет малыша и позаботится о нем.

— Ну и?.. — Негр, смакуя, пил вино и жмурился от удовольствия.

— Его не нашли. Видели только незнакомого мужчину, шедшего по полю со свертком. Боюсь, что это и был мой Кедрон. Похоже, мне являлся призрак, утверждавший, что бы он спас моего сына и унес его в далекие земли, по ту сторону океана... Но я не смею поверить в это. Боюсь был лишь прекрасный сон. — Она вздохнула. — Стигийцы убили мать, отца, увели Джихана, искалечили меня, лишь жажда мести придает мне силы!

— Мщение питает и меня. Но могу я совсем немного. Вот разве что помочь тебе избавиться от призраков, наводнивших корабль...

— Но как это сделать?

— У меня есть две колдовские флейты. Положи крест-накрест и играя на них особым образом, я с ми заманить призраков обратно в туман вслед за собой.

— Но тогда ты погибнешь вместе с ними?

— Да, но я погибну в любом случае. Та жизнь, к которой стремился Алал, не по мне!

— Какая жизнь?

— Он не сказал тебе? Тогда слушай. Чтобы продлить свое существование, создания Сета должны пить чужие жизни. Понимаешь? А я не хочу жить, убивая других!

Белит задумалась. Неужели мужчина, которого она любила, мог пасть так низко?

— Спасибо, Крим. — Белит нежно поцеловала в щеку. — Но ты сказал, что твоё возрождение — дело рук кого-то другого. Не Сета?

— Да. Когда я открыл глаза, то увидел рядом чел с красной кожей. Едва ли то мог быть Змееголовый.

— С красной кожей? — Глаза женщины расширились. Ты видел краснокожего воина в одежде из кожи? С длинными перьями, воткнутыми в волосы?

— Да. Ты его знаешь?

— Знаю. Он являлся мне в кошмарах, когда я жила у Рамваса. Помогал мне советами, подсказал, как одуречить хозяина.

— Интересно. Этот краснокожий сказал мне, что я умер мне несколько часов жизни, чтобы спасти тебя. И я согласился.

— И все?

— Почти, он сказал, что Великое Равновесие не позволяет ему самому вмешаться самому.

Негр допил кубок. Мне пора. — Он поднялся и пошел к двери.

— Спасибо, Крим. — Белит прижалась головой к широкой груди друга.

— Я любил тебя, люблю и буду любить всегда. Прощай, сестренка. — Он бережно отстранил ее и вышел на палубу. — Будь счастлива, сестра!

Белит не пошла за ним. Она рухнула на постель и разрыдалась. Она потеряла добрую память об Алале. Второй раз похоронила лучшего друга.

...Вскоре в ее каюту ворвутся переполненные чувствами пираты и расскажут о том, что они пережили, и о внезапном уходе призраков. Она будет внимательно слушать, сочувствовать, соболезновать, но перед ее глазами будет стоять улыбающийся Крим с кубком вина в руках.

«Будь счастлива, сестра...»

Конан шел по ночному призрачному лесу вслед за страшными проводниками. Наученный горьким опытом, киммериец старался не сходить с тропы и внимательно смотрел себе под ноги. Духи острова перекликались звонкими голосами, а иногда заливались смехом.

В душе варвара поднималась волна злости.

— Куда мы идем?

— Он волнуется.

— Он не хочет идти с нами.

— Он устал.

— Пусть король отдохнет!

— Осталось совсем немного!

— Потерпи, король.

Звонкое многоголосье лезло в уши, вызывая раздражение и ярость. К сожалению, заставить их замолчать варвар пока не мог.

Они вышли на небольшую поляну, со всех сторон окруженную гигантскими деревьями. В центре стояли десять кресел, и в них сидел... он сам. Десять Конанов дружно встали и поклонились Конану — настоящему.

— Мы рады видеть тебя,— сказал стоявший в центре.— Твой путь к нам был слишком долг.

Рука варвара легла на эфес клинка.

— Кто вы такие, побери вас Кром?

— Мы — это ты сам. Каждый из нас — воплощение твоей самой сокровенной мечты, скрытого желания. В каждом из нас живет Конан, и все мы составляем целое.

— Что-то вас слишком много! Уж я-то все свои желания знаю наперечет.

— Ты так думаешь? Я — Конан-король. Он — Кони великий завоеватель, тот — Конан — муж Белит и отец множества детей. Тот — жрец Митры, победитель Сета.

— Хватит. Что вам нужно от меня? Зачем вы затащили мой корабль на этот проклятый остров?

— Нами двигала лишь забота о тебе! Зачем могучему воину тратить силы в напрасных битвах, когда все, что нужно, так близко и легко достижимо?

— Как это?

— Очень просто. Тебе достаточно пожелать, и просьба будет исполнена. Ты переживешь удивительные приключения и познаешь бесконечное счастье.

— Что-то слишком много обещаний... Чем же мне придется за это платить?

— Ничем, — отозвался первый лже-Конан.— Ты останешься с нами, сольешься с братьями. Поверь, нет большего счастья, нежели такое слияние.

— Все, чего мне хочется, я возьму сам, не ожидая милостей от каких-то оборотней!

— Подумай хорошенько.— Голос лже-Конана звучал мягко и успокаивающе.— Если тебя останавливает мысль о твоей женщине, то можешь забыть о ней. Она уже нашла утешение.

— Заткнись. Не смей даже упоминать о ней, призрак. Иначе, клянусь Кромом, я заткну тебе пасть!

— Садитесь, братья. Этот глупец не хочет соединиться с нами. Мирские заботы держат его слишком крепко. Придется нам, видно, объединить усилия, чтобы показать истинную сущность его шемитской девки.

Оборотни уселись обратно в кресла и, положив локти на подлокотники, соединили руки. Воздух перед Конаном замерцал разноцветными огоньками, и вдруг варвар увидел каюту Белит. Он был незримым свидетелем появления Алала, видел слезы в глазах Белит, страстные объятия и поцелуи. А затем шемит уложил обнаженную Белит на кушетку и

накрыл ее своим телом. Женщина кричала и стонала, и ее голосу вторили хриплые стоны

— Это вернулся ее муж, и она не задумываясь отдалась ему, — пояснил один из оборотней. Выхватив меч, Конан с размаху ударил по видению. Наваждение исчезло.

— Я не верю вам, проклятые демоны! — воскликнул варвар в гневе.— Вам не обмануть меня своим ведовством. — Я не мальчишка, боящийся колдовства и злых духов! Белит не могла предать меня! Я немедленно возвращаюсь на корабль!..

Конан ухмыльнулся. Немногое могло вывести его из себя, но вид Белит в объятиях другого, пусть даже он когда-то был ее мужем, разжег тлевшую в душе ненависть во всепожирающий пожар. Не зная сил и возможностей противника, северянин хотел его раздразнить и вызвать на необдуманные действия.

— Остановись! Если ты сделаешь хоть один шаг, с тобой будет то же, что и с ними,— прогремел голос оборотня.

Ближайшее к Конану дерево осветилось неизвестно откуда возникшим красным светом. На нижней ветке висели два тела. Конан не мог ошибиться — это были его спутники.

— Значит, и они отказались от ваших милостей, — рявкнул варвар.— Тем лучше. Достойная смерть для воина лучше постыдного соглашения. Если отказались они, мне уж точно не пристало уступать.

— Тогда ты разделишь их участь. Хоть нам и жаль будет убивать тебя, брат,

— Мне тоже будет жаль убивать самого себя, но лучшего вы не заслуживаете.— Северянин откровенно издевался.

— Умри же, непокорный!

Оборотни медленно поднялись с кресел и, не отпуская рук друг друга, двинулись к Конану.

Варвар ждал нападения. В его правой руке недобро посверкивал длинный тяжелый меч, а в левой он держал тонкий кинжал. Ровный ряд оборотней распался, теперь они пытались взять его в кольцо. Когда враги достаточно приблизились, киммериец отметил, что все они были одеты по-разному, а на голове одного даже посверкивал королевский венец.

Не давая себя окружить, варвар отступал к лесу.

— Ты умен, брат, но даже это не спасет тебя!

Внезапно часть нападавших исчезла. На Конана наступали теперь только шестеро.

— Обернись, брат, мы не хотим убить тебя ударом в спину.

Конан обернулся рывком и едва успел увернуться от нападения. Сила, вложенная двойником в удар, была слишком велика, и он пролетел вперед мимо скользнувшего в сторону киммерийца. Варвар немедленно обернулся и занес меч для удара. Однако вместо десятерых противников и увидел лишь одного.

— Что, испугались! — яростно расхохотался он.

— Ты рано радуешься, варвар. Мои братья не бежали — мы просто слились воедино. И теперь наша сила выросла в десять раз.

— Да хоть в десять десятков,— зло отозвался Конан. — Это не помешает мне уничтожить вас!

— Неужели ты правда попытаешься убить самого себя? — насмешливо поинтересовался противник, нанося рубящий удар сверху.

— Не только попытаюсь, но и убью! Конан парировал удар. Клинки столкнулись, высекая искры, и оборотень едва удержался на ногах.

— Мне нравится твой стиль боя.

Нет большей ошибки, нежели болтать с противником во время драки. Это отвлекает разум от единственного важного дела — просчета действий врага. Разговоры и злоба — главные враги настоящего бойца. Не молчи, брат, поговорим о чем-нибудь перед смертью. Нас так редко появляются собеседники.

Но варвар дрался молча, настороженно следя за движениями оборотня. Пот уже струился у него по лбу, но противник был по-прежнему свеж и бодр. Игра складывалась не в пользу киммерийца, который понемногу начинал уставать. Силы иссыкали стремительно — точно подлый двойник высасывал из него жизненные соки.

— А эта шлюха, Белит, какова она в постели? Пожалуй, после твоей смерти я к ней загляну. Не откажет же она мне в ласке?

Конан сделал резкий выпад, и его меч царапнул плечо оборотня.

— Хорошо,— признал демон.— Но не забывай, что я одет и точности как и ты, и мои доспехи так же прочны, как и твои.

Клинок Конана свистнул, и новая царапина заалела на руке противника. Еще одно обманное движение — и демон оказался в опасной близости от кинжала варвара. Отточенное лезвие вонзилось глубоко в бедро, но демон даже не поморщился.

— Ты забыл, что я не чувствую боли! — рассмеялся враг, обрушивая на киммерийца серию ударов. Конан не сумел отбить их все, и кровавые рубцы пролегли на его теле.

— Ты мне надоел, варвар. Ты меня больше не развлекаешь.— Лже-Конан нахмурил брови.— Сейчас я тебя убью.

Страшный удар выбил меч из рук Конана. Расхохотавшись, двойник занес меч над головой и приготовился опустить его на безоружного противника.

— Сдохни, наглец. А я пойду обрюхатить твою шлюху!

Мысль об опасности, угрожающей Белит, придала Конану новые силы и лишила последних колебаний. Он остановил оборотня даже ценой своей жизни!

Меч свистнул совсем близко, но варвар успел уклониться в сторону. Не давая противнику поднять меч для нового удара, он бросился на него и сжал запястья врага стальным захватом. Медленно пальцы демона разжались, и клинок выпал на траву. Тотчас же Конан отпустил кисть врага и нанес ему мощный удар в подбородок. Демон тяжело рухнул на землю.

Когда он поднялся, меч уже был в руках у Конана.

—Неужели ты убьешь безоружного? Убьешь самого себя}

— Убью! — прорычал варвар. — Как ты сам собирался убить меня!

Демон попытался повторить прием Конана и уйти от разящего клинка, но варвар в последнюю минуту изменил траекторию удара... Обезглавленное тело еще какое-то время держалось на ногах, а затем грузно осело. Над поляной пронесся стон, и облако духов, наблюдавших за схваткой из-за деревьев, исчезло.

Конан устало вытер пот со лба и облегченно вздохнул, Внезапно он почувствовал слабое жжение в правой руке. Меч оборотня таял. Серебристые капли скатывались с клинка и тоненьkim ручейком струились к тому, что еще недавно было двойником Конана. Сгусток серой пены вс путивался и колыхался, а из недр его на варвара смотрели огромные печальные глаза.

— Спасибо тебе, киммериец. Если бы не ты, я была бы обречена вечно исполнять волю Сета, и душа моя никогда бы не познала покоя,— прозвучал мягкий женский голос.

— Кто ты? — Варвар на всякий случай отбросил остатки меча оборотня и поднял свой

клиник.

— Древнее божество, заколдованное Сетом. Я должна была служить ему, пока одна из моих жертв не убьет меня моим же мечом. Ты освободил меня, киммериец. Благодарю.

— Так ты была неповинна в этих злодеяниях?! Будь проклят Змееголовый — даже богов он поставил себе на службу! — Конан сплюнул в сердцах. Он верил словам небожительницы. Этот взор, полный затаенной боли и любви... Она не могла лгать! — Могу ли я чем-то помочь тебе? Клянусь, если это будет в моих силах, я...

— Поздно. Митра ждет меня в саду блаженства, и я вымолю у него прощение. А в благодарность за доброту прими мой последний дар — любое твоё желание будет исполнено. Но торопись, я слабею...

Вихрь мыслей поднялся в голове Конана, и все они крутились вокруг Белит. Больше всего на свете киммериец хотел дать счастье единственной женщине, которую он любил.

— Я хочу, чтобы заклятие бесплодия было снято с моей возлюбленной.

— Да свершится воля Митры! — Глаза богини сомкнулись. — Все будет исполнено, о мой избавитель. А теперь спеши на корабль, скоро этот остров погрузится под воду навсегда.

— А мои спутники?

— Они уже ждут тебя на дороге. Прощай!

Конан побежал. Ноги сами уносили его прочь от проклятого места. Хотя древнее божество и умирало, но меч по-прежнему был наготове. Там, где был замешан Змей порока, нужно было опасаться всего.

Ночь рассеивалась слишком быстро, и солнце словно бы им прыгнуло из-за горизонта. Когда Конан убил своего двойника, еще стояла ночь, а когда он вышел из леса и увидел Карема и Сахеба, над заколдованным островом царил день. Алый туман вокруг корабля рассеялся, и «Тигрица» радовала глаз знакомыми очертаниями. Мужчины обнялись.

— Амра, мы пережили такое!.. — начал было Карем.

— После. — Конан не мог оторвать глаз от корабля. — Скорее отсюда! Скоро остров уйдет под воду.

Белит стояла на носу корабля. На ней была лишь набедренная повязка, и обнаженное тело светилось белизной. Она ждала его. Ждала, как обещала.

Не в силах сдерживаться, варвар побежал, Сахеб и Карем старались не отставать, но куда им было утнаться за мужчиной, которого ждет любимая.

— Скорее, Амра, скорее, — донесся до них звонкий голос Белит.

Как только Конан и его спутники поднялись на ни заколдованный остров исчез. Не утонул, не скрылся волнах, а просто исчез, точно его и не было никогда. «Тигрица» закачалась на волнах, и ничто вокруг не напомнило том, что совсем недавно здесь была суши.

Много позже, когда море вновь укрыла ночь и счастливая Белит разнежилась в объятиях любимого, он рассказал ей о своем желании.

— Неужели ты думаешь, что дух острова исполнит его?

— Уверен, Белит. Я видел ее глаза. У нас обязательно будет сын.

Вскоре Конан задремал, а Белит лежала с открытыми глазами и думала о пророчестве Самди. Сейчас ей не хотелось протестовать. Если судьбой суждено родить еще одного ребенка, пусть это будет дитя Конана. Плоть от плоти его.

Наконец сон сморил Белит. Шемитка вновь оказалась в знакомом ей заколдованном лесу. Те же деревья, сначала дружелюбные, а затем угрожающе-мрачные. Кошмар повторялся, и на этот раз рядом с Белит не было краснокожего друга.

Огромная змея с шипением догоняла Белит. Предательская ветвь обвила ногу убегавшей женщины, и тем упала, но вдруг между нею и чудовищем появился обнаженный белокожий мужчина.

Белит не могла ошибиться. Это был...

— Конан! — дико закричала Белит.

Варвар принял на себя удар чудовищной головы, и удержался на ногах. Змея отпрянула. Глаза с вертикальными зрачками внимательно изучали нового противника. С длинных клыков стекали капли яда. Там, где они капали на землю, трава начинала дымиться и высыхать на корню. Белит застонала. Что мог сделать безоружный Конан против чудовища, одна голова которого была размером с голову крупного быка?

Громко шипя, змея заскользила к Конану. Огромная башка метнулась к варвару, но он увернулся и отскочил в сторону. Разъяренное неудачей чудовище ударило еще раз и снова промахнулось. Пляска человека и змеи могла бы продолжаться долго, но змея предательски оплела ноги Конана, захватив его в ловушку.

Уже через мгновение живой канат стискивал его до пояса. Змеиная голова поднялась к самому лицу варвара, и глаза бестии встретились с синими глазами Конана. Огромная пасть приоткрылась, и слуга Сета попытался укусить северянина в лицо. Но Конан стремительным ударом успел отбить скалящуюся пасть, и длинный клык вошел глубоко в собственное тело монстра,

Кольца, еще недавно сжимавшие Конана стальным загон, обмякли. Какое-то мгновение тело змеи лежало неподвижно, а затем рассыпалось в прах. Конан обернулся к Белит.

— Пойдем, любимая, нам пора.

Этот сон больше никогда не побеспокоит ее.

Проклятая река Зархеба уже лишила Белит половины команды. Часть пиратов ушла с Конаном на поиски воды, а оставшиеся на корабле занимались перетаскиванием сокровищ древнего храма. Белит с наслаждением копалась в грудах ожерелий и колец, пересыпала в ладонях неотшлифованные алмазы, примеряла ажурные диадемы, но не забывала настороженно поглядывать по сторонам.

— Сахеб,— позвала она.

— Да, Тигрица. — Воин немедленно отозвался на зов Белит.

Я буду у себя в каюте. Когда закончите грузить, позовешь меня.

Негр кивнул. Белит ушла с палубы в прохладный полумрак каюты и прилегла на кушетку. Многое настораживало Белит в этом заколдованным месте, но перестук сыплющихся в сундуки драгоценностей дурманил разум и притуплял осторожность. Шемитка грезила о боевых галерах, о наемниках, готовых повиноваться каждому ее слову... Грезила о сожженной, превращенной в пустыню Стигии.

Золото даст ей власть, а власть — возможность мстить.

Погрузившись в мечты, Белит потихоньку задремала. И в снах видела все те же груды золота и сверкающих камней. Разбудило ее прикосновение чьей-то руки к щеке. Белит открыла глаза и удивленно охнула — рядом с ней стоял краснокожий посланец Митры.

— Настал час принять решение, о королева.— Голос незнакомца звучал торжественно и немного печально.

— О чем ты? Что-то грозит Конану? — Не стесняясь наготы, Белит откинула покрывало и села.

— Пока ничего, но может произойти непоправимое,

—Говори,— приказала Белит.

Краснокожий отступил на шаг и взмахнул рукой. Тотчас же, словно из ниоткуда, возник сгусток памятного Белит красного тумана. Он рос, вытягивался, менял цвета, и наконец перед женщиной возникло огромное, от пола до потолка, зеркало.

— Смотри внимательно, Тигрица! — сказал краснокожий.

Белит увидела Конана, сидящего на ступенях разрушенной пирамиды, среди поваленных колонн. Вокруг него лежали тела пиратов, а чуть поодаль, в тусклом свете звезд вспыхивали красными огоньками глаза гиен.

На мгновение зеркало замутилось, а потом Белит с ужасом увидела себя — лежащую на палубе среди распахнутых сундуков с сокровищами. Белит, завернутая в пурпурный плащ Конана, казалось, спала, но настоящая Белит видела, что женщина на палубе «Тигрицы» не дышит.

По зеркалу вновь побежала рябь, и Тигрица еще раз увидела Конана. На этот раз варвар отбивался от нападавших на него огромных гиен. Когда последняя бестия задергалась и предсмертных судорогах и киммериец опустил окровавленный меч, ему на плечи спрыгнула крылатая обезьяна. Мохнатые лапы сошлись на мускулистой шее Конана, длинные когти впились ему в горло, и варвар рухнул на каменные плиты. Задние лапы твари рвали его тело, а передние все сжимались и сжимались в смертельной хватке...

— Нет! — словно издалека донесся до Белит ее собственный голос. — Нет! Нет! Нет!..

— Все в твоих руках, королева, — С первыми же звуками голоса краснокожего зеркало исчезло. — Согласна ли ты отдать свою жизнь за жизни Конана и вашего сына?

— Согласна, — не раздумывая, отозвалась Белит. Собственная жизнь, мечты о богатстве, даже жажда мщения — все отступило перед тревогой за жизнь любимого. — Я согласна на все, лишь бы спасти его. Но о каком сыне ты говоришь?

— В ту ночь, после острова Скорби, древнее божество, освобожденное Конаном, сняло с тебя заклятие Сета. И сейчас под твоим сердцем растет новая жизнь.

Краска залила щеки шемитки. Теперь, когда она поняла, что было причиной сонливости и постоянной усталости, мучивших ее последние недели, ей до боли захотелось разделить радость с возлюбленным.

— Мне жаль, Белит, но он никогда не узнает о сыне. — Краснокожий виновато развел руками. — Если ты откажешься уйти со мной — вы оба погибнете. Если согласишься, то расстанетесь навсегда задолго до рождения мальчика.

— Уйти с тобой? — переспросила Белит.

— Да, со мной. В страну за великой соленой водой, где будущий воин вырастет здоровым и счастливым, рядом со своим братом — Кедроном.

— Значит, Кедрон уже там? Это был не сон?! — Шемитка не знала, радоваться ей или горевать.

— Да, Белит, посланец Солнцеликого спас его в тот страшный день стигийского набега, а я вернул малыша в мир людей.

— Если я уйду с тобой, Конан останется жить? Ты обещаешь мне это?

— Ты сама спасешь его, встав между ним и его смертью, — уверенно отозвался воин.

— Но как же я смогу это сделать? Ведь я видела — там, на палубе, завернутая в плащ, лежала мертвая Белит.

— Погибнет лишь телесная оболочка, но глубинная сущность, пламя твоей души, останется жить и обретет новое тело на новой родине,

—Значит, я не смогу даже проститься с ним? Обнять, прижаться на прощание? Поцеловать? — Голос Белит звенел от слез.— Зачем все это? Зачем? Ты не ведаешь жалости, о посланец богов!

—Неправда, жалость разрывает мое сердце, женщина! Но сильнее всего я страшусь за свою родину. Если твои сыновья, будущие король и верховный жрец, не придут нам на помощь в грядущую годину великой опасности, погибнет вся моя страна. Тысячи и тысячи людей погибнут, Белит!.. Разве их жизни не стоят такой жертвы? Я помогал тебе сколько мог — и разве теперь ты не согласишься прийти на помошь нам? Мы взываем к тебе!

—Я понимаю твою боль.— Шемитка вытерла непрошенные слезы. — Ты многого требуешь от меня. Отказаться любви, от счастья — и все это ради людей, которых я не видела никогда в своей жизни, ради таинственной страны, даже названия которой не знаю... Но сердце говорит мне, что такова воля богов. У меня нет сил противиться их желанию. Только пусть никто и никогда больше не называет при мне Митру всеблагим и милосердным! Я не поверю этому! — Белил стиснула зубы, сдерживая рвущиеся из груди рыдания. — Он дал мне жизнь — а теперь отнимает ее. Что ж, я согласна на все — если это спасет Конана, Что я должна делать?

— Ничего! Просто скажи еще раз, что ты отдаешь свою жизнь в руки Пресветлого бога, — торжественно сказал краснокожий.— И не проклиной Солнцеликого. Милость его безмерна, но не всегда она делается ясна людям. Возможно, когда-нибудь позже ты сумеешь это понять. А теперь повторяй за мной: «Я, Белит...»

— Я, Белит, Тигрица морей, дочь короля Асгалуна, отдаю себя в руки Митры и принимаю его волю,— не дрогнув, повторила Белит.— Если кто-то и должен умереть, пусть это буду я.

— Да исполнится воля Пресветлого! — Краснокожий подошел к Белит и положил руки ей на плечи.— Встань иди мной.

Белит поднялась, натянула длинную шелковую рубаху, затянула ее боевым широким поясом.

—Оружие не понадобится,— предупредил краснокожий, но привычка чувствовать на бедре тяжесть клинка оказалась сильнее любых доводов. Отрицательно покачав головой, Белит вложила клинок в ножны и воткнула в высокую теку тонкую стальную булавку.

— Я готова,— просто сказала она.

— Тогда ступай вперед. Я задержусь еще на мгновение...

В последний раз оглядела Белит каюту, где познала любовь и счастье, которому, как ей казалось, не будет конца. Краснокожий не увидит слез королевы Черного побережья — она преодолеет и эту боль, лишь бы знать, что Конан будет жить. Мотнув головой, словно стряхнув последние иония, Белит вышла на палубу.

Она остановилась. Трагедия пиратской команды развернулась на ее глазах. Крылатый демон, несущий смерть всему живому, вихрем носился по палубе среди неподвижных тел пиратов. Страшное колдовство лишило людей сил, и они и легкой добычей кровожадной bestии. Кровь струилась из разорванных шей, а тварь, урча, вырывала из трупов куски мяса и пожирала, размазывая кровь по безобразной морде. Белит выхватила меч и сделал шаг к чудовищу, но воин-жрец встал у нее на пути.

— Твой клинок не причинит ему вреда,— произнес краснокожий, словно уговаривая маленького ребенка.— Ни ты, ни я больше не существуем в этом мире. Мы невидимы и неощутимы.

— С дороги! — не терпящим возражений голосом приказала Белит.

Не в силах противиться несгибаемой воле королевы морей, мужчина послушно отошел в сторону. Одним прыжком шемитка оказалась возле демона и вонзила меч ему в шею. К ужасу Белит, чудовище даже не заметило удара и, обернувшись, продолжало кровавое пиршество.

— Я предупреждал тебя!

Не слушая, Белит ударила еще раз. И еще. На шкуре проклятой твари не появилось даже следа от удара.

Вдруг чудовище заметило открытую дверь каюты и, прихрамывая, устремилось туда.

— Она пошла за тобой, — невозмутимо заметил жрец.

Когда тварь выбралась на палубу, волоча за собой обнаженное женское тело, шемитка не удержалась от возгласа.

— Но это же я!

— Нет. Ты — здесь, со мной. А то — лишь твой двойник, сотворенный мною при помощи магии. Ибо, во исполнение божественного провидения, смерть твоя должна быть очевидной. В этом мире Белит отныне мертва. Теперь для тебя нет иного пути, кроме как уйти со мной, о мать короля и жреца!

Тварь бросила неподвижное тело на грубые доски и долго вглядывалась в прекрасные черты мертвого лица, словно удивляясь странной добыче. Затем наклонилась, потрогала ожерелье из красных бриллиантов, укравших шею женщины, и вдруг разразилась громовым хохотом.

Нечеловеческая злоба звучала в смехе демона, и Белит невольно поежилась. Внезапно решившись, тварь подпрыгнула, сжимая в лапах неподвижное тело, и взмыла вверх.

Через мгновение лже-Белит закачалась на мачте, подвешенная за собственное ожерелье, а демон широкими кругами летал вокруг судна, оглашая воздух громкими крик

— Нам здесь больше нечего делать. Я не хочу, чтобы ты видела горе твоего возлюбленного. Я и так достаточно заставил тебя страдать, о моя королева. Но в моих силах перенести нас туда, где будет решаться его судьба.

— Хорошо.

— Мы перенесемся во времени. Готовься, ты узришь вечер сегодняшнего дня.

«Из адской бездны и цветущих садов небожители» н приду, любимый, чтобы отвести от тебя любую беду, — думала Белит, пока время и пространство сжимались вокруг нее в пульсирующий алый кокон. — Я отдам тебе всю силу и волю — только живи! Пусть рядом с тобой будет другая — только живи! Пусть ты забудешь меня — только живи!»

— Он никогда не забудет, — прервал мысли Белит тихий голос. — Твоя любовь навеки останется с ним, а память о его любви согреет тебе душу.

— Это ты, Солнцеликий? — спросила Белит, почему-то уверенная, что голос может принадлежать только сияющему «югу».

— Да, возлюбленная дочь моя. Молю тебя, повелитель живущих, позволь мне еще раз поговорить с ним, любить его! Дай мне еще глоток счастья!

— Мое горе так же велико, как и твое, о женщина, но Равновесие сильнее меня, и его хрупкий покой нельзя нарушать.

— Но ты же бог!

— Не боги вершат судьбы смертных.

Алый кокон вокруг Белит внезапно исчез, и шемитка увидела над головой иссиня-черный купол неба. Луна еще не взошла, и в небе сверкали тусклые огоньки звезд. В их свете

Белит разглядела силуэты огромных гиен. Хищники шли стаей, направляясь к развалинам древней пирамиды.

— Нам туда.— Вождь-воин указал на одинокую фигуру, смутно видневшуюся на фоне руин.

Сердце пиратки чуть не выскакивало из груди. Это мог и только он — любимый, единственный мужчина ее жизни. В его руках она была глиной, и ради него она стала тверже глины, жертвуя собой ради его жизни.

—Пойдем.—Не дожидаясь ответа своего спутника, Белит зашагала вперед.

На глазах у пиратки разгорелась битва между Конаном и гиенами, но шемитка знала, что не они представляли главную опасность.

Вот уже последняя тварь забилась в судорогах... Варвар выптер со лба кровь и пот и попытался восстановить дыхание. Вдруг где-то над головой раздалось хлопанье крыльев. Конан поднял меч и начал подниматься на развалины, выискивая глазами нового врага.

Но с воздуха удара не последовало. Вместо этого руины зашатались, грозя похоронить под собой варвара. Нечеловеческим усилием устояв на ногах, Конан спрыгнул на землю — и в это время древняя колонна разлетелась на куски.

Большой обломок мрамора придавил ноги Конана, а множество мелких осыпали руки и лицо. С трудом киммериец приподнялся на одну руку и с ужасом увидел, прямо на него мчится крылатая обезьяна. Превозмогая боль, Конан высвободил ноги из-под валуна... но он уже не успевал дотянуться до меча.

И тогда Белит поняла, что ее час настал.

Дочь королей Асгалуна встала между крылатым демоном и его жертвой. Она протянула ладонь к демону, огонь полыхнул из ее пальцев, точно солнце зажглось в ее руках,— и жалобный визг разорвал ночной воздух. Все случившееся заняло лишь мгновение, но Конан успел перекатиться на бок и схватить клинок.

Тело Белит сияло в лунном свете, черные волосы развевались по ветру.

— Белит! — выкрикнул Конан, — Белит, это ты?

Она обернулась и в последний раз посмотрела на любимого. Если бы только она могла в одном взгляде передать Конану всю свою любовь, всю нежность, всю страсть!..

«Из адской бездны и из садов небожителей поспешу я тебе на помощь,— повторяла Белит вновь и вновь.— Живая ли, мертвая, в этом мире или в другом — я ост»» с тобой, возлюбленный! Моя любовь сохранит тебя от любых напастей. Только обернись — и ты увидишь мою тень. Прислушайся — и услышишь мой шепот: я люблю тебя, Конан. Я буду вечно любить тебя».

«Я люблю тебя!» — повторяла она, когда меч варвара рассек крылатое чудовище.

...Когда, вернувшись на галеру, он повел корабль в крытое море.

...И когда, задыхаясь от скучных мужских рыданий, опускал в холодную черную воду завернутое в пурпурный плащ тело.